

ЛОРА КОЗЛОВСКАЯ

ЗВЕЗДА СЕРАФИМА САРОВСКОГО ...

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ ...

Лора Козловская Звезда Серафима Саровского... Звезда любви...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43676898

Звезда Серафима Саровского... Звезда любви... (Роман в двух частях) /

Л. Козловская: Э.РА, Летний сад; Тель-Авив – Москва; 2018

ISBN 978-5-98856-339-6

Аннотация

«Звезда Серафима Саровского... Звезда Любви...» – это роман, события которого охватывают огромный промежуток времени – со второй половины XIX века по первую половину XX века. Содержание романа основывается на воспоминаниях большого числа очевидцев тех дней, соединённых в общую картину с документально подтверждёнными фактами.

Содержание

От издателя	4
Часть первая	6
I. Терзания Михаила Селивестровича Богдана	6
II. Приезд Михаила Богдана в Могилев к его другу Станиславу-Аугустасу Войцеховскому	30
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Лора Козловская Звезда Серафима Саровского... Звезда Любви...»

*История живет не столько в документах
сколько в памяти людей...*

От издателя

Роман Лоры Козловской «Звезда Серафима Саровского... Звезда Любви...» – это роман о красивых людях, где их любовь и дружба представляют собой высокий уровень человеческих взаимоотношений. И не только об этом... Еще он о людской ненависти, корысти, подлости, хамстве, предательстве и о... христианском всепрощении.

Роман так называется потому, что когда-то, когда главный герой романа – Михаил Богдан был еще мальчиком, его бабушка показала ему в небе красивую звездочку, которая людям с чистой душой дарит большую и светлую любовь. Роман основан на реальных событиях. Это история семьи из знатного рода Козловских в четырех ее поколениях. В ро-

мане затронуты семьи других дворянских и шляхетских родов, а так же семьи простых людей, судьбы которых тесно переплелись воедино. Герои романа – реальные люди и почти все они с реальными именами и фамилиями. Исторический фон романа – времена жестокого гнета крестьян их панами в Царстве Польском, Первая мировая война, Октябрьская революция, которая уничтожила всю русскую интеллигенцию, а оставшихся принудила выживать в ужасающих условиях, а также период НЭПа, репрессии 1937 года, Великая Отечественная война...

С любовью и профессионализмом автор подходит к повествованию, умело оперируя как языковыми приемами, так и историческими деталями, наполняющими текст достоверностью. Читательская аудитория такого издания будет включать довольно обширный круг взрослых, умудренных опытом людей, коих не отпугнет внушительный объем книги, и тех, кто истосковался по качественной литературе в духе русской классики XIX века. Впрочем, и молодежь, захваченная описанной эпохой, безусловно, найдет свой интерес в прочтении произведения и почерпнет для себя много любопытного и нового.

Часть первая

І. Терзания Михаила Селивестровича Богдана

*...И к небу взор поднявши свой,
У Бога для неѣ просил пощады...*

Икона Святого старца Серафима Саровского

Последние дни августа 1932 года выдались в Могилеве ненастными. Вот и в ту беспокойную для семьи Михаила Богдана ночь неистовствовала гроза, рассекая небо зигзагообразными молниями и разбрасывая по саду ветки мечущихся под разгулом стихии деревьев.

Молодая рябина, растущая под окном спальни Михаила,

тревожно стучала красными гроздьями по стеклу окна, как бы моля хозяина спасти ее от ливневого дождя и порывов обезумевшего ветра.

Ночь близилась к концу... Михаил ворочался с боку на бок, отчетливо осознавая, что и в эту ночь уснуть ему не удастся: в соседней комнате мучительно стонала от нестерпимой боли его супруга Анна.

Устало встав с кровати, он снова подошел к иконе Николая Чудотворца, серебряный оклад которой был освещён тлеющим огоньком лампадки.

В полумраке комнаты этот высокий сорокапятилетний мужчина казался много старше своего возраста. Не знакомые с ним люди, посмотрев сейчас на него со стороны, решили бы, что перед ними пожилой, лет шестидесяти пяти человек, который или очень устал от жизни, или болен неизлечимой болезнью. А взъерошенные кольца волос, уже тронутые сединой, помятые парусиновые брюки и несвежая полотняная рубаша поверх них выдавали в нём человека неопрятного и явно безразличного к своей внешности.

На самом деле Михаил таковым не являлся. Все, кто знал этого мужчину, оценивали его как до педантичности аккуратного во всех отношениях человека, признавали в нём эстетически развитую личность. Мало того, он был на редкость красив, что доставляло наслаждение женскому взору, будоражило их воображение и приводило в смятение сердца... Просто горе, нежданно-негаданно свалившееся на его плечи,

сильно вымотало его за последние дни и поселило на лице печать мученика... Величественная его стать поникла, черные круги легли вокруг синих глаз, ясный взор потух, уступив место непреодолимой тоске... Скулы и подбородок покрыла трехдневная щетина.

Упав перед образом Николая Чудотворца на колени, Михаил почувствовал непреодолимое желание снова и снова молиться этому могучему святому, но вдруг со страхом осознал, что все молитвы, которые он непрестанно и так страстно читал на протяжении нескольких последних ночей, как по мановению волшебной палочки, покинули его память. Стоя на коленях, он, обхватив голову руками, только раскачивался из стороны в сторону и безутешно плакал. Несчастье опустошило его и, расставив на жизненном пути засады и тупики, с каждой минутой все явственнее забирало у него надежду на счастливый исход в трагически сложившихся обстоятельствах, свалившихся на его семью.

Неожиданно Михаил почувствовал, как неведомая сила повелела ему подняться с колен и подойти к иконе. Неосознанно повинувшись, он выполнил команду и, подойдя вплотную к лику святого, увидел, что взгляд его, всегда властный, пронизательный, вызывающий в человеке чувство смирения и дисциплинирующий его поведение, на удивление явственно поменялся... Создавалось ощущение, что святой услышал его, свое чадо Михаила, и, пожелав внять его мольбам, взывает к доверительному с ним разговору. И так захотелось

измученному горем Михаилу излить боль своей души Николаю Чудотворцу, захотелось поговорить с ним так, как это можно было бы сделать с самым близким человеком, рассчитывая на взаимопонимание, искренность и дружескую поддержку с его стороны!

– Николай Чудотворец! – протянул Михаил к иконе свои трясущиеся мелкой дрожью руки, – молю тебя!.. Молю о пощаде!.. Жена моя Аннушка заболела... Несколько дней назад укусила её за ногу бездомная собака. Рана сильно нарывает. Все усилия были брошены на то, чтобы облегчить её страдания, однако до сего дня даже врачи не в состоянии ей помочь...

На мгновение он умолк, как бы собираясь с новыми силами и новыми мыслями... Затем вдруг заговорил быстро, сбивчиво, не обращая внимания на сильно пересохшие губы: «Николай Чудотворец, помоги! Умоляю, помоги!!! На силу твою чудотворную уповаю! Так хочу верить, что не откажешь мне в моих мольбах! Верю в тебя, Чудотворец! Верю!» – ударил он себя кулаком в грудь. «Верю в тебя! Верю! Верю!» – бил и бил он себя в грудь, тихо рыдая, и только тело его сотрясалось от kloкочущей в глубине души боли. Грубо, по-мужски, смахнув с глаз горячие слезы, он вновь продолжил свою исповедь: «Николай Чудотворец, вчера днем в очередной раз приезжал к нам врач. Он осмотрел ногу Анны, перебинтовал её, сделал укол, а потом, уходя, сказал, что если до утра лучше не станет, придется забрать Анну в боль-

ницу для ампутации ноги»...

Последняя произнесенная им фраза помутила его рассудок, осознание неотвратимого горя больно сдавило сердце, а желание помочь любимой женщине наткнулось на ощущение полной беспомощности в достижении желаемого. Никогда в жизни Михаил не чувствовал себя таким никчемным и бесполезным для той единственной в его жизни женщины, которая так остро нуждалась сейчас в его помощи. Отчаяние перед собственным бессилием остро ударило по его мужскому самолюбию. Он отошел от иконы и принялся ходить из угла в угол по комнате, с трудом понимая, кто он, где он, не отдавая отчёта в своих действиях, испытывая только лютую ненависть к самому себе.

«Ну, чем, чем я еще могу помочь своей Аннушке?!» – вновь и вновь обращался он всё с тем же вопросом к измученному своему сердцу.

Пришедший ему на помощь разум тут же стал импульсивно анализировать, какие варианты в оказываемой им помощи жене могли быть еще упущены... Когда же оказалось, что все возможности его исчерпаны, а значит, остается только уповать на волю судьбы он, сдавив голову руками, принялся истерично метаться из угла в угол по комнате...

– Ненавижу себя!.. Ненавижу!!! – вырвалось с отчаянием из его груди. – Из-за тебя, мразь, из-за тебя, ничтожество, погибает сейчас женщина, которую Господь сотворил из красоты и добродетели. Женщина, на которую надо молиться,

как на икону, а не использовать, как тягловую силу, взвалив непосильный груз бытовых проблем на её хрупкие плечи! Женщина, чьи предки кровными узами были связаны с членами высочайших дворянских семей! Да как ты, простолюдин по происхождению, даже в мыслях посмел поставить себя рядом с ней?!! Тебе же, ничтожество, когда ты просил ее руки и сердца, четко разъясняли: не порть жизнь Анне! Не сможешь ты обеспечить привычного для нее уровня жизни! Не сможешь! Не сможешь!!!

Истерзанный чувством вины перед женой, Михаил устало привалился спиной к стене и опухшими от слез глазами стал безучастно вглядываться в полумрак комнаты. Постояв так какое-то время, медленно съехал по стене вниз, присел на корточки и, вцепившись руками во взъерошенные волосы, тихо заплакал. Плакал он горестно и безутешно, не контролируя своих эмоций, так, как плачут сломленные жестокой судьбой люди. Он уже осознавал всю безысходность положения, в которое его загнала беда.

Сколько так просидел на полу, и сам не знал. Но вдруг поймал себя на мысли, что взгляд его оценивающе скользит по стенам и обстановке комнаты, в которой он находится, а мозг проводит детальное сравнение увиденного, представляющего собой удручающее зрелище, с красивой картинкой роскошного дома семьи Козловских, где провела его Аннушка свое детство и юность.

Этот дом, со всей присущей ему претенциозностью, все

отчетливее и отчетливее стал проявляться в его сознании, что еще острее подчеркивало всю серую действительность, в которой сейчас находилась его любимая женщина...

Михаил снова пробежал взглядом по комнате... Вот перед ним две деревянные кровати, небольшой двустворчатый шкаф и высокий комод с шестью большими выдвижными ящиками. Эту мебель он сделал своими руками, сделал умело и с очень большой любовью. Створки шкафов, спинки кроватей и ящики комода украсил накладным декором, представляющим собой сложную композицию из плодов рябины с ажурными листочками и веточек дуба, усыпанных желудями.

Все свободное время после работы на Могилевской шелковой фабрике, где он числился плотником, Михаил проводил в своей столярной мастерской. Там, всецело отдаваясь любимому делу, мастерил он мебель на радость родным и близким, и все те, кто бывали у него в гостях, искренне восхищались его талантом краснодеревщика, коим он и слыл во всей округе. Да Михаил и сам не без гордости для себя отмечал, что любая вещь, задуманная им для воплощения в жизнь, оказывается ему по плечу и исполняется искусно, что радовало его сердце и побуждало к новым свершениям. И ведь на самом деле, до этой минуты Михаил без всяких сомнений довольствовался обстановкой своего дома, которую создал своими руками... Но только до этой минуты!!! А теперь вся эта самодельная мебель показалась ему обыкновен-

ной кустарщиной!.. Жалкой подделкой под ту роскошь, которая в девичестве окружала его Аннушку. Это обстоятельство жесточайшим протестом вырвалось из его души наружу...

– Кошмар! Какой же кругом кошмар! – прохрипел он, потерявши по причине усталости свой приятный природный баритон. А взгляд его, преисполненный отвращения, снова и снова скользил со шкафа на комод, с комода на кровати. Этот взгляд уже делал свое дело... Безо всякого сожаления он крушил всю обстановку комнаты. Крушил то, что совсем недавно было дорого для него, являлось предметом его гордости, составляющей уюта в его доме, составляющей уюта в их отношениях с Анной.

– Да разве на таких убогих кроватях должна спать моя Анна, моя Царица?! – возопил он к самому себе и тут же почувствовал, как очередная горячая волна отчаяния обдала его сердце. Он снова с брезгливостью взглянул на одну из кроватей, где провел уже несколько бессонных ночей... На сбитую простынь и смятую подушку... На съехавшее на пол одеяло... На низкие потолки комнаты и небольшое, с ситцевыми занавесками окошко, выходящее в палисадник.

– О, Jezus Maria!!! – стремительно закрыл он руками глаза, – какая кругом убогость!.. Какая серость!.. И ведь это – самое большое, что я могу дать своей семье!!! Уста-а-ал!.. – вырвалось стоном из его уст. – Уста-а-ал!.. Как я устал!..

А в памяти его с какой-то болезненной навязчивостью

стали вновь и вновь вырисовываться живописные картинки роскошного дома Козловских, где провела его Аннушка свое детство и юность.

Вот, совершенно отчетливо, видится ему фасад этого величественного двухэтажного каменного дома с шестью белыми колоннами у парадного входа и двумя скульптурами пантер из черного мрамора, мертвой хваткой держащих в зубах бездыханных перепелок.

Пантеры, стоящие на высоких пьедесталах, символизируют мощь и величие рода Козловских, а еще напоминают окружающим о том, что семья эта находится под покровительством потусторонних сил, способных любого неприятеля, посягнувшего на честь и величие этой фамилии, словно жалких перепелок, растерзать в клочья.

Здесь, именно здесь провела его Аннушка семнадцать лет своей беззаботной девичьей жизни. Здесь она жила со своей семьей: с бабушкой, князем Иваном Владимировичем, с родителями, с двумя своими братьями и двумя сестрами.

Этот дом, когда Михаил увидел его впервые, тут же напомнил ему огромный белый корабль, на века бросивший свой якорь в глубине аллея старого ухоженного парка. Больше века в натертых до безупречного блеска окнах этого дома отражалось живописное озеро, находящееся почти рядом с парадным его входом.

Между озером и домом – вольготная лужайка, поросшая мягкой зеленой травкой. В самом центре лужайки – круглая

беседка-ротонда, зеленый купол которой поддерживают восемь белых колонн.

А вот узкая тропинка, протоптанная ногами людей через эту лужайку. Веселой извилистой змейкой бежит она от дома к озеру, соединяя собой рукотворное чудо, созданное людьми – роскошный дом Козловских, с чудом нерукотворным – озером, созданным на радость окружающим самой ма-тушкой-природой.

Как кадры из немого кино, замелькали в сознании Михаила восхитительные интерьеры просторных залов дома Козловских, по которым водила его тогда, в далеком уже 1915 году, совсем еще юная Анна.

Вот ему видится, как входят они с Анной в зал для приема гостей, потолки которого отделаны лепниной, а стены окрашены в темно-голубой цвет... Высокие полуциркульные проемы окон украшены шторами из белого воздушного шелка. Торжественность им придают затейливые ламбрекены, кружева и многочисленные банты. Солнечный свет струится из окон и падает на яркие узоры персидских ковров, устилающих паркетные полы зала, рассеивается по его стенам, по старинной мебели, по роскошным статуэткам и посуде из мейсенского фарфора, искрится в хрустальных подвесках многочисленных люстр, в позолоте рам, обрамляющих портреты знатных предков Анны.

А вот и большой белый рояль, в центре которого – высокая фарфоровая ваза, наполненная цветами белых хризан-

тем. Вокруг рояля сгруппировались мягкие кресла с подлокотниками...

Следующее помещение, которое явственно прояснилось в памяти Михаила – зал для проведения балов... Очень большой и светлый зал, с колоннами по обеим сторонам. Стены бальной залы и колонны окрашены в белый цвет, капители колонн тонированы позолотой.

Спальня его Аннушки на втором этаже... Просторная комната с двумя высокими окнами. Стены оклеены обоями розового цвета с орнаментом из мелких белых цветочков.

Вся мебель в комнате Анны: большая кровать, два двухстворчатых шкафа, тумбочки, стулья, комод и секретер – выполнены из дерева и тонированы в белый цвет.

На небольшом диванчике, обтянутом розовым шёлком, сидят две большие фарфоровые куклы, одетые в длинные кружевные платья и в милых ботиночках на ногах. Носик у одной из кукол отбит..... но от этого её взгляд не утратил своего былого высокомерия...

На стене, напротив кровати Анны – большой портрет в белой деревянной раме, на котором изображена маленькая, лет пяти девочка, сидящая на розовом диванчике в обнимку всё с теми же двумя куклами. Несомненно, что это Аннушка, хозяйка этой комнаты и этих кукол!..

На тумбочке, обок с кроватью Анны, стоят два канделябра с множеством оплывших свечей. Это наводит на мысль, что хозяйка комнаты подолгу читает ночами. Подтверждением

тому – лежащая рядом с канделябрами книга, повидавшая много человеческих рук. Она лежит раскрытыми страницами вверх. Михаил вспомнил, насколько же велико было его желание узнать, как называется эта книга и чем уж так сильно смогла она заинтересовать его любимую Аннушку, раз уж она все ночи напролет не выпускает её из рук. Но... не решился он тогда этого сделать...

Но особое, неизгладимое впечатление произвела тогда на Михаила большая кровать Анны с белым кружевным балдахинном в ее изголовье. Полы балдахина были раздвинутыми, что и позволило ему оценить всю роскошь спинки этой, со сложным ажурным узором, кровати.

Царственную изысканность её ажурному узору придавала вкрапленная в него позолота, а элемент декора из дерева, в виде белых голубка и голубки на самой ее вершине – неповторимый шарм.

Голубок, цепко ухватившись своими позолоченными лапками за витиеватый узор спинки кровати, держал в позолоченном клювике розовый бантик с прикрепленным к нему сердечком из червонного золота. Створки сердечка при желании можно было раскрыть, спрятав внутрь портрет возлюбленного. Для этого стоило лишь повернуть в крохотной замочной скважине такой же крохотный золотой ключик.

С каким же нежным трепетом смотрел этот голубок на свою возлюбленную голубку, страстно желая только одного: чтобы она приняла из его клювика заветное сердечко!.. Но

голубка пребывала в раздумьях... Отвернув от голубка-кавалера свою головку в сторону, не спешила она принимать от него приготовленный для нее подарок.

Михаил совершенно отчетливо припомнил ту волну ревности, которая обдала тогда его молодое, страстно влюбленное в Анну сердце: «А вдруг это сердечко уже было занято кем-то?» И тут же – мучительное сомнение: «А вдруг ему всё-таки не удастся его завоевать?»

Но..... все это было давно... Очень давно... На этом Михаил прервал свои воспоминания.

– И зачем я только появился на жизненном пути Анны?! – с истеричными нотками в голосе обратился он к самому себе. – Зачем?! Кто пояснит мне, зачем?! – все сильнее и сильнее стали накрывать его эмоции. – Ради меня отказалась она от хорошей жизни, на которую вправе могла рассчитывать. Ради меня ввергла себя в ситуацию жить тем, что предлагают ей теперь обстоятельства. Ну-у-у... и что же они, эти обстоятельства, предлагают ей теперь?.. – пробежал он ненавидящим взглядом по обстановке комнаты, в которой находился. О-о-о..... какое же уныние навеяло на него вновь всё то, что его окружало... Всё то, что, до сего времени, не только удовлетворяло, но и позволяло чувствовать своё превосходство над теми, кто жил гораздо беднее его семьи.

– О, Jezus Maria! – с горечью воскликнул он, – если бы еще и мебелишку своими руками не смастерил, то обстоятельства нашей жизни с Анной сложились бы куда плачев-

нее, нежели теперь. На жалкие гроши, приносимые мною с шелковой фабрики, сильно-то не разгуляешься!.. Достоинно на них не проживешь... «Что ж... – с горечью усмехнулся он, – остается только надеяться, что когда-нибудь наступит то лучшее, ради которого приходится жить в тягостном его ожидании сегодня. А наступит ли оно, то лучшее, на которое ты, Михаил, уповаешь? Ну?!! Как мыслишь?!! Наступит?..» – обратился он въедливый взор в глубину своего сердца. «Так наступит или нет?!!» – заиграли желваки на его лице, а руки инстинктивно сжались в крутые кулаки...

«Нет... не наступит! – пришел ему незамедлительный ответ из глубин его подсознания. – Обречён ты, Михаил Богдан, на вечную бедность... Обречён!!! Да и всё твоё семейство, так же, как и ты сам, обречено на ту же вечную бедность!!! Даже и не сомневайся в этом... Даже и не сомневайся...»

– А я и не сомневаюсь!.. Знаю, что обречён!.. Знаю!!! – с ожесточением ответил он самому себе, – скорее, для того, чтобы еще больше разозлить себя и с этой злостью выплеснуть из своей души наружу как можно больше скопившегося на жизнь гнева. – Да и только ли я обречен на эту бедность?.. Только ли я один?.. Да ведь и Аннушка моя понесла тот же тяжкий крест, что и я!.. Ох, как понесла!.. – ухватился он руками за голову. – И ведь по моей вине его понесла!.. По моей вине!!! – выкрикнул он вдруг сорвавшимся на фальцет голосом.

И новая, неудержимая волна очередного гнева, вызвавшая еще большее отвращение ко всему тому, что попадало в поле его зрения, окатила его сердце. Ум его помрачился, губы затряслись мелкой дрожью... Состояние на грани сумасшествия...

Неумная ярость подхватила его с пола... Не в силах больше контролировать свои эмоции, он резко рванул съехавшее с кровати одеяло, прилежно сшитое Анной из разноцветных лоскутков штапеля и ситца, и отшвырнул его в сторону... Следом сорвал с кровати смятую, серую простынь... Затем, в полном исступлении, принялся сбрасывать с кровати подушки, грязные наволочки которых давным-давно нуждались в добросовестной стирке.

– К чёрту все!!! Все к чёрту!!! – орал он, отшвыривая от себя в разные стороны всё то, что попадало в поле его зрения: сбившийся на полу коврик, грязные носки, а еще башмаки, почему-то валяющиеся посередине комнаты... Одним движением руки сбросил с комода пузырьки и гребни, откинул в сторону попавшийся под руки стул... Наконец, вымученный, рухнул на краешек своей растерзанной кровати...

– Господи! Как жить?!! Как жить-то, Господи?! – вскинул он страдальческий свой взгляд и трясущиеся руки вверх. – Аннушка моя, аристократка по сути своей и по своему происхождению, вынуждена теперь водить свиней, доить корову, день и ночь обшивать наших дочерей, рожденных от моей безумной страсти! Да!!! Да!!! От моей безумной страсти!!! –

как-то уж очень озлобленно кинул он последнюю фразу в сторону того, кого рядом с ним, несомненно, не было, но, несмотря на это, все-таки дерзнувшему усомниться в сказанном им...

– Ну-у-у... что, пан Богдан, – снова язвительно обратился он к самому себе, – говоришь, любовь к княжне Анне Козловской скрутила тебя тогда в бараний рог?! Влюбился в нее с первого взгляда?.. Жизни без нее уже себе не представлял?! Не-е-ет, дорогой мой, – в глазах его проскочили искорки сумасшествия, – о себе ты тогда в первую очередь думал!.. О себе!.. Только о себе самом!!! Надо было зажать свои чувства в кулак, во-о-от та-а-к!!! – сжал он кулак до хруста в пальцах, – и уйти с её пути, коль уж понимал, что ничего не сможешь ей дать! Уйти!.. Слышишь?.. Уйти!!! Правильно, что её мать возненавидела тебя, ничтожество! Правильно!!! Ох, как правильно!!! – ударил он в исступлении кулаком о стену. – Правильно! Правильно!!! Правильно!!! – стал он бить и бить кулаком о стену, не обращая внимания на страшную боль в костяшках пальцев...

Но тут..... образ Николая Чудотворца все отчетливее и отчетливее стал проясняться в его сознании. Взгляд Святителя был полон гнева... Что произошло с ним дальше, Михаил и сам до конца не понял. Но словно незримая рука подняла его в воздух и кинула на колени перед ликом святого...

– Святой Николай Чудотворец! Молю тебя, помоги сохранить здоровье и жизнь моей любимой Аннушке, – страст-

но зашептал Михаил. – У нас пять дочерей, которых еще предстоит поставить на ноги. Старшей Вере – шестнадцать лет... Тонечке – четырнадцать... Ольге – двенадцать... Анфисе только десять... Ну, а самой младшенькой нашей, нашему «Мизинчику», нашей Галочке, ещё и двух-то не исполнилось. Девочки совсем малы и ещё долго будут нуждаться в нашей родительской опеке. Николай Чудотворец, я целыми днями пропадаю на работе и только вечерами могу немного разгрузить свою женушку, на плечи которой взвалена вся работа по дому и хозяйству. Что же мы будем делать, если ей отнимут ногу и она на всю жизнь останется инвалидом?.. А если... и вовсе умрет?..

От страха, что такое подумал, Михаил крепко-крепко зажал себе рот рукой... Горячие слезы навернулись на его глаза и, обжигая щеки, потекли на засаленную полотняную рубаху, где стали расплываться большими мокрыми пятнами.

Но тут... за стеной, послышался легкий стон Анны. Михаил встал с колен и отошел от иконы к окну. Опершись лбом о стекло, он стал отрешённо вглядываться в темную улицу. Непроглядная ночь очень неохотно уступала место зарождающемуся утру. Дождь немного стих, только ветер продолжал нещадно качать из стороны в сторону замученную ночной стихией рябинку. Растеряв из своих гроздей добрую половину еще не доспевших красных ягод, оплакивала она их бурными потоками слез, льющихся с ажурных её листочков на землю.

Наконец, набравшись самообладания, Михаил отошёл от окна и решительно направился в соседнюю комнату, туда, где уже третьи сутки напролёт лежала прикованная к постели его ненаглядная жена, его, несравненная Аннушка, его цветочек по имени «Анютини глазки», как любил он ласково шептать ей на ушко...

В комнате, где одиноко лежала в своей постели не подающая никаких признаков жизни Анна, царил полумрак. Михаил подошел к ней и с болью в сердце стал всматриваться в её изможденное лицо. Большие глаза Анны, прикрытые веками, сильно ввалились, а аккуратный, с небольшой горбинкой носик заострился. Губы были бледны и сильно пересохли. Длинная тёмно-русовая коса растрепалась и уныло свисала с кровати. Цветастый штапельный платочек, покрывавший её голову, сбился и сиротливо лежал на краю подушки... Поверх лоскутного одеяла, которым она была укрыта, покоились скрещенные на ее груди маленькие, натруженные тяжелым крестьянским трудом ручки...

Создавалось впечатление, что она мертва, и только игра теней на её лице, творимая мечущимся из стороны в сторону фитильком лампадки, придавала её образу какую-то живость...

Услужливое воображение Михаила не заставило себя долго ждать, нарисовав в его сознании жуткую картину похорон любимой жены. Его сердце, уставшее от страданий, тут же отозвалось в груди нестерпимой болью, которая вырвалась

наружу протяжным стоном.

Отмахнувшись от страшного видения, Михаил несколько раз перекрестился и тихонько, чтобы не потревожить жену, присел на краешек её кровати...

– Как себя чувствуешь, цветочек мой? – спросил он ее. Однако и сам до конца не понял, обратился к ней вслух, или мысленно, настолько слабым был его голос. Но увидев, что ресницы Анны едва дрогнули, легонько погладил своей рукой безжизненно лежащую поверх одеяла её руку и тихо сказал: «Вижу, Аннушка, что дела твои неплохи... Совсем неплохи... Скоро ты поправишься, и у нас с тобой все снова будет хорошо... Правда, любимая?..»

Но Анна молчала... Он же, поняв, что сказанное им прозвучало охрипшим и уставшим, полным бедственного уныния голосом, да ещё без малейшей веры в то, что она, жена его, когда-нибудь непременно поправится, сильно испугался этого и стал настороженно всматриваться в её лицо. Как же ему хотелось, чтобы его Аннушка не разгадала смятения, охватившего его, не почувствовала, что он уже потерял веру в её выздоровление и сейчас, сломленный морально и физически, сидит тут, у её постели, не понимая, что ему со всем этим делать... Скорбь его души, собравшись в горестный комок, горячими слезами вырвалась наружу, и он беззвучно и безутешно заплакал...

Анна, ощутив присутствие мужа, попыталась приоткрыть глаза, но удалось ей это с большим трудом... Поняв, что на

это уходят последние силы, она не предприняла другой попытки взглянуть на него и, расслабившись, снова впала в забытье...

Михаил взял ее руки и стал нежно целовать ссадины и царапины на её тонких пальчиках. Затем уткнулся в её ладошки небритым своим лицом... нет, не уткнулся... зарылся в них всем своим существом, желая найти успокоение в теплоте родных, но таких безжизненных сейчас рук, желая спрятаться в них от свалившегося на него горя. Тело его сотрясало беззвучное рыдание. Безутешные слезы смывали с истерзанной его души горе...

Но тут... ему показалось, что губы Анны шевельнулись. «Может, пытается что-то сказать? Хочет о чем-то попросить?..» – насторожился он. Склонившись над ней, стал вглядываться в её лицо. Он желал понять, на самом ли деле она хотела ему что-то сказать или ему это только показалась?.. Но нет, Анна по-прежнему находилась в забытии. Михаил провел рукой по овалу её лица... потом по мягким её волосам, легонько поцеловал в висок, в то самое место, где под тонкой, бледной его кожей встревоженно пульсировала воспаленная змейка голубого сосуда...

Длинные ресницы Анны вновь легонько дрогнули... Он даже успел заметить, что по её лицу, на котором закрепилась безнадежная маска мученицы, проскользнула едва уловимая улыбка. Да, да, он это заметил!.. Но... только на короткий миг проскользнула и, задержавшись на нем не более,

чем вспышка молнии на грозовом небе, снова уступила место сначала глубокому страданию, затем полубессознательному состоянию...

– Ох-х-х... Господи!.. Прости меня, Господи!.. – глухо простонал он. – Прости меня за то, что по моей вине эта роскошная женщина лежит сейчас здесь, в этом убогом жилище, совершенно истерзанная и покалеченная, а я, призванный помогать ей во всем, призванный защищать её от всего, сижу здесь, у её постели, полностью беспомощный и бессильный от безжалостно сломившего меня горя...

Михаил вновь стал целовать вымученные тяжелым крестьянским трудом пальчики своей любимой жены. Он целовал их так же нежно и ласково, как тогда, очень давно, когда предложил ей стать его невестой и услышал от неё в ответ вожделенное им слово – *Согласна!!!*

А еще ему припомнилось, как когда-то давно и с великим упоением наблюдал он за тем, как эти тонкие пальчики Анны свободно и непринужденно бегали по клавиатуре рояля, беря сложные аккорды произведений великого Шопена. Как же она, его Анна, была тогда еще юна!.. А как красива...

Как часто прокручивал он в мыслях воспоминания, связанные с днем первой их встречи, когда он, представленный княжне Анне Козловской своим другом Станиславом Войцеховским, жадно всматривался в неё, стоящую перед ним барышню, милый образ которой, втайне от него самого, уже давно жил в его сердце... Как важна для него была тогда каж-

дая деталь, каждая мелочь тех мгновений, во время которых он познавал её... Пытался определить для себя, действительно ли перед ним та самая, к которой так стремилась его душа, та самая, о которой она давно уже плакала. Действительно ли это та женщина, которая в состоянии подарить ему настоящую любовь, которую с таким нетерпением ждало его сердце, вымаливая изо дня в день у судьбы...

– Когда же это было?.. Сколько времени прошло с тех пор?.. – неожиданно вслух спросил самого себя Михаил.

– В конце августа 1915 года это было, – прошептали в ответ его губы.

– В конце августа 1915 года?.. – переспросил он самого себя. – Что же получается?.. Семнадцать лет прошло с тех пор, как я повстречал свою Анну?!! Не может такого быть!.. Не может!!! Ведь ещё так свежи воспоминания, связывающие меня с тем днем, словно всё это было только вчера...

И мысли Михаила вновь поплыли в тот уже далёкий 1915 год, такой счастливый для них с Анной год, когда судьба соединила их сердца, и такой трагичный для всего человечества год, когда весь мир сотрясала жестокая, кровопролитная Империалистическая война.

Он вернулся мыслями в те, необычайно теплые для той поры года денёчки, когда он, двадцативосьмилетний студент из Варшавы, прибыл в город Могилев погостить к своему лучшему другу Станиславу Войцеховскому, которому, по воле судьбы, и суждено было свести его с Анной Козловской,

с его будущей женой. Это было давно... Это было 30 августа 1915 года... Дата, с которой начался отсчёт их ярко вспыхнувшей, великой любви.

II. Приезд Михаила Богдана в Могилев к его другу Станиславу-Аугустасу Войцеховскому

Итак... листки календаря 1915 года отсчитывали последние денечки уходящего лета. Уже второй год, начиная с 19 июля (1 августа) 1914 года, шла Мировая, или как ее ещё называли, Империалистическая война, объявленная России Германией. Война, которая продлится потом 4 года и 4 месяца. Война, в которую будут втянуты 33 страны с населением более 1,5 миллиарда человек, а это 75 % всех жителей планеты Земля! Война, в итоге которой будет убито, ранено, искалечено около 30 миллионов человек. Но все эти данные подытожат потом, после её окончания – в 1918 году...

А пока, в данном 1915 году, о котором сейчас идёт речь, война только набирала свои смертельные обороты, принося с фронтов горестные сводки о провалах российских войск, плохо подготовленных к этой войне. Тысячи полуголодных, плохо экипированных, лишённых военной техники, оружия и боеприпасов солдат и офицеров, призванных на фронт, продолжали гибнуть за Россию и царя-батюшку в кровавых

окопах этой Империалистической войны...

В это самое время из фронтовой полосы потянулись в Россию через Могилевскую губернию тысячи беженцев. В Могилеве первыми ласточками войны стали беженцы из Ковно (теперь Каунас). Это были евреи, выселенные в трёхдневный срок из крепости в город Могилев по приказу коменданта крепости, как элемент малонадежный и опасный. Возражать евреям не рекомендовалось, а рекомендовалось ехать в Могилев и оставаться там до конца войны. Незамедлительно собрав свои пожитки, они направились туда, куда им было приказано. Благополучно добравшись до Могилева, они, совершенно неожиданно для его жителей, наводнили город своими многочисленными повозками, наполненными домашним скарбом, пуховиками и подушками, из которых выглядывали испуганные лица стариков, старух и детей. Прямо-таки невиданное зрелище!.. Прохожие останавливались и с удивлением смотрели на всю эту бесконечную процессию, которая запрудила собой всю улицу от вокзала до Собора. Евреи же, решив, что добрались-таки до места назначения, начали потихоньку останавливать свои повозки и, пугливо озираясь по сторонам, слезать с телег...

Но, увы, в Могилеве их никто не ждал!.. О присутствии в Ставке столь опасных беженцев не было и речи! Как только все эти измученные долгим переездом люди приехали к месту назначения, в Могилев, им тут же было приказано в 24 часа покинуть город и ехать куда угодно, хоть в Тамбов...

хоть в Пензу... хоть в Саратов... хоть к черту на рога, но только подальше от Могилева... подальше от Ставки!

Тут... нервы этих людей не выдержали, и они начали устраивать истерики, вздымая к небесам руки, но их некому было слушать. И уже утром от их присутствия в Могилеве не осталось и следа...

Неудивительно, что продолжительный переезд из Ковно до Могилева поглотил все средства этих несчастных людей, и одному Богу дано было знать, что их ждало в дальнейшей дороге, ведь в стране царила неразбериха, в городах и весях России люди пухли от голода, кругом царили грабежи и убийства...

Но были в Империи и другие, не тронутые войной города, словно все ещё живущие в благословенном 1913 году. К таким городам можно было смело отнести и город Могилев, который хоть и всколыхнулся, как и вся Россия, от объявленной войны, но на значительное изменение привычного для него уклада жизни это никак не повлияло. Всё так же, как и перед войной, работали учебные заведения, магазины, рестораны, кофейни... Проходили службы в церквях всех конфессий... Люди спешили в театры, кинематограф, ходили в гости. Все так же шли на службу утром чиновники, а вечерами играли в карты и развлекались с дамочками полусвета. И всё так же важный полицмейстер ездил на паре лошадей и наводил в городе порядок...

А еще, как и прежде, люди влюблялись, женились, разво-

дились, рожали детей... Всё с тем же азартом перемывали друг другу кости, обсуждали последние веяния моды... Всё, как и прежде! Всё!.. Но... с одной лишь оговоркой – в те дни в душах людей, помимо интересов к своей и чужой личной жизни, помимо размышлений о смысле бытия да о хлебе насущном, множились страхи, связанные с тревожными военными сводками, поступающими с фронтов жесточайшей войны.

Вот именно в этом тревожном 1915 военном году, в конце его уходящего лета, а конкретно, в день 29 августа, молодой поляк Михаил Богдан и приехал в военную столицу Российской Империи – в город Могилев погостить у своего близкого друга Станислава-Аугустаса Войцеховского.

Дружба двух приятелей – Михаила Богдана и Станислава Войцеховского – уходила корнями в их раннее детство. Уже с тех самых пор они были не просто друзьями, они ощущали себя – братьями!..

Двадцативосьмилетний Станислав Адамович Войцеховский работал управляющим в одном из частных банков Могилева, был богат и водил знакомства с завидными невестами из благородных семейств их города. По жилам Станислава Войцеховского текла голубая кровь знатных польских, литовских и немецких родов. А фамилия его отца, которую он носил, принадлежала к древнепольскому дворянскому роду Войцеховских. Еще в 1815 году, когда центральная Польша вошла в состав Российской Империи, император

Александр I предоставил польской шляхте права русского дворянства, и предки Станислава переехали на постоянное местожительство в Санкт-Петербург, где сначала и родился его дед, Ян Войцеховский, а впоследствии и его отец, Адам Янович Войцеховский.

Будучи еще молодым человеком, Адам Войцеховский, в будущем отец Станислава, переехал из Санкт-Петербурга на постоянное место жительства в Варшаву, где оставалось проживать много его родственников и по линии отца, и по линии его матери. Там он получил хорошее образование, а позже очень удачно женился на дочери важного чиновника из влиятельного семейства Ландсбергисов, корни которого имели литовское происхождение. Семейство Ландсбергисов являлось носителями баронского титула, получив его от предков, титулованных дворян в нескольких поколениях. Представители семейства Ландсбергисов, по большей своей части, являлись банковскими служащими.

Сам же Станислав, сын Адама Войцеховского, родился в Варшаве в апреле 1887 года, однако все своё детство провел в Гродненской губернии, в одном из имений своего деда, барона Генриха-Гедеминаса Ландсбергиса, отца своей матери.

Дедушка и внук души не чаяли друг в друге, поэтому Станек, как звали малыша дома, практически не покидал деда и даже разъезжал с ним по всевозможным делам, куда дед брал его с чрезвычайным удовольствием.

С самых ранних лет маленький Станек, пухленький, зла-

токудрый малыш с кукольными чертами лица, привык, чтобы им всегда и все восхищались...

«Ух, какой славный барчонок!..» – слышал он в свой адрес восторженные возгласы со стороны простых людей...

«Ох, какой неземной красоты ребенок! Словно Царица Небесная упустила из рук свое дитя, а его подхватили на руки земляне!..» – с упоением восторгались господа.

Первое своё образование Станек получал непосредственно в доме деда, который для этой цели нанял для своего беззаветно любимого внука гувернера-француза и лучших учителей, призванных дать мальчику знания, необходимые благовоспитанному человеку.

Домашнее образование окончательно испортило и без того уже балованного и капризного Станислава. А все потому, что он получил от деда вседозволяющую власть над появившимися в их доме взрослыми людьми, которым, как оказалось, отведена была роль стать не только его наставниками, но еще и объектами для отработки его лидерских задатков.

Зная о своей безнаказанности, Станислав без зазрения совести дерзил и своевольничал с ними, со своими учителями... А они, в страхе потерять хорошо, скажем так... очень хорошо оплачиваемую работу, потакали ему во всем, страшились лишний раз сделать ему какое-либо замечание даже тогда, когда его вздорное поведение совсем уж выходило за все немыслимые рамки вседозволенности.

Да и над дворовым людом не отказывал себе в удоволь-

ствии поизмываться маленький деспот Станислав, не имея никакого понятия о сострадании к простым людям. А также не упускал момент спровоцировать потасовку, а то и серьезную драку со своими сверстниками, если кто-то из них не угодил ему в чём-то или не пожелал подчиниться его воле.

Когда же Станек подрос и встал вопрос о дальнейшем его образовании, родители решили забрать его к себе в Варшаву, чтобы он продолжил свое обучение в лицее их города. Однако старый дед Генрих-Гедеминас Ландсбергис, чтобы не расставаться со своим любимым внуком, стал решительно настаивать на том, чтобы тот продолжил учебу в мужской гимназии неподалеку от одного из его имений. Родители Станислава предприняли попытку возразить ему, своему отцу, сославшись на то, что, несмотря на заметные достоинства гимназического образования, существует всё-таки немаловажный негативный аспект, связанный с этим самым гимназическим образованием, а в частности, что в гимназии не возбраняется принимать на учебу детей из других, более низших сословий общества. Пытались донести до него, что дворянство, особенно богатое и родовитое, неохотно отдает в гимназии своих детей, дабы не смешивать их с «грязным людом», в обществе которого их отпрыскам могут быть привиты дурные привычки и склонности.

Но дед, в руках которого был основной капитал семьи, припугнул свою дочь и зятя тем, что если они будут ему противиться, то все движимое и недвижимое имущество се-

мый он передаст в пользу католической церкви. Тем более, нет ничего страшного, если мальчик научится общаться с детьми разных сословий. Ведь его готовят не к жизни в цветочной оранжерее, а к жизни в большом и сложном социуме, где на пути его повстречаются люди из разных слоев общества, в том числе, и из «грязного», как они изволили выразиться.

Ну, что ж... родителям Станислава ничего не оставалось делать, как только согласиться со своим вздорным отцом, и их сын Станислав-Аугустас стал посещать мужскую гимназию неподалеку от одного из имений своего деда.

По окончании гимназии Станислав в сопровождении своего деда переехал на постоянное место жительства в Санкт-Петербург, где по-прежнему оставалось проживать много его родственников – и по линии Войцеховских, и по линии Ландсбергисов.

В Санкт-Петербурге Станислава стали усердно готовить для поступления в университет, в который он потом успешно поступил, а по его окончании, будучи к этому времени уже наследником всего движимого и недвижимого имущества своего деда, несколько лет проработал служащим в одном из банков Санкт-Петербурга.

В феврале 1914 года, по приглашению своего дяди Франца Яновича Войцеховского, крупного Могилевского чиновника, Станислав переехал жить в Могилев. Его дядя предложил ему должность управляющего в одном из частных

банков города, на что Станислав с радостью согласился, где и зажил припеваючи, ни в чём себе не отказывая.

Станислав-Аугустас Войцеховский производил неизгладимое впечатление на окружающих. Сложно было отвести взгляд от этого высокого, атлетически сложенного парня со златокудрыми волосами, как правило, зачёсанными назад, и благородными чертами лица: величавый светлый лоб, выразительные карие глаза с длинными ресницами, широкие, вразлёт, брови, точёный, с едва заметной горбинкой нос и рот с немного припухлыми губами...

Помимо всего прочего, аристократичность его образу придавала нежная бледность лица с преобладанием в ней небольшого персикового оттенка, что прекрасно сочеталось с его карими глазами и златокудрыми волосами.

Станислав носил маленькие, тщательно ухоженные усики, кончики которых, когда волосы зачесывал на боковой или прямой пробор, подкручивал вверх. Во время раздумья или принятия какого-то важного решения он поглаживал свои усики пальцем, что помогало ему сосредоточиться на сути вопроса.

На людей Станислав смотрел слегка исподлобья и, как правило, с отчуждением во взгляде. Но нередко в его взгляде можно было уловить притаившееся коварство, иногда... издевательскую насмешку, а порой... откровенную циничность...

Общаться с ним было непросто... Редко кому из людей,

вступающих в контакт с господином Войцеховским, удавалось добиться его расположения. Уж очень он был высокомерным, самонадеянным и нетерпимым к чужому суждению. Тем не менее, внимательно слушать людей он умел, но только тех людей, которые смогли убедить его в том, что их мнение заслуживает его внимания и доверять ему можно сполна.

Аккуратный и холеный до педантичности, одетый всегда с иголки и только по последней моде, он всем своим неприступным видом давал понять, что самое ценное в жизни, и это – самого себя, уже приобрёл.

Любить этот баловень судьбы, привыкший получать от жизни все и сразу, не умел, поэтому в отношениях с женщинами был ветреным... в любовных своих привязанностях непостоянным. И женщин это удручало... Им сложно было понять, отчего господин Войцеховский, только что такой галантный и чуткий, делался вдруг неприветливым и равнодушным. Немудрено, что от этого самовлюбленного поляка страдало много молоденьких, с навеки разбитыми сердцами, красавиц.

Но... если все вышеперечисленные черты характера пана Войцеховского взять за правило, а в правиле допустить исключение, то исключением этим можно было бы смело называть его друга – Михаила Богдана...

Вот уж кому, на самом деле – до глубины души, до самозабвения – был предан Станислав!.. Ему, и только одно-

му ему – дорогому своему Михаське! Новых друзей, помимо Михаила Богдана, Станислав, дожив почти до тридцати лет, приобрести так и не сумел. Да и не очень-то к этому стремился... Холодное его величие, источающее крайнее превосходство над всеми, мешало кому-либо наладить с ним приятельские отношения. Человеку, претендующему на роль его друга, предстояло бы пройти немало испытаний, связанных с его капризным характером. Господину Войцеховскому трудно было в чём-то угодить, непросто было подстроиться под его резко меняющееся настроение. Зато выгодные знакомства Станислав Адамович водить умел. Умел быть полезным тем людям, в которых видел свою в том заинтересованность, умел ответственно относиться к делу и данному им слову.

Почему же Михаилу Богдану удалось расположить к себе заносчивого Станислава Войцеховского? Скорее потому, что истоки их дружбы брали свое начало из их далекого детства, когда они вместе посещали гимназию, когда постепенно, с самых первых шагов своего знакомства, учились познавать и завоевывать друг друга.

Поступив на учебу в мужскую гимназию, гимназист Станислав Войцеховский сразу же из числа всех своих одноклассников выделил для себя гимназиста Михаила Богдана... Михаську, как тот сам себя назвал при знакомстве со своими товарищами-гимназистами.

Михаська своими внешними данными оказался под стать самому Станиславу. Так же, как и тот, высокого роста, выше

всех мальчиков-одноклассников почти на целую голову. Так же, как и тот, с роскошными вьющимися волосами. Единственно, Михаська был брюнетом с синими глазами, а кареглазый Станислав был златокудрым. Даже черты лица Михаськи, на удивление всем, оказались очень схожими с чертами лица самого Станислава.

Вот только характеры мальчиков разнились кардинально...

Станислав Войцеховский, воспитанный дедом жить в режиме вседозволенности, с первых же дней занятий в учебном заведении наделал много шума своим несносным, своевольным характером.

Не по душе пришлась гимназисту Войцеховскому строгая дисциплина в гимназии, покушающаяся на свободу его действий. Не по душе ему пришлись учителя, принуждающие его к беспрекословному своему подчинению, не по душе ему пришлось их указание коротко постричь волосы...

В отместку за бесконечные порицания учителей мальчик не отказывал себе в удовольствии поизмываться над ними, прибегая для этого к любым изощрённым способам – засыпал преподавателей теми вопросами, ответы на которые заведомо могли бы заставить их врасплох или ввести в смущение, что его откровенно забавляло... С завидным постоянством демонстрировал им акт своего неповиновения, не отказывал себе в удовольствии вступать с ними, со своими учителями, в не свойственную ученикам и педагогам полемику. Дерзил

им – и тут же... с отчуждением и высокомерием пресекал на полуслове любые сентенции, направленные ими в его адрес.

Очень неплохо удавалось ему подчинять своей воле однокашников. А с теми, кто оказывал ему противодействие, разбираться посредством кулаков либо, в отместку за их непокорность, плести против них каверзные интриги.

Бесцеремонное его самоутверждение в лидерстве провоцировало в гимназии регулярные конфликтные ситуации. Для их разборок в кабинет инспектора гимназии бесконечно приглашался барон Генрих-Гедеминас Ландсбергис, дед Станислава, призванный хоть как-то повлиять на несносный характер своего балованного внука.

Что же касается гимназиста Михаила Богдана, он, несмотря на свои прекрасные физические данные, благодаря которым несомненно сумел бы дать достойный отпор любому мальчику, во всевозможные склоки и драки, спровоцированные, как правило, властолюбивым гимназистом Войцеховским, не ввязывался, но и подчиняться его воле, управлять ему собой, никогда не позволял...

Устраняться от всевозможных конфликтных ситуаций Михаилу Богдану помогало его умение обходить острые углы во взаимоотношениях с людьми, а еще – умение быть справедливым, искренним и отзывчивым другом, что он не раз и доказывал на деле всем своим товарищам по гимназии. Скорее всего, всё это вкупе и помогало ему находиться в добросердечных отношениях не только со всеми однокаш-

никами, но и с самим Станиславом Войцеховским. Вдобавок ко всему, он сыскал к себе доброе расположение среди учителей гимназии, которые, усмотрев в нём качества добропорядочного человека и очень старательного и ответственного ученика, стали выделять его среди остальных учащихся и, даруя ему свое искреннее расположение и покровительство, предоставили возможность находиться в классе на особом, уважаемом счету.

Гимназист Войцеховский стал присматриваться к вдумчивому, справедливому и очень искреннему своему однокласснику – Михаилу Богдану. И его сердце призывно потянулось к этому яркому и надежному во всех отношениях мальчику. Он стал нащупывать с ним точки соприкосновения, и добродушный Михаська поддержал его порыв, не отказав ему в своей дружбе...

Старый барон Ландсбергис, наблюдая за плодотворным влиянием гимназиста Богдана на неуживчивый характер своего горячо любимого внука, не мог нарадоваться тому, что тот, благодаря своему маленькому другу Михаське, сумел приоткрыть своё сердце к истокам настоящей дружбы, а значит, к таким важным качествам характера, как уступчивость, терпение и взаимовыручка.

Дед стал всячески содействовать союзу двух уже плотно сблизившихся ребят, и их отношения день ото дня стали стремительно крепчать, перерастая постепенно в верную дружбу.

Станиславу не раз предоставлялась возможность убедить-ся в искренней привязанности его друга Михаськи к нему. Не раз он был свидетелем того, что только он, его любимый друг Михаська, всегда готов был оказать ему своевременную моральную поддержку. Только он, Михаська, умел с легкостью восстановить душевное его равновесие... умел хранить любые его тайны... умел вовремя дать дельный совет, если его об этом попросили, и не лез в его душу тогда, когда чувствовал, что его в данный момент туда никто не приглашает. Только он, Михаська, мог искренне порадоваться успехам своего друга Станка. И именно Михаська мог все его неудачи с болью в сердце воспринимать, как свои...

Однако... преградой на пути дружбы двух мальчиков стали господа Войцеховские, родители Станислава. До них дошли слухи, что сын их Станислав уж очень сдружился в гимназии с мальчиком, мать которого, как выяснилось позже – простолюдинка и батрачит в поместье Пана. Эта новость возмутила их до невозможности... Отец и мать Станислава поняли, что это обстоятельство является неплохой зацепкой, чтобы выудить сына из рук деда и увезти его с собой в Варшаву. Но дед Ландсбергис невозмутимо пояснил им: «Неважно, кто мать гимназиста Михаила Богдана!.. Тут самое главное, кто его отец!!! А отец его, так уж случилось, как раз-то и есть тот самый пан, в услужении которого находится его мать. И этот пан – не кто-нибудь, а сам барон Стефан Ордоновский!» Да, да! Хорошо известный им барон Ор-

доновский, их добрый сосед, очень влиятельный, прекрасно известный всему светскому обществу аристократ, крупнейший землевладелец в нескольких губерниях Польши. А раз Михаил Богдан приходится хоть и внебрачным, но все-таки кровным сыном такому высокочтимому Ясно Вельможному шляхтичу, как барон Ордоновский, значит, у него, у Михаила, есть все права дружить с их сыном Станиславом...

Известие о том, что Михаил Богдан – сын кухарки, на первых порах по-разному было воспринято и родителями гимназистов. Одни из них отнеслись к этому лояльно... другие – с предвзятостью... третьи – нетерпимо... Настроения родителей передались и их отпрыскам, которые принялись всячески докучать Михаське, придумывая ему прозвища, связанные с его социальным происхождением. Однако на выручку Михаське Богдану, помимо его внебрачного отца – барона Ордоновского, пришел уже и дед Станислава, старый и очень почитаемый в светском обществе барон Генрих-Гедеминас Ландсбергис. Тем самым Михаил Богдан попал под неусыпное покровительство двух наделённых великой властью господ, что и помогло переломить ситуацию в позитивное для него русло. Перед ним распахнулись все двери фамильных дворянских домов, куда он стал приглашаться на утренники, детские балы и дни рождения своих приятелей-одноклассников.

Но после гимназии жизненные пути Станислава и Михаила разошлись. Каждый из них пошёл своей, отдельной друг

от друга дорогой...

Станислав Войцеховский, как уже говорилось выше, уехал на постоянное местожительство в Санкт-Петербург, где впоследствии продолжил свое образование в столичном университете.

Михаил же... как это ни прискорбно, вынужден был после гимназии вернуться обратно, в свою крестьянскую родительскую избу. И не только потому, что сильно занемогла его матушка, а еще и оттого, что барон Ордоновский судьбой своего внебрачного сына больше не интересовался. К этому времени он продал своё родовое имение и переехал на постоянное место жительства в Варшаву, где зажил исключительно светской жизнью.

Барон Ордоновский о своем сыне Михаське вспомнил только через шесть лет и незамедлительно вытребовал его из деревни к себе в Варшаву, где устроил ему жизнь по высшему разряду. Снял для него элитное жилье в центре города у знатной дамы, открыл на его имя счет в банке на карманные расходы, нанял преподавателей для его подготовки в Варшавский университет, куда тот впоследствии и поступил на факультет права.

Всё то время, пока Михаил жил в своей деревне, а Станислав в Санкт-Петербурге, друзья, к сожалению, не встречались. Однако расставание не смогло разлучить их. Ребята прилежно переписывались, и, как только Михаил перебрался из своей деревни в Варшаву, встречи их возобновились

вновь. Михаил, во время своей учебы в университете, не раз навещал Станислава в Санкт-Петербурге, да и тот неоднократно приезжал в Варшаву, и не только для того, чтобы навестить там родителей и родственников, но и для того, чтобы встретиться со своим задушевым другом Михаськой...

Тем не менее, так уж сложилось в последнее время, друзья, в силу различных причин, не виделись уж очень давно... С момента их последней встречи в Варшаве, где они вместе праздновали новый 1914 год, прошло более полутора лет. Михаил Богдан по-прежнему жил в Варшаве, продолжая учебу в университете. Станислав же с февраля 1914 года проживал уже в Могилеве, под надежным крылом своего дядюшки – Франца Яновича Войцеховского. Друзья все так же старательно переписывались, что помогало им держать друг друга в курсе их дел. Вот и из последнего письма от Михаила Богдана, полученного Станиславом Войцеховским в мае 1915 года, он узнал, что его друг Михаська намеревается нанести ему свой визит в Могилеве в первых числах августа 1915 года.

С одной стороны... эта новость очень сильно обрадовала Станислава. С радостным трепетом и большим нетерпением принялся он дожидаться его приезда к себе в гости. С другой стороны... уж очень он страшился и тревожился за него, ведь ему, его Михаське, предстоял непростой путь от Варшавы до Могилева. А все из-за мрачных сводок с фронтов проклятой Империалистической войны!.. Ведь ни для кого не было сек-

ретом, что с начала 1915 года основные силы Германии находились на Восточном фронте. Сообщалось, что в начале лета 1915 года немецкие войска заняли Галицию, а потом, когда Германия сконцентрировала свои главные силы на польском театре военных действий, российские войска стали терпеть в Польше поражение за поражением. Стало понятно, что российским войскам не удастся отстоять Варшаву. Этот факт крайне омрачал жизнь Станиславу: ведь в Варшаве находился его любимый, его незабвенный друг Михаська.

А когда 5 августа мрачные прогнозы все-таки сбылись и российские войска сдали без боя Варшаву немцам, Станислав и вовсе потерял покой, ведь Михаська до сего дня на пороге его дома так и не появился.

Но он, всеми ему известными и неизвестными способами, пытался внушать себе, что с его другом всё будет хорошо и запланированная ими встреча вот-вот состоится...

Однако новости, приходящие с фронтов, делали свое чёрное дело, вводя Станислава в очередное крайнее беспокойство о друге. А тут, из последних новостей, он узнал, что после контрнаступления австро-германских войск на территорию российской части Польши погибло много поляков, значительное их число попало в плен, а некоторые даже оказались в составе противоборствующих армий и были вынуждены стрелять друг в друга. Узнал, что оккупанты используют людской потенциал в интересах ведения войны, отправляют поляков на работы в Германию.

Все это стало вводить Станислава в очередную тревогу о друге, но он опять-таки с новым воодушевлением приказывал себе думать только о хорошем. Например... разрабатывал план веселых мероприятий для своего желанного гостя... Прикидывал, куда поведет своего Михаську, чтобы развлечь его... Размышлял, чем будет угощать его, чем будет удивлять в городе Могилеве. Отдал распоряжение прислуге приготовить для него самую тихую комнату в своем доме, с окнами в сад, где бы его Михаська мог хорошо отдохнуть после долгого и утомительного путешествия. Раз десять перепроверил, все ли указания, отданные им прислуге, выполнены ею в надлежащем виде...

Но вот уже и середина августа... Каждый последующий день становился для Станислава все волнительнее и волнительнее, ведь в каждый из них он лелеял надежду на то, что вот сегодня-то его Михаська уж точно приедет. Он даже по нескольку раз в день выходил на крыльцо дома и всё всматривался далеко-далеко, в конец своей улицы, в надежде на то, что вот именно сейчас, во-о-он из-за того поворота появится экипаж с его ненаглядным другом.

Но все его ожидания были тщетны... Время стремительно летело вперед, вот уже и месяц август подходил к концу, а Михаськи все не было и не было...

Сильно встревоженный, Станислав даже умудрился отправить письмо в Варшаву, на адрес Михаила, в надежде на то, что оно непременно дойдет до него и он отзовется. Од-

нако после того, когда узнал, что варшавский университет, в котором учился Михаил, был вынужден эвакуироваться в Москву, а оттуда на Кавказ – в Ростов-на-Дону, понял: ожидать ему вестей от друга из Царства Польского нет никакого смысла...

Зато у него появилась возможность успокаивать себя тем, что его друг Михаська вместе с другими студентами и преподавателями их университета, скорее всего, был занят эвакуацией университета и ему прямо-таки было не до писем в столь ответственный исторический момент. Станислав был наслышан, сколько варшавскому университету пришлось помываться по империи в поисках постоянного пристанища, везя за собой в обозах около тысячи пятисот студентов, сотню преподавателей... А еще – библиотеку, лаборатории, музей древности и даже обсерваторию, а потом, остановившись в Москве, ожидать решения, в каком же из городов России он наконец-то найдёт пристанище на время своей эвакуации.

Но размышления о том, что Михаил занят эвакуацией своего университета и по этой причине не пишет и не приезжает к нему, недолго успокаивали Станислава. Нелогично!.. Совершенно нелогично, чтобы, находясь в Москве, а потом уже немалое время в Ростове-на-Дону, Михаил не нашел возможности – если уж не приехать к ожидающему его другу, то хотя бы уж черкнуть ему пару строк... Станислав снова стал изнурять себя беспокойством о нём. В голову ему

вновь полезли страхи, лишаящие его покоя, не дающие сосредоточиться на других, не менее важных для него делах...

Вот и в тот субботний, по-летнему очень теплый день – 29 августа 1915 года, Станислав, вернувшись из церкви, где находился на панихиде по убиенным воинам, стал собираться на бал в имении господ Медведских. Еще неделю назад получил он оттуда официальное приглашение по случаю помолвки их любимой дочери Эллены. Но мысли о друге, по-прежнему терзающие его, отвлекали от сборов на бал. Дабы хоть как-то абстрагироваться от них, он все пытался переключить свое внимание на новый фракный костюм, который к сегодняшнему балу доставили ему от портного.

Одетый в этот самый костюм, он стоял около большого напольного зеркала и критическим взором оценивал каждую строчку своего черного крепового фрака, разглядывал его лацканы, пытаясь понять, достаточно ли профессионально удалось портному отделать их по краю черной шелковой лентой. Внимательно осмотрел прямые, зауженные брюки, украшенные по внешнему шву лампасами из черной шелковой ленты. Перепроверил, надежно ли застегнуты на его белом пикежном жилете три отделанные шелком пуговицы. Уравнял строго по центру воротничка белоснежной сорочки идеально завязанный белый галстук-бабочку. Большое внимание заострил на своих черных, натертых до идеального блеска лаковых туфлях – не дай Бог, если на них присела хоть малейшая пылинка!..

Обычно подобная процедура, примерка нового костюма или какой-либо другой вещи, доставляла Станиславу максимальное удовольствие. Этому процессу он отдавался без остатка. Вот и сейчас с нескрываемым восхищением рассматривал он в зеркале своего двойника – высокого, статного блондина, облаченного в новый костюм. Но-о-о... недолго он придавался этому занятию... В его голову снова полезли дурные, истязующие душу мысли о друге.

«А вдруг Михаська попросту заболел?.. – неожиданно подумалось ему. – Да так сильно заболел, что у него даже мочи нет сообщить мне об этом. Да ведь и не мудрено заболеть в такое смутное время. Кругом нищета, антисанитария, люди от тифа мрут, как мухи...».

От этих мыслей у него опустились руки, и ему уже не хотелось любоваться своим обворожительным двойником, отражающимся в зеркале.

Тогда, чтобы как-то успокоиться, он принялся внушать себе, что подобная участь никогда в жизни не посмеет коснуться его друга Михаську. Однако в это самое время в его голову уже лезли другие, не менее мрачные мысли: «А вдруг... Михаську немцы убили?.. Или, допустим... отправили его в Германию?.. А вдруг... ограбили его по дороге или... убили в пути?!. И что же здесь удивительного?!. Едет богато одетый барин через лес, а на пути его – душегубцы проклятые... Сколько их сейчас без царя в голове по дорогам скитается!.. О, Wielkie Nieba! Ну, всё! Всё!!! Хватит об

этом думать!» – стал он гнать от себя страшные мысли. Но они, вопреки его стараниям, вновь и вновь продолжали сверлить его мозг. Когда же им начинало овладевать совсем уж неудержимое отчаяние, в голову его вдруг приходили другие, более обнадеживающие душу мысли, которые, хоть отчасти, но успокаивали его: «Да жив, жив Михаська! Загулял, поди, с какой-нибудь очередной кралей и забыл обо всем на свете!..»

«О, нет!.. Михаил Богдан – человек слова! Сказал – сделал! – тут же вступал он в противоречия с самим собой. – Но лучше бы загулял, нежели что-то дурное...».

«Да кому, в конце-то концов, нужно убивать или грабить Михаську! Приедет! Никуда не денется!» – опять звучало в его голове...

У Станислава стало создаваться впечатление, что на его плечах, на веки вечные, поселились две противоборствующие силы – силы добра и зла, пытающиеся своим противостоянием вывести его из равновесия и окончательно лишить маломальского покоя...

Вымученный двойственными размышлениями, он нервозно одернул жилетку, и, устало вздохнув, отошел от зеркала к распахнутому в сад окну. Скользнул глазами по лазури безоблачного неба... проводил взглядом летящих клином журавлей... отстранённо понаблюдал за ласточками, кружащимися где-то высоко-высоко в небе. Затем перевёл взгляд с небес на землю и окинул им кроны деревьев своего сада...

Его внимание привлекла молоденькая, совсем еще хрупкая яблонька, ветки которой от щедрого урожая клонились к земле. «Могла бы ещё и в девках года два походить, чем ярмо-то себе такое на шею вешать...» – пробурчал он недовольно себе под нос...

Неожиданно покой и умиротворение, царящие в саду, нарушили душераздирающие крики котов... Станислав перевёл свое внимание в сторону воплей. Там, в глубине сада, на зеленой лужайке, залитой ярким солнечным светом, повстречались два огромных – один рыжий, другой белый в черные пятна – коты. Встав на дыбы, очевидно, чтобы казаться выше и могущественнее, орали и орали они что есть мочи, не жалея ни своих глоток, ни ушей людей, занимающихся сбором урожая в саду своего хозяина господина Войцеховского. И даже тогда, когда в них полетели камни со стороны одуревших от их рёва работников сада, они, не обратив на это обстоятельство ровным счетом никакого внимания, продолжили всё так же неистово орать и пожирать друг друга враждебными взглядами.

– О, cholera!.. Еще этих тварей тут не хватало!.. – с негодованием пробормотал себе под нос Станислав и недовольно отошел от окна. Он опять направился к зеркалу... Но полюбоваться на себя в отражении у него не получилось, его мысли вновь отвлеклись на друга. Погрузившись в размышления о нём, он, с вложенными в карманы брюк руками, принялся хаотично расхаживать по комнате.

Но тут его взгляд упал на небольшую, до боли ему родную фотографию в красивой деревянной рамке, стоящую на комодe. На фото были запечатлены два мальчика в возрасте лет десяти – один златокудрый и кареглазый, второй синеглазый, с кудрями черных волос. Это были два друга – Станек и Михаська. В белых матросках и белых шортах, в белых бескозырках на головах, они, положив руки на плечи друг другу, стояли плечом к плечу и широко улыбались своему фотографу и завтрашнему дню...

Станислав взял в руки рамку с фотографией и пристально взгляделся в синие глаза своего друга Михаськи. «Куда же ты всё-таки подевался, Богдан?! – обратился он к нему. – Нет... это уже из ряда вон выходящее!.. Должен был приехать ко мне по меньшей мере недели три назад... Что же с тобой случилось, братишка?! О, Matko Boska i wszyscy Święci! Что же с тобой случилось?!!» – с новой силой забеспокоился он и, поставив рамку с фотографией на свое прежнее место, снова направился к окну, где стал наблюдать за работниками сада, которые все так же собирали плоды яблок и груш и раскладывали их по корзинам и ящикам...

– Ну?.. И какого черта я тут стою, если уже давным-давно пора на поиски Михаськи отправляться!!! Что же делать? Что делать? – снова отошел он от окна и для чего-то подошел к зеркалу... Посмотрел на свое отражение... нервно стряхнул с рукава фрака несуществующие пылинки, и, вложив руки в карманы брюк, принялся вновь мерить шагами

комнату... – Нет... здесь уже явно какие-то нелады с парнем! Итак, господа, пора начинать бить тревогу!.. Пора бить тревогу!!!

Но тут... его терзания прервал очень настойчивый звонок колокольчика, донесшийся от парадных дверей холла...

– О, Matko Boska Częstochowska! Кого там еще черти несут?!! – недовольно нахмурившись, проворчал он...

До чего же ему не хотелось, чтобы именно в этот момент в его покои вошел дворецкий и своим докладом о внезапном визитере помешал ему размышлять о ситуации, связанной с Михаилом. Но время шло, колокольчик на парадных дверях холла неустанно звонил и звонил, а из прислуги так никто и не поинтересовался, кто же там пожаловал в дом господина Войцеховского...

– Кто-нибудь мне ответит, кого там нелегкая принесла?!! – взывая к своей прислуге и не жалея для этого голосовых связок, возопил на весь дом Станислав. Но колокольчик по-прежнему звонил, звонил, звонил, а встречать визитера по-прежнему никто не собирался.

– О, cholera!.. – снова выкрикнул в пустоту дома Станислав, – кто-нибудь сегодня откроет эту проклятую дверь, или мне самому вместо швейцара на воротах встать?!

Однако всё безуспешно... Дверь по-прежнему никто не спешил открывать. Взбеленный Станислав стремительно вышел из своей комнаты и решительно направился в сторону холла, туда, где над парадными его дверями, раскачиваясь из

стороны в сторону и подпрыгивая вверх-вниз, всё звонил и звонил тирольский никелированный звонок, выполненный в виде большого колокола.

Стремглав пролетев по длинному коридору и сбежав по ступенькам лестничного марша в просторный холл дома, он увидел, как к парадным дверям со стороны черного входа тяжёлой, усталой походкой направляется дворецкий, довольно старый, замученный долгой жизнью человек.

– Семен!!! – окликнул его Станислав...

Дворецкий на полпути до парадной двери приостановился и не торопясь обернулся лицом к своему барину, смотрящему на него глазами, полными сатанинского блеска...

– Где тебя носит?! Ты что, оглох?! Не слышишь, что в дом уже целый час звонят?!!

– Барин, я же ваше указание выполнял, – без какой-либо суеты пояснил причину своей нерасторопности Семен.

– Не знаю уж, какое ты там моё указание выполнял, но стоять на дверях и вовремя открывать их посетителям тоже моих указаний касается! Разве не так?!!

– Так, барин...

– Тогда почему же я должен тебе об этом напоминать?!!

На это дворецкий ничего не ответил хозяину, только стоял с опущенными к полу глазами и молчал...

Станиславу же представилась прекрасная возможность оценить внешний облик своего дворецкого. Его внимание привлек неопрятный его внешний вид... Одет он был в ка-

кой-то уж изрядно помятый чёрный сюртук с засаленным воротником, в больше серую, нежели белую рубашку, под воротничком которой был повязан съехавший куда-то набок черный галстук. А особенно покоробили Станислава бакенбарды дворецкого, за последнее время сильно поседевшие и буйно разросшиеся на его скулах.

«Совсем уже на лешего стал похож... – брезгливо поморщился он. – Скоро задумаешься, стоит ли вообще в дом гостей приглашать. Кого угодно перепугает!.. Пора его со службы гнать!»

Что же касается дворецкого, то он, конечно же, чувствовал на себе недружелюбный взгляд хозяина, поэтому, чтобы не обозлить его ещё больше, застыл перед ним с покорно опущенной вниз головой, при этом не произнося ни единого слова в свое оправдание.

Станислав же, несмотря на то, что дворецкий всем своим видом демонстрировал ему свое смирение, все больше и больше распалялся к нему неумным гневом...

– Тебя, дружище, давным-давно пора со службы гнать!.. – в ярости проорал он. – В деревне, на печке твое место!.. Причём, давно!..

– Не знаю, почему вы на меня гневаетесь, барин, – испугавшись услышанного, развёл в недоумении руками тот. – Я в конюшне был... Отдавал распоряжение Аркашке выезд для вас подготовить. Вы же сами приказали!.. Вот... только что зашёл с черного входа в дом с намерениями направиться

к вам, доложить, что экипаж уже готов и дожидается вас у парадного подъезда. А тут как раз в дверь звонят, – посмотрел он с осторожностью в глаза своего хозяина в надежде найти в них понимание своим оправданиям... Но, увы... не нашёл... Тот смотрел на него все с тем же отвращением и все с той же злобой. Озадаченно пожав плечами, он виновато провел рукой по копне своих кудрявых, сильно поседевших волос, и потерянно добавил: «Простите уж, не поспел...»

– Что ты сейчас сказал?.. Не поспел?! – ещё больше взбеленился и без того уже накрученный переживаниями о своем друге Станислав. – Что-то ты, любезный, последнее время никуда не успеваешь?! К чему бы это? Не догадываешься?!!

– Иду уже, барин, иду!.. – направился к входным дверям дворецкий, где по-прежнему ходил ходуном прикрепленный к ней колокольчик.

– Сейчас, сейчас, – ускорил он шаг. – Вы только не волнуйтесь так... Ведь ничего страшного-то не произошло, – бубнил он себе под нос. – Скорее всего, из какого-то дома посыльный прибыл с приглашением для вас на очередную встречу или бал. Иду уже... иду... Чего уж гневаться-то понапрасну, – неспешно продвигаясь в сторону парадных дверей дома, всё продолжал он бубнить и бубнить себе под нос.

Проводив дворецкого недобрым взглядом, Станислав снова вернулся в свою комнату... Подошёл к зеркалу, рассеянно постоял около него, затем взял гребень и несколько

раз провел им по своим златокудрым, зачесанным назад волосам. Отложил гребень в сторону и поправил бабочку. После этого встал боком к зеркалу и одернул полы фрака. Вслед за тем повернулся спиной к зеркалу и, оглянувшись назад, осмотрел себя сзади. Потом, встал к зеркалу другим боком и уже с этого ракурса осмотрел себя предельно внимательно. Не найдя нареканий к своему отражению, неспешно надел на голову черный атласный цилиндр, накиннул на шею белый шелковый шарф, натянул на руки белые лайковые перчатки, взял в руки черное элегантное пальто и хотел было уже отойти от зеркала, но-о-о не смог этого сделать... Его не отпустил от себя отражающийся в нем высокий, импозантный молодой человек – его двойник... Откровенно залюбовавшись своим двойником, Станислав еще какое-то время простоял у зеркала... Потом достал из кармана брюк белоснежный, расшитый вензелями рода Ландсбергисов батистовый платочек и еще раз опрыскал его ароматом прекрасного парфюма... А следом... и себя... Только после этого, без малейшего промедления, направился он прочь из дома. Его ожидала дальняя дорога в сторону поместья господ Медведских. Он ехал на бал, в честь помолвки их любимой дочери Эллены.

Легко сбегав по ступенькам лестничного марша, ведущим из покоев дома в холл, Станислав намеревался было уже направиться к парадным дверям, но... вынужден был приостановиться... Ему дорогу преградил дворецкий... В руках он держал небольшой серебряный поднос, на котором лежал

белый, прямоугольной формы конверт и ножичек для вскрытия корреспонденции.

– Конверт доставлен посыльным из поместья князя Козловского, – как-то апатично доложил он своему хозяину, при этом предельно низко склонив перед ним свою спину...

Станислав, беря с подноса конверт и пренебрежительным взглядом оглядывая согнутую спину дворецкого, произнес: «Еще раз увижу тебя в помятом сюртуке, в грязной сорочке и в галстук, сдвинутом на бок, да еще и без белых перчаток, тут же погоню со службы! И знаешь куда?.. – склонился он к самому его уху, – в деревню... На печку... Не забыл еще, что это такое?..»

– В перчатках я потею, – уныло признался дворецкий...

– Ну, положим, ты и без перчаток потеешь!.. – злобно ухмыльнулся Станислав. – При этом безбожно смердишь, словно загнанный жеребец!

– В чем же тут моя вина, барин, если у меня природа такая...

– В баню ходите почаще, голубчик! Да мойтесь усердней! Смердеть-то и не будете...

– Я и без того, как и положено всякому христианину, каждую субботу хожу в баню...

– Значит, ходите в баню каждый день! – начал опять гневаться Станислав.

– Да как же это можно, чтобы каждый день и в баню?! Помилуйте, Христа ради!.. – вскинул-таки дворецкий на Ста-

нислава свои помутневшие от долгой жизни глаза... Но, увидев крайнее недовольство на его лице, тут же снова опустил их вниз.

Перед высоким, словно памятник, словно монумент, своим хозяином дворецкий с согнутой в три погибели спиной казался еще ниже ростом, нежели был на самом деле, и еще более убогим для восприятия его и без того невзрачной наружности.

Станислав же, с высоты своего роста, с отвращением наблюдал за чрезмерно подчеркнутым холуйством дворецкого. Нечесанные, всклокоченные его волосы, мятый сюртук, запылившиеся башмаки, да еще какой-то исходящий от него дурной запах – всё это навеяло на брезгливого Станислава прямо-таки смертельную тоску...

– Ну, все!!! Хватит!!! – не контролируя своих эмоций, вдруг громогласно воскликнул он. – Запас моего терпения по отношению к вашей персоне, милейший, иссяк. Иссяк окончательно и бесповоротно! Так вот... если по моему возвращению из имения господ Медведских я по-прежнему буду лицезреть вас в засаленном сюртуке и грязных башмаках, тогда пеняйте на себя! Ох, пеняйте на себя!!!

– Схожу я в баню, схожу, – пробурчал себе под ноги дворецкий. – Сегодня же схожу...

– Очень бы хотелось в это верить!.. – поморщившись, отступил от него на пару шагов назад Станислав, тем самым желая избавиться себя от мук вдыхать неприятный запах, ис-

ходящий от его тела. – И вообще... скажете мне еще спасибо, сударь, что, несмотря на ваш неряшливый вид, я все еще нахожу в себе жизненные ресурсы общаться с вами в вежливой форме. А все почему?.. – сконцентрировал он свой взгляд на его затылке. – Я вас спрашиваю, почему?..

– Не знаю, барин, – пробубнил куда-то в пол дворецкий.

– Да все потому, что никогда не забываю о том, что возникающие разногласия и всяческие конфликтные ситуации между людьми следует урегулировать, соблюдая каноны вежливости. Знаю, что благодаря вежливости проще поддерживать атмосферу взаимопонимания между противостоящими сторонами и легче приспособливаться друг к другу в точках соприкосновения. Не так ли, сударь?

– Так, барин!.. – охотно согласился дворецкий с ходом размышлений своего хозяина...

– Хорошо, что вы это понимаете!.. – продолжал Станислав, с неприятием рассматривая засаленный воротник сюртука своего дворецкого, его спутанные на затылке волосы и далеко торчащие в разные стороны бакенбарды. – Итак, милейший... что касается меня, то я по отношению к вам соблюдаю эту самую вежливость, коль уж довожу до вашего сведения все свои претензии в учтивой форме. Вот и сегодня в учтивой форме прошу вас о том, чтобы вы регулярно посещали баню, дабы не смердеть на весь дом, точно мексиканский скунс, отравляя тем самым мне жизнь. А еще настоятельно прошу вас о том, чтобы вы ходили опрятно оде-

тым. А что это значит? Можете мне ответить?.. Ну-у-у? Где вы там? – склонился над дворецким Станислав, желая заглянуть ему в глаза.

Но... безуспешно... Тот еще ниже опустил свою голову. Убедившись в тщетности своих намерений, Станислав отступил от него на шаг назад и продолжил: «А это значит, милейший – вы должны быть всегда в чистом и тщательно отутюженным фракном костюме с лакейскими пуговицами, а не в засаленном сюртуке с полу оторванными пуговицами от старых кальсон... Непременно должны быть в белой сорочке и чёрном галстуке-бабочке... Непременно в начищенных до блеска башмаках. И обязательно в белых перчатках на руках! Ведь вы же, сударь, глава всей прислуги моего дома, которая должна брать с вас пример! Итак, милейший... я полагаю, что все мои претензии, направленные в ваш адрес, четко мною аргументированы, и выразил я их в уважительной по отношению к вашей персоне форме? Не так ли?..

Витиеватую речь своего хозяина, до самого ее конца, дворецкий выслушал всё в той же позе покорности, не отрывая при этом своего взгляда от начищенных до безупречного блеска его черных лаковых туфель. По этой причине Станиславу, желающему хотя бы раз взглянуть в его глаза, дабы понять, действительно ли он правильно понимает всё то, о чем ему вещают, справиться с поставленной задачей так и не удалось. Оставалось только уповать на сохраняемую им позу покорности, которая ручалась за него самого, что точ-

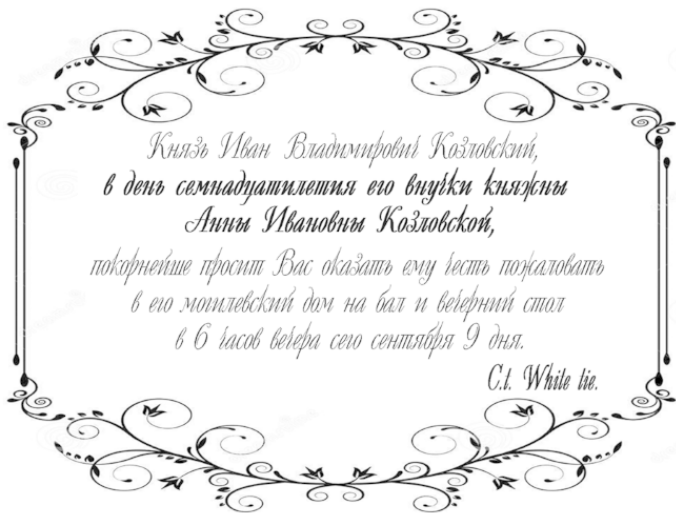
ку зрения своего барина он разделяет и опротестовать её не собирается...

– Вот и прекрасно!.. – заключил Станислав, неожиданно теряя к персоне своего дворецкого всяческий интерес. – Надеюсь, сударь, мы пришли с вами к единому мнению и больше эта тема между мною, хозяином, и вами, моим слугой, возникать никогда не будет...

– Не будет!.. – метнув на хозяина короткий, затравленный взгляд, подтвердил с ним свое согласие дворецкий.

Но Станислав уже не обращал на него никакого внимания. Он в этот момент с великой заинтересованностью вскрывал конверт, доставленный ему из поместья князей Козловских.

Из конверта он достал белую открытку с гербом князя Козловского и жадно пробежал по её тексту глазами...

«Опоздание на бал в дом князя Козловского допускается на четверть часа... А из одежды, как обычно, приветствуется черный фрак и белый галстук-бабочка...» – расшифровал Станислав пояснения в конце приглашения...

Неожиданно.... лицо Станислава просветлело... его губ коснулась улыбка... Устремив взгляд куда-то вдаль, он на мгновение погрузился в какие-то свои, одному ему известные размышления, при этом.... всё постукивая и постукивая ребром пригласительной открытки по своей левой, облачённой в белую перчатку, руке...

Интересно, что за мысли будоражили сейчас его вообра-

жение?.. Может..... припомнил он образ той, с которой мило провел время на прошлом балу?.. Или уже прикидывал, которой из барышень отдать своё предпочтение на предстоящем балу?

– Ну, что ж..... 9 сентября еду в городской дом князя Козловского на семнадцатилетие его внучки, княжны Анны! – достаточно громко и решительно произнес он вслух. «Семен!!! – обратил он свой взор в сторону дворецкого, который по-прежнему стоял подле него с согнутой в три погибели спиной, – 9-е сентября – который день недели? Знаешь? Ты же у нас мастер отгадывать все дни недели наперед...»

– Среда, барин, – без промедления ответил ему дворецкий, и, почувствовав, что хоть на что-то сегодня сгодился хозяину, выпрямил-таки перед ним свою спину...

– Среда, говоришь?.. – призадумался Станислав...

– Среда, барин, среда...

– Вот и ладно... В среду еду на бал в дом князя Козловского. А теперь... меня ждет дорога в имение господ Медведских на бал по случаю помолвки их дочери Эллены...

С этими словами Станислав, одетый во фракный костюм с белым шарфом на шее, в черном цилиндре на голове и с перекинутым через левую руку пальто, а ещё с тростью, зажатой под мышкой его правой руки, проворно вышел из дома...

Легко сбежав по ступенькам парадного крыльца вниз, он направился к давно ожидающемуся его экипажу. Но... на

полпути приостановился... Его внимание привлекла пролетка извозчика, стремительно вырулившая из-за угла трехэтажного здания, стоящего на перекресте двух улиц – его и соседней, и уже во всю прыть летящая по улице в сторону его дома. В пролетке находился какой-то величественный седок. Сердце Станислава сбилось с бывшего спокойного ритма и застучало учащённо, взволнованно, отдаваясь своими ударами во всё его организме.

Пролетка, которой управлял страшно усатый и бородатый извозчик, лихо подкатила к подъезду. С ее подножки, почти на ходу, соскочил молодой господин... Увиденное повергло Станислава в шок... Перед ним стоял его любимый и долгожданный друг Михаська, с которым он не виделся более полутора лет с того самого момента, когда вместе с ним встречал в Варшаве новый 1914 год.

Станислав взглянул на него так, будто бы открывал его для себя вновь... Его тут же посетила мысль, что друг его, высоченный, широкоплечий, прекрасно сложенный парень, уж очень нереально красив, причем настолько красив, что обликом своим мог бы сравниться с красотой прекрасного юноши Аполлона Бельведерского, по подобию которого, очевидно, и создан был Творцом.

Михаил одет был в темно-серую визитку, черный жилет и белую сорочку, под воротничком которой был повязан широкий, черный галстук. Стройные его длинные ноги обтягивали узкие светлые брюки в черную полоску. Несмотря на

то, что он был с дороги, его элегантные, черные туфли, украшенные фальш-шнуровкой, были безукоризненно чисты. В руках он нервно тискал светлую соломенную шляпу-канотье, плоскую тулью которой красиво украшала широкая чёрная лента.

Станислав залюбовался другом... Он даже упустил момент, чтобы проявить хоть какие-то эмоции, связанные с неожиданным его появлением у парадного крыльца своего дома.

Легкий ветерок обдувал черные пряди длинных, вьющихся волос Михаила. По лицу его блуждала немного смущенная улыбка, образуя в уголках аккуратного рта небольшие мягкие ямочки. Его красивые тёмно-синие глаза, глубину взгляда которых подчеркивали длинные, пушистые ресницы и идеально очерченный изгиб густых бровей, светились радостью.

А еще Станислав обратил внимание на то, что у Михаськи появилась маленькая шелковистая бородка и такие же тоненькие усики.

– Вот уж кого не ожидал увидеть, так это тебя, братишка!.. – развел руками обескураженный Станислав, при этом чуть было не выронив трость, зажатую под мышкой. «Ты куда же это, брат, подевался?! – растерянно спросил он, все еще не отдавая отчета происходящему. – Я уж и не знал, что думать!.. Конец августа на дворе, а от тебя ни слуху, ни духу!.. Ты что?! В своем ли ты уме?! Почему так долго дер-

жал меня в неведении?!!»

– Не думал, что настолько сильно по тебе соскучился, Станек!.. – всё так же смущенно улыбаясь, ответил ему Михаил. – Дай-ка обниму тебя, братишка! – потянулся он к нему, но тут же отпрянул назад. – Да я смотрю, ты при полном параде! Очевидно, на какой-то важный светский раут приглашён, коль уж одет «White Tie»? Просто красавец! Прямо-таки актер с экрана кинематографа! – еще раз оценивающим взглядом окинул он его... – А парфюмом-то как благоухаешь, даже голову вскружило! Красив! Насколько красив, что и прикоснуться-то к тебе страшно! Одним словом, ты в свет собрался, а я тебя за хвост успел ухватить?! Угадал?..

– Именно так, братишка! – подтвердил слова своего долгожданного друга все еще растерянный Станислав. – Именно за хвост и ухватил! Ну-у-у... иди ко мне, Михаська... Позволь наконец-то обнять тебя...

Друзья крепко обнялись. Долгое время стояли они так, не желая выпускать друг друга.

– А ну-ка, Михаська, – спохватился Станислав, – дай-ка и мне на тебя полюбоваться, – отвел он его от себя в сторону и с заинтересованностью окинул взглядом... – Ну, ты даешь, братишка!.. Ты что, ещё вырос?! По-моему, ты стал выше меня?.. – в голосе Станислава появились ревностные нотки...

– Да нет, – засмутился Михаил, – так и есть, метр восемьдесят пять.

– Да неужели?! – не поверил Станислав. – Давай-ка, встань рядом со мной плечом к плечу. Помнишь, как в детстве?

Михаил покорно встал рядом со Станиславом: «Ну?.. И что же ты видишь, Станек? Разве что-то изменилось. Так и остались одного с тобой роста. Как под веревочку... Не так ли?..»

Станислав не смог возразить другу, однако все продолжил выискать в его внешности перемены:

– Нет, Михаська! И всё-таки, что-то в тебе изменилось... Повзрослел, что ли? Да и усиков у тебя не было. И бородка маленькая появилась. А волосы... Ты посмотри, какие он себе длинные волосы отпустил!.. – провёл Станислав рукой по шелковистой, кудрявой причёске друга. – Они у тебя, Михаська, еще длиннее стали... Смотри-ка... до самых плеч уже!.. Ты, братишка, мне теперь средневекового графа стал напоминать!.. Длинные волосы, бородка, усики. Да, да! Именно средневекового графа! Тебе бы ещё шпагу в руки, так называемое орудие дворянина, и нате вам, настоящий граф! Граф! Одно слово – граф!!! – не чуя себя от радости, снова приобнял он его.

– Ты находишь эту длину волос излишней? – вдруг засомневался Михаил и принялся теревить пальцами свои жгуче-черные локоны. – Может, подстричься?..

– Глупый ты у меня!.. – чуть не прослезился тронутый его искренним замешательством Станислав. – Никого не слу-

шай, Михаська! Ты просто прелесть с этими длинными, кудрявыми волосами. Ты – редкой красоты парень! Тобой, как красивой картинкой из доброй книжки детских сказок, хочется и хочется любоваться... Да с твоего, братишка, образа, можно принца рисовать! Да, да! Того самого принца, о котором мечтают все панночки. Красив ты, Михаська! Ох, и красив! – неожиданно со всей силы, очевидно находясь под воздействием нахлынувших на него бурных эмоций, саданул он Михаила в плечо, а тот, покачнувшись на месте, едва ли не свалился с ног...

– Братишка, Станек, – выравнивая равновесие и потирая ударенное своё плечо, рассмеялся Михаил, – я ещё и встрече-то нашей нарадоваться не успел, а ты меня уже убить собрался?!

Но Станислав не услышал его, он всё еще продолжал пребывать на пике обуювшей его радости. Даже успел смахнуть наворачнувшиеся на глаза слезы. Михаил, видя это, и сам успел прослезиться...

– Ты мне лучше вот что скажи, Михаська, куда же ты все-таки запропастился? Ты хоть помнишь, о чем писал мне в последнем своем письме?

– Помню, Станек! – продолжая потирать свое ударенное плечо, виновато улыбнулся Михаил. – Писал, что буду у тебя в первых числах августа.

– А сейчас? Ты хоть соображаешь, что сегодня уже 29 августа, а это значит, что весь этот месяц, изо дня в день, из

часа в час, я не находил себе места? Ты хоть соображаешь своей красивой, но тупой башкой, что это за мука жить в страхе за человека, изо дня в день не находя себе покоя?!!

Ничего не ответил ему на это Михаил, только не сводил с него своих синих лучистых глаз и тихо ему улыбался. Улыбался, хотя и прекрасно понимал, что улыбка на его лице сейчас не совсем уместна, ведь друг ожидает от него пояснений, но справиться со своими чувствами было ему не под силу. И он улыбался... Улыбался оттого, что был счастлив... Счастлив, что у него наконец-то появилась возможность полюбоваться на своего роскошного друга Станислава Войцеховского...

Почувствовать его присутствие рядом с собой... Еще раз убедиться в том, что друг его, Станек, способен искренне беспокоиться о нем...

Станислав же в этот момент наслаждался обворожительной улыбкой своего друга Михаськи и радовался тому, что он наконец-то стоит вот тут, рядом с ним, стоит живой и невредимый, смотрит на него своими большими, полными счастья синими глазами, такими ему знакомыми и такими ему родными...

– Ну-у-у? Чего пялишься на меня и молчишь?!! – напустил на себя Станислав нарочитую строгость.

– Любуюсь тобой, Станек!

– Любуется он... Ты хоть соображаешь, болван синеокий, что я за тебя волновался? Всякая гадость относительно тебя

в мою голову лезла. Да я уже раз десять тебя мысленно похоронил и столько же раз воскресил, а потом снова похоронил и снова воскресил. И ведь ничего удивительного, брат, война кругом!..

– Да-а-а!.. – только и ответил ему на это Михаил и снова виновато улыбнулся...

– Ты хоть в курсе, что 5 августа российские войска без боя нашу красавицу Варшаву немцам сдали?!

Михаил в ответ помрачнел... устало вздохнул... и утвердительно качнул головой.

– А в Варшаве, между прочим – ты, мой единственный друг Михаил Богдан.

– Да-а-а... – принялся теребить свою бородку Михаил.

– Ну вот, видишь, что мне пришлось из-за тебя пережить, – с укором смотрел на него Станислав. – Откуда мне было знать, как там, в Варшаве, твои дела обстоят? Может, ты уже в плену у немцев... Может, погиб... Или в Германию тебя сослали... О, Matko Boska Częstochowska! – вскинул он к небесам руки, – Чего я только не передумал за этот месяц!

– Дело в том, Станек, – вдруг как-то подавленно сказал Михаил, – я не из Варшавы к тебе приехал... Из Варшавы я уехал давно, еще в мае...

– Как это, не из Варшавы ты?.. – ахнул Станислав. – А откуда ты? И куда уехал из Варшавы?! Когда, наконец?! Почему я до сих пор ничего не знаю о твоих перемещениях по свету?!!

– Давай об этом позже поговорим, Станек!.. Я очень устал от всех этих безутешных новостей с фронтов!.. И вообще... от всего того, что сейчас происходит в мире...

– Да-а-а... страшные теперь вещи в мире творятся, Михаська! А ты слышал, что у Германии цель – покорить Россию, ослабив ее экономически и в военном отношении? Германия планирует оттеснить Россию на Восток, ограничив ее границами бывшего Московского княжества.

– Слышал, Станек, слышал, – все так же устало ответил ему Михаил. – «Натиск на Восток», так немцы назвали этот план, предусматривающий захват чужих территорий вооружённым путем.

– Да, да! Именно так он и называется этот план – «Натиск на Восток». Всё правильно ты говоришь. А ведь вся эта катавасия, вся эта проклятая война началась с убийства австрийского престолонаследника Франца Фердинанда и его жены каким-то сербским националистом Гаврилой Принципом. Что за Таврило Принцип на наши головы свалился?! – глубоко пожав плечами, посетовал Станислав.

– Ой... да ладно! Какой там Таврило Принцип!.. – скривил лицо Михаил. – Тут, скорее, не столько дело в самом Гавриле, сколько в том, что кто-то попросту повод искал, чтобы развязать всю эту бойню! Бойню... за передел мира, за источники сырья и рынков сбыта. Все неймётся им, этим безголовым и корыстным политикам! Вечно заварят кашу, а народы ее расхлебывают...

– А ты слышал, Михаська, о беспорядках в Москве в мае этого года?

– Да так... Краем уха. Чего этим-то неймётся?

– О, Михаська, немцев, проживающих в Москве, сильно громили...

– За что? За их принадлежность к немецкой расе?

– Именно за это, Михаська! Столица на три дня выходила из-под контроля властей. А ведь всё это – конфликты и проблемы общества...

– О, Jezus Maria! Теперь-то уж точно начнут наказывать всех непричастных к войне людей только по их национальным признакам, – ядовито констатировал Михаил.

– Не иначе, так и будет, Михаська! Да ведь и Санкт-Петербург в ходе борьбы против «немецкого засилья» 31 августа 1914 года в Петроград переименовали. Слыхивал об этом?..

– Конечно, слыхивал... Вот только никак не могу привыкнуть к новому названию. Привык, что Санкт-Петербург должен Санкт-Петербургом называться... Трудно для моего восприятия Петроград даётся...

– Согласен с тобой, Михаська. Такие же чувства испытываю. Да! Кстати! А ты слышал, что забастовки по Москве прокатились? Везде пишут об этом... Плюс ко всему, подростковая преступность наводнила города. А тут, как назло, полиции не хватает, чтобы разруливать эти ситуации.

– Ой, Станек, – поморщился Михаил, – тут надо было властям вовремя обратить внимание на нервное напряжение

в народе и вовремя устранить их неудовлетворенность жизнью...

– Да! Ты прав! Глядишь, и не достигли бы своего кульминационного пика его возмущения. Но не-е-ет... тянули до последнего!.. Кстати, читал я любопытный доклад небезызвестного господина Мартынова. Слышал о таком?

– Нет, – развел руками Михаил, – первый раз о таком господине слышу...

– Господин Мартынов, Михаська – это начальник Московского охранного отделения. Так вот, он, этот Мартынов, в своем докладе по поводу произошедшего отметил, что вышеупомянутые события могут оказаться только репетицией для другого, настоящего и серьезного взрыва в стране. Подчеркнул, что беспорядки в Москве в мае этого года, в действительности – только прелюдия к тому страшному, безумному пожару, который может полыхнуть чуть позже и уж тогда-то точно обуглит всю Россию.

Слушая Станислава, Михаил все хмурился и хмурился... Затем резонно заметил: «Тогда какого черта правители надумали наш Варшавский университет переводить в Москву, если и там покоя нет?!»

– Ты что, братишка, не в курсе, что «Варшавку» только на время эвакуировали в Москву?

– Как так?! А где же теперь «Варшавка»?!

– В Москве Варшавский университет был только транзитом, а оттуда направился в Ростов-на-Дону...

– В Ростов-на-Дону, говоришь?.. – принялся лихорадочно теревить свою бородку Михаил.

– Да! В Ростов-на-Дону... Ты что, никогда не слышал о таком городе?..

– Почему не слышал? Слышал. Это на Кавказе... «Погибельный Кавказ», как его еще иначе называют с 1863 года...

– Да! Именно так, Михаська! На «Погибельный Кавказ» отправили твой любимый Варшавский университет. Туда, именно туда, куда тысячи поляков были высланы после неудачного антироссийского восстания 1863 года...

– Но почему именно туда надо было эвакуировать тысячу пятьсот студентов, сотню преподавателей, семь лабораторий, обсерваторию?.. Помимо всего прочего – музей древности, библиотеку... Прекрасную, скажу я тебе библиотеку, из пятисот шестидесяти двух тысяч томов книг!..

– Потому что городская дума Ростова-на-Дону, в отличие от других городов, претендующих на «Варшавку», сумела удовлетворить требование ректора вашего университета – профессора Сергея Вехова.

– Какое это было требование?..

– Профессор Вехов потребовал, чтобы университету дали возможность целиком переехать на новое место, не растаскивая его по факультетам. А это оказалось по силам только Ростову-на-Дону. В начале августа уже и ректор Вехов, и все члены университетского правления переехали туда. Правительство Ростова-на-Дону давно мечтало иметь у себя в го-

роде университет, и вот их мечта сбылась. О-о-о... сколько там радости было!.. Молодежь организовала шествие, манифестацию, празднуя долгожданное событие – открытие в их городе университета. В Ростове-на-Дону уже все, как один, готовы сесть за парты студизусов хоть с сегодняшнего дня. Кстати, братишка, прием студентов там будет длиться до 1 декабря!!! – заострил на этом важном моменте внимание Михаила Станислав. – Так что напхни им о себе. Обязательно напхни! А то вычеркнут тебя из списков студентов. Вычеркнут, даже можешь и не сомневаться!.. И забудут раз и навсегда, что был у них такой студент – Михаил Богдан...

– Ужас! Ужас!!! До чего дожили!.. – покачал сокрушенно головой Михаил. – Это же надо, чтобы престижный Варшавский университет с профессурой мирового масштаба, да в такую дыру, как Ростов-на-Дону отправить! Надеюсь, что «Варшавка» не застрянет на берегах Дона навсегда!.. Скорее всего, после проклятой этой войны университет переберётся обратно, с берегов Дона на берега родной Вислы.

– Не знаю, что тебе на это ответить, – призадумавшись, принялся поглаживать пальцем свои усики Станислав. – Ходят слухи, что отцы города Ростова-на-Дону прямо-таки клещами вцепились в идею заполучить себе «Варшавку» навсегда.

– Навсегда?!! – побледнел Михаил. – Ты это серьезно?!!
– Совершенно серьезно!.. Еще бы им не вцепиться клещами в этот университет!.. Кому не захочется заполучить пять

факультетов престижного и старейшего Варшавского университета со всей его элитной профессурой, со всеми студентами и, вдобавок ко всему, несколькими сотнями элегантных варшавянок – студенток Высших женских курсов и женского медицинского института?.. Ты представляешь, братишка, куда наших панночек, наших сладеньких девочек отправили? – подпихнул Михаила плечом Станислав. – В какой-то там Ростов-на-Дону, – поморщил он нос...

– Да-а-а... и врагу такого не пожелаешь!.. Из Варшавы, да в такую-то дыру!!! О, Jezus Maria!.. Что на свете творится...

– Так что, Михаська, поедешь ты теперь вместо Варшавы на Кавказ доучиваться. И будешь теперь вторую свою половинку среди наших землячек не в Варшаве искать, а на берегах Дона...

– Ну, уж не-е-ет!.. Дождусь, когда кончится война и университет обратно в Варшаву вернется. Тогда и продолжу там свою учебу...

– К слову сказать, – вдруг оживился Станислав, – слыхивал я, что немцы, в пику русским, на базе оставшегося, не вывезенного до конца университета, надумали в Варшаве свой университет открыть. В Москву-то, по слухам, только часть университетского оборудования удалось вывезти. Большая часть университетской библиотеки, оборудования и даже личные библиотеки профессоров и по сей день в Варшаве находятся.

– Вот и отлично! В таком случае, буду доучиваться в Вар-

шаве! Хочу на родине остаться! И только там!.. Даже если суждено мне будет погибнуть там, с радостью приму смерть у себя дома. Дома и смерть красна!.. А вообще, – снова устало вздохнул Михаил, – хочется мне, Станек, покоя... Хочется, чтобы ничего не омрачало радости, которой я так долго ждал от встречи с тобой. Хочется не думать об этой войне и всех ее ужасах. Насмотрелся я на несчастья людей, пока добирался до тебя. Сколько их, сырых и убогих, по дорогам империи сейчас скитаются. Ночью такой вой собак в разорённых деревнях стоит, жутко даже! С голодухи они трупы людей жрут. Фу!!! А ведь любая война – это, в первую очередь, бездарная работа дипломатов и правителей.

– Да-а-а... Действительно ужас, что в мире творится!!! – поморщился Станислав.

– А знаешь, Станек, пришла мне сейчас на ум мудрость персидского поэта Хафиза Ширази. Помнишь его строки: *«Людей пора переродить и вырастить свой сад, и мир свой заново создать – иначе, это ад!..»*.

– Прав! Ох, как прав был старина Ширази!.. – воскликнул Станислав. – Но, к сожалению, переродить людей ни у кого и никогда не получится. Миром правила и будет править жажда наживы, господство сильных мира сего над слабыми и извечное холуйство тех самых слабых перед сильными. Ай!.. Да ну их всех к черту!.. – махнул рукой Станислав. – Давай-ка, Михаська, будем лучше придерживаться других мудрых слов Ширази: *«Вино да косы женские – вот мира глуби-*

на». Давай возьмём их за девиз нашей с тобой жизни! Ведь что может быть лучше вина и женщин? Ничего! А теперь, Михаська, пошли в мой дом! Пошли скорее!.. Мне так о многом хочется расспросить тебя, о многом тебе рассказать...

Откинув в сторону печальные мысли о войне и снова настроившись на радость встречи, друзья, крепко обнявшись, направились к крыльцу дома Станислава.

– Хоромы-то какие у тебя, Станек!.. – ликующе воскликнул Михаил. – Не дом, а целый дворец!..

– Ну, положим, до дворца ему далеко, но дом неплох!.. Тут самое главное, что он очень добротный! На века построен. И ты знаешь, братишка, если бы я надумал навсегда кинуть свой якорь в Могилеве, то, может быть, и выкупил бы этот дом у своего дядюшки Франца Яновича Войцеховского. Ведь это его дом...

– Так это дом твоего дядюшки? Не твой?..

– Да, Михаська!.. Это дом моего дядюшки. Перед моим приездом в Могилев он купил себе другой дом, а в этом доме предложил пожить мне, пока я буду служить в могилевском банке. Почему бы и нет, подумал я, и согласился... Дом прекрасный, теплый, уютный. Этот дом достался жене моего дядюшки по наследству от ее родителей. Но теперь семье моего дядьки он больше не нужен, и, когда я надумаю покинуть Могилев, он поставит его на продажу.

– Да-а-а... не дом, а дворец у твоего дядьки! – обвел его восторженным взглядом Михаил.

Особняк, в котором жил Станислав, и вправду, смотрелся очень респектабельно. Это было высокое, с длинным фасадом здание, выстроенное из красного кирпича, с цокольным этажом и бельэтажем. В центральной части фасада – высокое каменное крыльцо со ступеньками и полукруглым козырьком, крытым металлом.

Окна и двери цокольного этажа украшали кованые решётки, над которыми были установлены крытые железом навесы-зонтики.

В бельэтаже дома, непосредственно над козырьком крыльца – большой балкон, попасть на который из помещения можно через двойные стеклянные двери, совмещённые в арочном проеме стены с двумя находящимися по разным их сторонам двустворчатыми окнами. Балюстрада балкона напоминала собой замысловатое кружево, изготовленное из кованого метала. Справа и слева от балкона – по четыре высоких, полуциркульных окна. Крыша дома крыта железом.

– Все по высокому классу, братишка! – очарованный домом, вымолвил Михаил. – Сколько тут комнат?

– В бельэтаже девять, не считая кабинета, столовой, гостиной и кухни, – ответил Станислав. – Внизу, в цокольном этаже, множество комнат для слуг, а ещё всевозможные кладовые и другие подсобные помещения.

– Куда же одному-то столько?! – улыбнулся Михаил.

– Да так... чтобы было! – неопределенно пожал плечами Станислав. – Да и по статусу положено. Однако пошли,

братишка, в дом. Покажу тебе, как я в Могилеве устроился. Ведь ты у меня впервые тут. Не так ли?

– Да! В Питере я у тебя неоднократно был, а вот в Могилеве впервые...

На крыльце, во главе с неопратно одетым дворецким Семеном, толпилась почти вся прислуга Станислава Войцеховского, не замечая того, что огромный багаж приезжего барина извозчик уже давным-давно перенёс с пролетки к ступенькам крыльца, а сам, запрыгнув в экипаж, укатил с места разворачивающихся событий. Позабыв обо всём на свете, вся эта братия с нескрываемым интересом рассматривала незнакомого им приезжего барина...

Среди них была молоденькая горничная Кристина, которая, завидев его, безуспешно пыталась стереть улыбку девичьего смущения со своего лица. Одета в длинное платье из шелка темносерого цвета с белым отложным воротничком и белыми манжетами на его длинных рукавах, она кокетливо поправляла то... туго накрахмаленную кружевную наколку в копне своих рыжих волос, то... бретельки своего белого батистового фартука, сплошь расшитого кружевом...

А толстая, низкорослая прачка Раиска, выполняющая в доме господина Войцеховского еще и роль судомойки, одетая в белую, с короткими рукавами рубашку, заправленную в синюю ситцевую юбку на резинке, выставив вперед свой огромный, прикрытый полосатым тиковым фартуком живот, и вовсе стояла с открытым ртом, отвесив вниз свою нижнюю

мясистую губу.

Помимо прочих, на крыльце находился повар господина Войцеховского по имени Афанасий, мужчина лет тридцати пяти, невысокого роста, плотного телосложения и с о-о-очень солидным брюшком...

Одет он был в белую двубортную тужурку с вырезом под самую шею, длинные рукава которой были закатаны до самых локтей, а еще в белые, широкие штаны и длинный белый фартук. На голову его был надет высокий поварской колпак, сшитый из белого полотна. На поясе повара висел большой поварской нож, вставленный в ножны. На ножнах внакладку находились ножны еще двух ножей меньшего размера. Ножны были выполнены из черной кожи с медной оковкой сверху и снизу. Рукоятки ножей повара Афанасия были изготовлены из белой кости.

Повар Афанасий был на хорошем счету у своего барина, поскольку являлся необычайно чистоплотным – качество, которое очень ценил в нём его хозяин, и был мастером своего дела. Он удивительно хорошо готовил блюда из дичи, рыбы, мяса. Был прекрасным специалистом по невероятному числу холодных закусок и кондитерских изделий. Господину Войцеховскому он обходился недёшево, но это того стоило, поскольку тот был не только гурманом, но и не допускал в своем меню часто повторяющихся блюд.

А в это самое время, когда прислуга господина Войцеховского с интересом наблюдала за его встречей с приехавшим

другом, из раскрытых парадных дверей выбежал поваренок Андрейка, помощник повара Афанасия, и, расталкивая всех локтями, стал пробиваться к центру событий. Это был подросток лет двенадцати, одетый в белую рубашку с длинными рукавами, широкие белые штаны и длинный белый фартук, весь заляпанный какими-то пятнами. Высокий поварской колпак, торжественно водружённый на голову Андрейки, давно уже съехал набок, обещая своему хозяину вот-вот свалиться с его головы.

Бесцеремонно распахав всех своими локтями и оказавшись на переднем плане собравшейся на крыльце дома прислуги, стал и он с любопытством рассматривать приехавшего господина, которого с такой любовью все обнимал и прижимал к себе его барин, господин Войцеховский.

Михаил чувствовал, что возбудил у прислуги своего друга Станислава повышенный к себе интерес, поскольку их откровенно восхищённые и зачарованные взгляды просто-таки были прикованы к нему, но особого значения этому не придавал. Он уже привык к тому, что его колоритная внешность не остается без неуёмного внимания людей, а особенно женщин.

Ну, что ж... Михаил действительно был красив, и, если бы его красота была запечатлена на холсте, то им можно было бы любоваться открыто и до бесконечности, получая от этого неслыханное эстетическое наслаждение. Но в жизни такие вещи непозволительны, и им любовались только украдкой.

Михаил замечал, как это деликатно, скрыто, ненавязчиво делают дамы воспитанные, обученные этикету. А вот простолоудинки, в силу отсутствия должного воспитания, позволяли себе проявлять к его красоте свой не завуалированный, ярко выраженный интерес, как это делают дети, а когда встречались с ним взглядом, прыскали со смеху и разбежались в разные стороны.

– Нет, вы только посмотрите на них, пан Богдан! – возбужденно воскликнул Станислав. – Когда нужны были, никого не мог дозваться, а теперь и в дом-то не пробьёшься. Встали тут, cholera, рты пораскрывали! А ну, быстро отнесите багаж барина в приготовленную для него комнату, и марш по своим делам!!! Да побыстрее с глаз моих долой!..

Орава домашней прислуги отпрянула в сторону, пропуская господ в дом.

Андрейка тем временем ухватил за ручку огромный, изрядно истасканный в дальних дорогах чемодан Михаила, намереваясь отнести его в комнату, приготовленную для него, но... из этой затеи у него ничего не получилось. Объёмный чемодан, перетянутый добротными, с надёжными медными пряжками ремнями, ограничивающими излишнюю его припухлость, даже и не подумал сдвинуться с места. В этот самый момент он и получил увесистый подзатыльник от старика-дворецкого, который, отогнав его от чемодана, всучил ему в руки большую картонную коробку для шляп и дорожную сумку приезжего барина, а его чемоданы взял в свои ру-

ки.

Между тем Станислав и Михаил вошли в дом и оказались в просторном его холле.

– Вот мой холл, Михаська, – улыбнулся Станислав.

Михаил обвел взглядом помещение... Главное его украшение – широкая парадная лестница из белого мрамора с позолоченными перилами, ведущая на просторную лестничную площадку бельэтажа, откуда через арочный проем можно попасть в покои дома.

Стены холла в бежевых тонах, пол выложен белой мраморной плиткой. Справа и слева от лестницы – напольные зеркала.

С левой стороны от входа в холл – большая гардеробная. С правой стороны от его входа – мягкий диванчик на изогнутых ножках, спинка и сидение которого обиты белым шелком.

– Уютный у тебя холл, Станек! – улыбнулся Михаил. – И как здорово, что в его интерьере отсутствует чучело бурого медведя... Не знаю, почему это теперь взято за моду, но во многих домах держат...

– О, уволь!!! – поморщился Станислав. – Я не тот человек, который слепо придерживается веяний. У меня на всё своя точка зрения присутствует. Да и зачем мне в доме чучело убитого зверя?.. Это дико!..

– Полностью с тобой согласен, Станек! Сам терпеть не могу всевозможного рода чучела. Они вызывают у меня брезг-

ливость. Очевидно, это потому, что мы с тобой не охотники и никогда ими не станем.

– Почему это мы с тобой не охотники, братишка? – хитро усмехнулся Станислав. – Охотники, да еще какие! Только за дичью другого рода... Не так ли?.. – подтолкнул он Михаила игриво плечом...

– Да уж... тут нам с тобой равных нет! – в замешательстве улыбнулся ему тот...

А в этот самый момент... мимо них пробежал поваренок Андрейка, в руках которого была часть багажа Михаила – его дорожная сумка и большая картонная коробка для шляп. Напевая что-то себе под нос, он с лёгкостью преодолел ступеньки лестничного марша, ведущие в покои дома, прошмыгнул в арку и скрылся из виду, оставив на память о себе лишь легкую волну всколыхнувшегося воздуха. Следом за ним, гружёный двумя объемными и весьма тяжелыми чемоданами Михаила, проследовал дворецкий... Старик изо всех сил пытался показать своему хозяину, что он всё еще хоть куда и донести ему тяжелые чемоданы приезжего барина не составляет никакой сложности. Но... как он ни пытался продемонстрировать ему свою залихватскую прыть, по тому, как тяжело он дышал и горбился под тяжестью багажа, было видно, что возраст его уже предательски подводит. А тут еще казус... проходя мимо Михаила, он чуть было не зацепил его краем чемодана, но тот вовремя успел отскочить в сторону...

– Простите, барин!.. Простите!.. – едва не выронив от страха оба чемодана, приостановился дворецкий и уставился на Михаила маленькими подслеповатыми глазками. Его взгляд показался Михаилу усталым и затравленным...

– Ступай себе с Богом!.. – вымолвил Михаил, почувствовав, как в душе его пробудилась жалость к старику.

Но тут... подхватился Станислав. «О, cholera! Семен!!! – сверкнул он в его сторону недобрый взглядом. – А ну, стой!..»

Вздрогнув от его окрика, дворецкий приостановился и с великой осторожностью поставил чемоданы Михаила на пол. «Слушаю вас, господин Войцеховский», – посмотрел он на него обеспокоенно.

– В деревне, на печке твое место! Понял, на что я тебе уже десятый раз за сегодняшний день намекаю?!

Ничего ему не ответил на это дворецкий, только еще больше поник и сильнее сгорбился... Во всем его облике чувствовалась какая-то обреченность... Снова взяв чемоданы в руки, он начал взбираться с ними по ступенькам лестничного марша вверх...

А в этот момент в проеме арки показался Андрейка, весело подпрыгивающий и по-прежнему что-то напевающий себе под нос. Парнишка уже успел отнести багаж Михаила в приготовленную для него комнату и радостный возвращался обратно. Высокий поварской колпак Андрейки подпрыгивал в такт его прыжкам, длинный белый фартук почти съехал до

пола и грозил запутаться у него в ногах. Однако мальчугану все это было нипочём... Чуть было не сбив с ног несчастного дворецкого, который с чемоданами Михаила с трудом взбирался по ступенькам лестницы вверх, он беспечно пролетел мимо него, затем с предпоследней ступеньки спрыгнул на пол холла... и вот тут-то был схвачен за рукав рубашки своим хозяином – господином Войцеховским...

– Послушай меня, засранец! – брезгливо подтащил тот поваренка поближе к себе. – Ты помнишь, с каким условием был взят ко мне на службу?

Андрейка в ответ на это только часто-часто заморгал своими короткими, белесыми ресницами да тыльной стороной ладони принялся тереть курносый, усыпанный рыжими веснушками нос.

– Ну-у-у?.. Чего молчишь?.. – склонившись к самому его уху, выкрикнул Станислав.

Паренек вздрогнул и, очевидно, от страха вообще забыл обо всем на свете... Только с испугом

смотрел на своего барина и бессмысленно хлопал и хлопал бесцветными ресницами.

– Хорошо!.. Напомню, если у тебя, cholera, мозги отшибло!!! – прошипел ему на ухо Станислав.

– Так вот.....когда я, внимая мольбам твоей несчастной матери, у которой чертова дюжина детей

и ни копейки за душой, взял тебя на службу в свой дом, то приказал, чтобы ты всегда был чист и опрятен! Прика-

зал тебе, чтобы твоя рабочая одежда всегда была белоснежной! И это важное условие для всех, кто служил, служит и будет служить в моем доме! Для всех!!! – громко выкрикнув, обернулся он назад, к входным дверям, где на пороге топтались притихшие горничная Кристина и толстая прачка-Раиска. «И для вас, в том числе!.. В том числе! Понятно вам?.. – сконцентрировал он свое внимание на женщинах. – Так вот, был такой разговор или нет?!» – вновь обратил он свой взор в сторону поваренка.

– Да, барин, был! – затряслись мелкой дрожью губы мальчугана...

– Тогда поясни мне, прямо тут и прямо сейчас, почему твой белый фартук и твоя белая рубашка

– а точнее, давно уже серые – не стираны сто лет? Почему ты, покинув самовольно свое рабочее место на кухне, убежал в поварской одежде на крыльцо дома и в этой же одежде, задача которой

– защищать продукты питания от тебя самого, схватился нести испачканный в дорожную пыль и грязь багаж моего гостя?! Ты забыл, что твоя одежда обязана быть белоснежной, что является одной из составляющих чистоты на кухне, в месте, где находятся продукты питания?! Святая святых этого дома?! Забыл?! – резко тряхнул он поваренка за рукав. – Или ты решил пренебречь условиями, которые я озвучил, беря тебя на службу помощником повара?

От страха, что его выгонят, Андрейка начал тихонько под-

вывать...

– Пош-ш-ш-шел вон!!! – резко отпихнул его от себя Станислав...

– Куда, барин?! – отлетев от него на значительное расстояние, прогундосил парнишка.

– Сказал бы я тебе куда, гаденыш!.. Быстро иди к прачке, пусть переоденет тебя! – проговорил он сквозь зубы...

И тут Станислав обернулся назад, где, за его спиной, притаилась прачка-Раиска. Посмотрев с отвращением на ее огромный, выставленный вперед живот и отвисшую вниз мясистую губу, он снова выкрикнул: «Чего стоишь с открытым ртом?! Немедленно переодень хлопца!!!»

Прачка, насколько ей хватило прыти в ее полных ногах, сорвалась с места и, увлекая за собой Андрейку, приложила все усилия к тому, чтобы поскорее скрыться из поля зрения своего рассвирепевшего хозяина.

– Скажите спасибо, что важный гость в моем доме сегодня!!! – проорал вдогонку убегающей прачке Станислав. – Не то бы устроил я вам прямо тут, и прямо сейчас, нашествие Золотой Орды на Святую Русь! Ох, устроил бы! – с ненавистью процедил он сквозь зубы, провожая взглядом уже и горничную Кристину, пронёсшуюся мимо него пулей вслед за скрывшейся из виду прачкой-Раиской. – Доберусь я ещё до вас!!! Ох, как доберусь! – все не мог успокоиться он. – Ещё будете у меня, psiakrew, по коридору левой, правой, правой, левой маршировать!..

– Ну, все, братишка, все! Успокойся! – почувствовал Станислав легкое прикосновение руки Михаила к своему плечу.

– Вот видишь, Михаська, какая нынче прислуга пошла?! Бараны, а не прислуга! Тупые! Наглые! Неблагодарные! Только дашь небольшое послабление, и уже всё... на голове у тебя сидят!!! Żeby was wszystkich szlag wziął! Разгоню! Всех, к чёрту, разгоню! – крикнул он вслед разбегающейся от него в разные стороны прислуге.

– Ну, всё, Станек, всё! Успокойся! – снова погладил его по плечу Михаил.

– Извини, братишка!.. Извини!.. – лихорадочно поправил на шее свою белую бабочку Станислав. – Знаю, что неподходящее время для наведения порядков выбрал, но уж так получилось... Прости, ради Бога! Пошли, – снова увлек он за собой Михаила к ступенькам лестничного марша, ведущим в покои его дома.

По ступенькам лестницы друзья быстро поднялись вверх и, пройдя через арку, оказались в просторном холле бельэтажа с отходящими от него ветвями длинного просторного коридора. Станислав все еще находился на взводе. Михаил видя это, снова принялся его успокаивать...

– С людьми всегда сложно, Станек. Хочешь с ними похорошему – на шею садятся. Начинаешь наказывать – обижаются. Им бы ответственно к поставленным задачам относиться, тогда бы и нареканий к ним не было, вот и жилось бы всем спокойно...

– Да я и сам, Михаська, во многом виноват, вовремя не оказывая должного противодействия их разгильдяйству, – посетовал Станислав. – Все никак не доберусь до них. То у меня в банке дел невпроворот, то ночные загулы по ресторанам и клубам, то дела амурные... А им все это только на руку! Что хотят, то и воротят, пока хозяин спит или вечно отсутствует. Вот твой отец, Михаська, барон Стефан Ордоновский, тот всегда умело свою дворню в руках держал. Умел он это делать!.. Ох, уме-е-ел! Образцово-показательная прислуга у барона Ордоновского была! – с накалом внутренних страстей вдруг выкрикнул он. – Во всей волости, ни в одном из поместий равной ей не было!.. По струнке все ходили! И в глаза-то своему пану посмотреть боялись!

– В таком случае, Станек, тебе просто-напросто надо обзавестись таким же управляющим, каким был пан Медлер у барона Ордоновского. Такой управляющий, как пан Медлер, быстро бы навел порядок в твоём доме. Не хуже было бы, чем в имении Ясно Вельможного пана. Даже можешь и не сомневаться в этом!

– О, да!.. – воскликнул Станислав, – пан Медлер еще тот бродяга был! Однако... попробуй такого найди!.. Еще с детства помню присказку пана Медлера – скорее, его девиз, которым он апеллировал в свое оправдание, когда его порицали за жесткие меры с дворовыми: «Если видишь в прислуге человека, не заводи прислугу...»

– Это, братишка, он от своего хозяина, барона Ордонов-

ского, слышался, – добродушно пояснил Михаил. – Много чему научился пан Медлер у своего барина, много в чем поднаторел за время службы в его усадьбе. А что касается прислуги, Станек, так это, на мой взгляд, огромный, тяжелый пласт духовно неразвитых людей. Они безответственны, безнравственны, без чести и совести. Свойственно ли им задумываться над своими проступками, чтобы потом исправлять совершенные ошибки? Нет!.. Да они даже и отчета не отдают тому, что творят! Присутствует ли в них стремление работать с полной отдачей, по чести и по совести? Нет!.. Они работают только под страхом наказания. Если дубинка управляющего перестанет их завтра склонять к труду, то вся эта орава, которая без принуждения только горилку гонит и хлещет, тут же заживет праздной жизнью и, как следствие, начнет развращаться. Тогда прощай раз и навсегда такая форма общественного сознания, как нравственность! А без нравственности общество начнет деградировать. Я склоняюсь к тому, Станек, что люди обязаны жить по канонам и заповедям религии, ведь там, в Святом Писании, все четко и ясно мудрыми людьми расписано, на блюде с голубой каёмочкой предоставлено, как в какой ситуации надлежит поступать. Тогда бы и проблем в человеческом обществе не было.

– Да уж... что и говорить... люди холопского звания – существе псы иногда! – охотно согласился с мнением Михаила Станислав.

– Тем не менее, Станек, везде должна присутствовать зо-

лотая середина, – желая быть объективным, заключил Михаил. – А у пана Медлера, управляющего имением барона Ордоновского, ее отроду не было. Ведь он страшным деспотом и палачом был! Страшный это был человек!..

– Да ладно.... леший с ним, с этим паном Медлером! – ступая рядом с Михаилом, прервал его Станислав. – Ты мне, Михаська, лучше вот о чем расскажи....

Однако Михаил его уже не слышал... Все его внимание было приковано к стенам коридора, которые всюду были завешаны картинами в золоченых рамах, пейзажи которых прославляли уютные улочки и дворики Санкт-Петербурга, города Италии, Франции, Германии и других европейских стран, в которых успел побывать Станислав.

– До чего же великолепные пейзажи! – приостанавливаясь у каждой картины, восхищался Михаил. – До чего же искусные работы мастеров! Какая палитра красок! Какой удачный ракурс в расстановке объектов...

Михаил зачарованно рассматривал мосты Венеции, красочно изображенные на картинах... Рассматривал всемирно знаменитые античные храмы Рима, в том числе Римский Коллизей, собор Святого Петра, а также роскошное здание миланского театра оперы «Ла-Скала».

А вот – узкие улочки Парижа, Елисейские поля, ажурная, взлетающая своим острием в небо Эйфелева башня.

А вот уже живописные долины германского Рейна с множеством средневековых замков и монастырей... Тут и Бран-

денбургские ворота, рейхстаг и, конечно же, уютная улица Берлина Унтер-ден-Линден.

Восторгу Михаила не было предела: «Боже, Станек! Ощущение, будто бы в картинную галерею попал. Сколько картин! Сколько картин! Часами бы не отходил от них!..»

– Я же тебе писал, Михаська, что после того, как переехал в Могилев, много путешествовать стал, – без энтузиазма пояснил Станислав. – Мне после Питера в этом Могилеве, особенно первое время, очень муторно было. Вот я и старался бежать отсюда, куда подальше.

– Не спорю, ты мне действительно писал, что путешествуешь по Европе. Вот только не написал, что столько картин приобрел за время своих путешествий. Даже словом об этом не обмолвился...

– Не знаю... Наверное, не придавал этому значения, – пожал плечами заскучавший Станислав.

А Михаил уже снова увлекся рассматриванием картин. Смотрел и всё покачивал головой: «Красота!.. Ох, и красота! До чего же безупречная работа мастеров!»

– Да уж... – еще больше заскучал Станислав...

– Видишь ли, Станек, картины – это моё всё!.. – только на мгновение оторвавшись от их просмотра, напомнил Михаил другу о своем увлечении. – Могу часами от них не отходить...

– Да неужели?!.. – с недовольством уставился на него Станислав. – Надеюсь, ты не для этого ко мне приехал?.. Ты мне

лучше вот о чем скажи, – оттянул-таки он его от картин и увлек за собой в дальнейшее путешествие по своему дому, – ты в курсе дела, где сейчас Ясно Вельможный пан Ордоновский обитает? Когда ты последний раз своего папеньку видел?

– Последний раз видел его перед отъездом из Варшавы, – ответил ему Михаил. – Приглашал меня к себе в гости.

– Что-о-о?.. Приглашал тебя в гости?! – удивился Станислав.

– Да! Приглашал! А что?!

– В свой варшавский особняк приглашал?!

– Да! В свой варшавский особняк приглашал. А что тебя удивляет?

– Вот это да!.. А жить тебя, случайно, в свой особняк не приглашал?..

– Кого?!

– Тебя! Кого же ещё!..

– В качестве кого? – подавленно спросил его Михаил.

– В качестве сына, разумеется!.. Единокровного сына!!!

– Такими обязательствами, как жить под одной крышей со своим, хоть и единокровным, но все-таки официально не узаконенным сыном, барон Ордоновский никогда себя не обременял. И ты, Станек, об этом прекрасно знаешь...

– Да знаю, знаю...

– Тогда зачем спрашиваешь?!

– Не обижайся на меня! Это я так... От злости на твоего

Ясно Вельможного папашу...

– Станек, почему ты на него злишься? У тебя для этого есть повод?

Но Станислав быстренько сменил тему разговора: «Михаська, судя по твоему варшавскому адресу, ты так и продолжаешь проживать на квартире у пани Стахи? Не так ли?..»

– Почему бы и нет? – рассеянно пожал плечами Михаил. – Милая, очень милая старая пани. И, что мне импонирует, очень аккуратная... Очень католичка она, что для меня тоже важно. Мы с ней много рассуждаем о Господе, ходим в костел на мессы. Она мне попросту как мать. Мне в её доме тепло и уютно. Да и привык я уже к ней. Родная она мне стала...

– Да, да... Помню её... Действительно, приятная пани, – согласился с его мнением Станислав. – Ну и слава Богу, коль так, – улыбнулся он, видя, как у его друга Михаськи потеплел взгляд при упоминании о пане Стахе.

Между тем... молодые люди вошли в большую по площади комнату, обставленную вдоль стен книжными шкафами, полки которых были до отказа заполнены книгами.

– Кабинет мой, – со скукой во взгляде пояснил Станислав. – Работы по банковским делам у меня всегда много, вот и тружусь тут...

Михаил огляделся... Справа от входа два светлых окна, под которыми, торцом к ним, стоит массивный, изготовленный из дуба письменный стол. Столешница стола под зеле-

ным сукном. На столе настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром, большая чернильница из мрамора с несколькими подставками для перьевых ручек. А еще кипы каких-то документов, несколько раскрытых книг, отложенное в сторону печатное издание «Вестник Могилевского Земства»...

В одном углу кабинета – старинные напольные часы, в другом – камин из серого мрамора со скульптурными украшениями. На камине установлены большие, выполненные из бронзы часы и два больших, тоже из бронзы, подсвечника.

Над камином – величественный, во весь его рост, портрет деда Станислава – барона Генриха-Гедеминаса Ландсбергиса. На портрете он изображен в возрасте лет шестидесяти пяти, одетым во фрачный костюм, лацкан фрака которого украшает роскошная английская бутоньерка.

Художнику удалось уловить и передать присущую барону Ландсбергису надменность в его облике. Помимо этого, во взгляде больших, выразительных глаз барона присутствуют мысль, смелость, достоинство. Очевидно без слов, что этот господин принадлежит к тем людям, кому из века в век, из поколения в поколение принадлежат государство, могущество, власть и слава...

– О, Станек, – улыбнулся Михаил, – до чего же достоверно удалось художнику передать внутреннее содержание твоего деда, а также его внешний образ! Смотрю на портрет и вижу его, словно воочию. Словно живой стоит тут, рядом с нами. Даже придраться не к чему... Именно таким я и запомнил

его на всю свою жизнь: светлые, с золотистым отливом волосы, зачесанные на боковой пробор, под цвет им – небольшие борода и усики, бледная кожа лица, серые глаза, прямой с небольшой горбинкой нос. Да, да! Именно таким я его и помню, – улыбался портрету барона Генриха-Гедеминаса Ландсбергиса Михаил...

– Не тревожь душу, Михаська, – отходя от портрета своего деда, тихо сказал Станислав. – Пошли отсюда...

– Нет, Станек, подожди. Я еще твой кабинет не осмотрел.

– Ну, смотри, – с недовольством посмотрел на него Станислав.

И Михаил принялся дальше осматривать рабочий кабинет своего друга. Слева от входа – большой диван, обтянутый коричневой кожей, и два стоящих напротив него таких же кресла. Вдоль стен книжные шкафы со стеклянными дверями. Михаил окинул взглядом книжные полки шкафов, пробежал глазами по переплетам книг. Названия книг выдают профессию своего хозяина, его интересы и приоритеты в выборе книг для чтения на досуге. Тут книги по юриспруденции, по финансам, по экономике... Много книг по философии, истории, искусству. Огромные энциклопедические тома. Книги на английском, французском, польском и немецких языках... Всевозможные словари.

– Рутина, Михаська! – поморщил свой красивый нос Станислав. – Пошли отсюда. Умоляю...

Михаил хотел было уже послушно направиться вслед за

ним, но тут совершенно отчетливо почувствовал на себе призывный взгляд барона Генриха-Гедеминаса Ландсбергиса, направленный на него с портрета.

– Подожди, Станек, меня твой дедушка позвал, – сказал он Станиславу и вернулся к портрету.

Михаил внимательно посмотрел в глаза барона и ощутил, что тот смотрит на него очень доброжелательно и приветливо. Даже почувствовал его ласковую улыбку, притаившуюся в уголках губ...

– Я смотрю, Станек, ты никогда не расстаешься с портретом своего деда, везде его с собой возишь. Этот его портрет у тебя и в Питере в кабинете висел, и тут ты его повесил...

– Дед – это моё всё, Михаська! Ты же сам прекрасно знаешь, как мне его не хватает в жизни! – погрустнел Станислав. – Очень не хватает! – посмотрел он с печалью на портрет деда. – Пожалуй, сейчас он мне необходим более, чем когда-либо...

Михаил ничего не ответил Станиславу на это, только тяжело вздохнул и легонько погладил его по спине...

– Спасибо, Михаська, что хоть ты у меня есть!.. Мой дед очень тебя уважал...

– Я его тоже очень уважал, Станек. Барон Генрих-Гедеминас Ландсбергис был добропорядочным человеком. Честный он и очень справедливый. Я всю свою жизнь буду поминать его тёплым словом. Ведь он первый пришел ко мне на выручку в гимназии, когда меня клеймили позором за то,

что я сын женщины, которая находится в услужении пану. А уж как он тебя, Станек, любил! Слов не подберешь, чтобы выразить всю глубину его чувств. Могу представить, что ты пережил, потеряв такого дедушку. Это невозполнимая утрата...

– Да! Это так! – еще больше поник Станислав. – Ладно.... пошли отсюда, Михаська, пошли, – словно очнувшись, вымолвил он, – покажу тебе мою гостиную.

Друзья направились по коридору к другим дверям дома...

– Вот моя гостиная, братишка, – как-то безынициативно произнес Станислав, не сбросивший еще со своей души горестные воспоминания о деде.

Михаил окинул взглядом большое помещение зала, паркетный пол которого был натерт до зеркального блеска. Высокие потолки зала украшала лепнина, стены были обтянуты бордовым шёлком с рисунком из золотых и белых корон. Мягкая мебель гостиной – два угловых дивана, стоящих справа и слева от дверей балкона, а также кресла с подлокотниками, стоящие вдоль стен – были обтянуты бордовым шелком.

Торжественность залу придавал ослепительно белый рояль «*Steinway*» с большим ажурным пюпитром и золотыми педалями, красиво гармонирующий со стоящим у правой стены зала белым мраморным камином, на котором были установлены большие позолоченные часы с маятником.

Посередине комнаты – овальный стол, вокруг которого

расставлены мягкие стулья, обтянутые всё тем же бордовым шёлком.

На потолке – массивная бронзовая люстра с хрустальными подвесками. По стенам развешаны такие же светильники.

Михаил обратил внимание на то, что на одном из кресел стоит новенькая гитара.

– Чья это гитара, Станек? Уж не твоя ли?..

– Моя!.. – смущенно улыбнулся Станислав.

– Разве ты умеешь играть на гитаре? – изумился Михаил. – Знаю, что ты великолепно играешь на рояле. А вот на гитаре... не знал об этом.

– Научился и на гитаре, Михаська. Честно сказать, всегда об этом мечтал. Многие считают это мешанством, но я не разделяю их точку зрения. Глупость! Самая настоящая глупость! Я в восторге от гитары!.. Нравится мне, как она звучит, люблю слушать романсы под ее аккомпанемент...

– И что, получается играть?

– Получается! И очень неплохо получается... Потом развлеку тебя. Знаю много старинных романсов.

– Вот это да! – продолжал смотреть на него с восхищением Михаил.

– Да ладно тебе удивляться! – смутился Станислав. – Нет ничего в этом сложного... Только желание и терпение требуется. Будем петь с тобой дуэты...

– Дуэты будем петь?! – увеличились в размере и без того большие глаза Михаила. – Ну, братишка, я просто восхищен

твоими талантами! Просто восхищен!

Между тем, взгляд Михаила привлёк к себе портрет молодой, очень миловидной женщины, выполненный в полный её рост. Портрет этот в большой, овальной формы позолоченной раме висел над камином зала.

Незнакомка была одета в белое бальное платье с очень глубоким декольте, красоту которому придавали воланы, кружева и множество голубых атласных бантиков. Светло-русая её головка была украшена локонами с вколотыми в них живыми цветами. На мир она смотрела большими серыми глазами, наполненными ясным светом. Женщина была весела, немного кокетлива и озаряла свой образ ровной белозубой улыбкой.

– Неужели пани Войцеховская?.. – узнал Михаил в женщине мать Станислава.

– Она! – без доли каких-либо эмоций ответил ему Станислав.

– Совсем еще молоденькая! – неосознанно улыбаясь, всё смотрел и смотрел на нее Михаил...

– Этот портрет писали с неё сразу после того, как она родила меня. Отец захотел увековечить её в том возрасте, в котором она подарила ему сына.

– Да-а-а... как быстро летит время и как быстро мы стареем, – продолжая вглядываться в образ матери Станислава, немного удручённо вздохнул Михаил.

– О чем это ты, братишка?

– Видел я твою матушку совсем недавно, в Варшаве, когда шел в гости к барону Ордоновскому.

– Вот как?.. И что же она тебе поведала?

– Видел её со стороны... Она шла к экипажу, который ожидал её около ворот особняка. Скажу только одно – всё так же хороша собой, всё так же стройна и всё так же легка ее походка. Но..... уже далека от образа, запечатлённого на этом холсте.

– Что ж поделать, Михаська, почти тридцать лет прошло с того момента, когда моя матушка, увековечивая себя для потомков, позировала своему портретисту. Да ладно о ней, о матушке моей! – прервал он самого себя. – Ты сейчас, Михаська, снова Ясно Вельможного пана Ордоновского упомянул. Ну? И как же он там, в Варшаве, поживает? Здоров ли?

– Ты, Станек, что-то сегодня много времени уделяешь разговору о бароне. С чего бы это, не могу понять?

Ничего не ответив, Станислав пропустил его в двери своей спальни: «Опочивальня моя, Михаська», – улыбнулся он ему.

К удивлению Михаила, спальня Станислава оказалась оформленной в персидском стиле, с большим количеством ярких цветов и узоров в её декоре.

Михаил осмотрел комнату, стены которой были драпированы золотой парчой. В простенке между двух окон – большой камин, обрамление которого выложено разноцветной мозаикой. Слева от входа – большой деревянный ко-

мод, на котором теснятся всевозможные персидские вещицы: какие-то вазы и вазочки, статуэтки в форме людей, слонов и диковинных птиц... С правой стороны от входа – широкая, с высокими спинками деревянная кровать с балдахинном, застланная бордовым атласным покрывалом с золотистыми кистями на четырех его углах. Из той же ткани – балдахин, подхваченный с обеих его сторон витыми шнурами с тяжелыми золотистыми кистями на их концах.

В изголовье кровати разложены подушки различных форм, различных цветов и размеров, расшитые бисером, цвета которых хорошо сочетаются с персидским ковром ручной работы, лежащим на полу. С обеих сторон кровати – тумбочки с настольными лампами. Рядом с тумбочками высокие напольные канделябры из бронзы. Совершенно очевидно, что свечи, зажжённые в спальне Станислава ночами, приносят в её интерьер неуловимую тайну и добавляют своему хозяину, возлежащему на вольготной кровати, романтический настрой и усиливают его наслаждение от потаённых пламенных фантазий.

– Станек! Я не знал, что ты стал приверженцем интерьеров в персидском стиле?! Красота, конечно, необычайная, но у тебя всегда был в приоритете стиль времен Людовика XV, французского рококо...

– Да, это так... Но как только я увидел в Питере такую спальню у одного сановного генерала, то тут же решил и себе такую приобрести, – улыбнулся Станислав. – Теперь не жа-

лею. Одно удовольствие – отдыхать в подобном интерьере. Кстати, я с детства мечтал о такой спальне.

– Поразительно, просто поразительно, братишка, но твой вкус полностью перекликается со вкусом Ясно Вельможного пана Ордоновского! Он тоже любит украшать свои покои в восточном стиле.

– Знаю я об этом, Михаська! Знаю! – снова увлёк его за собой в дальнейшее путешествие по своему дому Станислав. – Именно такую спальню, ещё в детстве, я и увидел впервые в своей жизни именно у него, у барона Ордоновского. Мне очень нравилось бывать в его доме. К нему в имение мы частенько наведывались с моим дедом по каким-то его важным делам. Пока дед и барон Ордоновский разговаривали о чем-то и курили чубуки у камина, я бегал по дому барона и с интересом рассматривал обстановку его покоев, безумно большую коллекцию старинных книг в его библиотеке, многочисленные картины, статуэтки, мебель, ковры. А однажды..... проник в его

спальню и долго с раскрытым ртом рассматривал всю её шикарную обстановку в персидском стиле. Тогда я увидел подобное впервые. Перещупал все безделушки, которые украшали интерьер спальни.... примерил на себя расшитый золотой нитью шлафрок барона.... пристроился к его кальяну... Вот тут-то, на месте преступления, меня и застукали... Потом получил взбучку от деда за свое вздорное поведение. По возвращению домой, предъявил деду претензию – поче-

му у нас нет такой красивой, в персидском стиле спальни, как у барона Ордоновского... Устроил ему истерику, почему у него нет такого же шлафрока, как у барона... Дед тогда мне ответил, что все это не в его вкусе... А я подумал, что, когда стану взрослым, то у меня тоже будет такая же спальня с балдахинном, как у барона Ордоновского, и тоже будут персидские ковры и всевозможные милые вещицы, как у него. А еще тогда решил для себя, что у меня непременно будет такой же шлафрок из парчи, как у него, у Ясно Вельможного пана, и что я тоже, как и он, буду курить кальян.

Но потом я об этой своей голубой детской мечте благополучно забыл... А когда побывал в Питере в гостях у одного известного сановного генерала и увидел обстановку его дома, которая у него в том же восточном стиле, что и у барона Ордоновского, то тут же и вспомнил о своей давно позабытой детской мечте...

– Странно! Ты никогда мне об этом не рассказывал, – пожал плечами Михаил.

– Говорю же, забыл на время об этом. А сейчас часто вспоминаю нашего барона Ордоновского. Вспоминаю обстановку его дома... Его самого часто вспоминаю... Ох, и красив же он был! Подобных ему людей я не встречал никогда. Как он там? В здравии?

– Хмм... Ты опять о нем?..

– Да вот... – неопределенно пожал плечами Станислав, – интересуюсь...

– Да что ему делается, Станек! В здравии наш Ясно Вельможный пан, в здравии. Не волнуйся за него...

– По-прежнему такой же ловелас? – подмигнул Станислав.

– Представь себе, немного утихомирился.

– Все так же по балам разъезжает? Ведь он такой любитель балов!

– И балы реже стал посещать... Зато теперь всё больше времени в путешествиях по разным странам проводит. Особенно часто бывает в Лондоне. Там у него любимый кузен живет. Вот он к нему и ездит. Кстати... уже успел несколько раз посетить Америку.

– Америку?..

– Да, Станек, Америку... Повадился туда ездить, слушать своего любимого итальянского тенора Энрике Карузо. Говорят, что Энрике Карузо, сильно привязавшись к Америке, теперь окончательно покинул свой родной итальянский Неаполь.

– Да, да, Михаська, я тоже слышал, что Энрике Карузо так прижился в Америке, что уже и о своем родном Неаполе забыл. Его даже итальянцы упрекают в том, что он окончательно обамериканился. На что он, с присущим ему юмором, успокоил земляков тем, что это не он обамериканился, а поклонники его тенора, американцы, обитальянились.

– Наслышан я об этом, Станек, – улыбнулся Михаил.

– Да-а-а... Значит, такие вот пристрастия теперь у нашего

барона Ордоновского?.. – ухмыльнулся Станислав. – Нет, вы только на него посмотрите, в путешествиях по разным странам он свое время проводит!.. Ну и ну...

– Ты чем-то недоволен, братишка? – созерцая озлобленное лицо своего друга, насторожился Михаил.

– Конечно, недоволен!.. – нервно одернул полы своего фрака Станислав. – А с какого черта я должен быть доволен?!!

– А что не так?

– Лучше бы кобель старый позаботился о том, чтобы обеспечить своего сына статусом в обществе! Взял бы и усыновил тебя официально! Дал бы тебе свою фамилию Ордоновский и свой баронский титул! С его-то деньжищами, властью и связями давно бы мог все это устроить. Был бы ты барон Ордоновский. Так звучало бы лучше, нежели Михаил Богдан. Не понимаю таких отцов, которые дают своим отпрыскам жизнь, увековечивая свое продолжение в них, а потом ничего не предпринимают для того, чтобы помочь несчастным в непростых реалиях земного существования. Знаю немало случаев, когда приемные родители своим приемным детям, заметь, даже не кровным, а приемным, выбивали дворянство по «Высочайшему соизволению». А этот свою родную кровь без подтверждения его шляхецкого происхождения мурыжит!..

– Да, ладно тебе, Станек, чего уж об этом говорить. Каждый живет, как ему судьбой предписано. Значит, судьба у

меня такая, обездоленным быть...

– Не смей так говорить, Михаська! Ты прекрасно знаешь, что у тебя еще есть я! Просто зла на твоего Ясно Вельможного папашу не хватает! Скончается рано или поздно – и оставит тебя на всю жизнь под фамилией твоего неродного отца Селивестра Богдана, мужа твоей матери. Так и будешь всю жизнь просто – Михаил Богдан, просто сын обыкновенного крестьянина Селивестра, который живет с твоей матерью в деревне Каленевцы и вычищает навоз из-под свиней и коров. Разве это справедливо по отношению к тебе, к человеку, по жилам которого течет кровь польской шляхты и голубые крови немецких аристократов?!!

– Не знаю, Станек, почему ты так неуважительно о моем отце Селивестре Богдане отзываешься? – болезненно поморщился Михаил.

– Да какой он тебе отец!.. Так!.. – махнул пренебрежительно рукой Станислав.

– Как это, какой он мне отец?! – остолбенел Михаил. – Я же с самого рождения рос в его доме, под его крылом...

– Ну, положим, в доме – это громко сказано! – не без издевки подметил Станислав.

– Ну, хорошо!.. В хате! – поправил себя, с горестными нотками в голосе, Михаил. – Такое уточнение тебе по нраву будет?..

Ничего не ответил ему на это Станислав... Только приоткрыл рот и отвернулся в сторону...

– У тебя что, пан Войцеховский, яду много скопилось?! – раздосадовался Михаил. – Для чего ты меня в гости пригласил? Чтобы свой желчный пузырь освободить?! Тогда мне здесь нечего делать! Нечего!!! – резко рванул он с места и, не до конца отдавая отчета, в какую из многочисленных дверей дома своего друга ему следует идти, пошёл, куда глаза глядят, не выбирая пути... Но Станислав успел ухватить его за рукав визитки, желая остановить, однако тот отпихнул его руку и снова ринулся неведомо куда...

– Ну, всё, Михаська, всё! Прости меня! – пытаюсь поспевать за ним, виновато проговорил Станислав. – Я совсем не собирался тебя обидеть... Сам не пойму, почему у нас с тобой такой никчемный разговор получился. Да, соглашусь, что у меня присутствует злость на барона Ордоновского, и это несомненно! А с чего это я к твоему отцу Селивестру Богдану прицепился, доброму, трудолюбивому человеку, и сам до конца не пойму. Не психуй на меня, брат! Прости! – попытался он вновь приостановить Михаила и повернуть к себе лицом. Однако тому и на сей раз удалось высвободиться от него... Но Станислав проявил настойчивость и снова ухватился за рукав его визитки, и снова повторил попытку повернуть его лицом к себе. И на сей раз ему удалось обратить его взгляд на себя. «Прости меня, дружище!.. Ради Бога, прости!..» – взял он его руку в свою и, крепко её сжав, виновато посмотрел ему в глаза...

Когда Михаил увидел в глазах друга искреннее раскаяние,

то от души его немного отлегло... Устало вздохнув, он, хоть и с долей отчуждения, но все-таки ответил пожатием своей руки на его пожатие.

– Прости меня, Михаська! Еще раз прости! Я искренне раскаиваюсь! Слышишь меня? Искренне! Мне очень стыдно за этот разговор и перед тобой и перед твоим отцом Селивестром Богданом. Я знаю, какой это прекрасной души человек, знаю, какой это чудесный столяр-краснодеревщик. Мне, действительно, очень неприятно...

Михаил же вдруг поймал себя на мысли, что с восхищением вглядывается в образ своего любимого друга Станислава и искренне зачаровывается его красотой.

Высокий, ладный Станислав, одетый в идеально подчеркивающий его стройную фигуру фракный костюм, стоял перед ним во всем своем величии. Белолицый, кареглазый, златокудрый, такой изысканный, такой холеный и так приятно пахнувший парфюмом...

И тут Михаил отчетливо осознал, насколько к образу этого роскошного аристократа, воспитанного с детства в любви и уважении ко всему изящному, не знающего, что такое кланяться, пресмыкаться, завидовать, завоевывать положение в свете, не клеятся рассуждения о каком-то там плотнике Селивестре Богдане из какой-то там деревни Каленевцы. Ох... как же ему не клеились все эти рассуждения!.. Но он, Станислав Войцеховский, стоит сейчас перед ним, перед Михаилом Богданом, перед сыном плотника и, унижая свое досто-

инство, вымаливает у него прощение. Михаилу стало неловко перед Станиславом... Очень неловко...

– Ладно, Станек! Забудь об этом разговоре! – отвел он от него глаза в сторону. – Забудь!..

– Михаська! Ты действительно не обижаешься на меня?! – попытался отыскать его взгляд Станислав...

– Ни в коем случае, Станек! – наконец, посмотрел на него Михаил. – Ведь ты искренне попросил у меня прощения, и это совершенно очевидно... А ведь мы с тобой, братишка, знаем, что нет на свете грехов, кроме грехов нераскаянных...

– А также нет грехов непрощённых, если они искренне раскаянные, – подхватил его мысль Станислав. Друзья крепко обнялись и наконец-то открыто посмотрели в глаза друг другу.

– А что касается Селивестра Богдана, моего неродного отца, – вернулся к прежнему разговору о своем приемном отце Михаил, когда друзья вновь продолжили свое путешествие по дому, – так он за всё время моего существования в его семье ни разу не попрекнул меня тем, что я не родной ему сын. А ведь я, Станек, самый настоящий байстриук. Да, да! Байстриук! Внебрачный ребенок пана. Нет, Станек... Селивестр Богдан мне – самый настоящий отец! Если бы не открылось, что я сын местного барина, я бы до самой смерти не догадался, что Селивестр Богдан может быть мне неродным отцом. Никогда этот человек не обделял меня своей заботой, никогда не делил нас, детей, на своих и чужих. Всю жизнь

буду благодарен ему за это.

Станислав внимательно выслушал Михаила и ни разу его не перебил... Когда же он закончил свой пламенный монолог, склонился к его уху и ненавязчиво пояснил: «Прости, Михаська, но для меня приятнее было бы осознавать, что ты сын ни какой-то крестьянки, а сын особы «голубых кровей». Да, да! Особы «голубых кровей»! Самого барона Стефана Ордоновского! Уж прости, старина, но для моего утонченного слуха так было бы благозвучней».

Ничего не ответил ему на это Михаил, только скромно потупил взор и сдержанно улыбнулся. На этом конфликт между друзьями был исчерпан...

Между тем, они вошли в просторный, залитый солнечным светом обеденный зал, оклеенный светлыми обоями с белым багетом. Все четыре окна зала были распахнуты настежь. Легкий ветерок с улицы играл белыми шелковыми занавесками, поднимая их то высоко вверх, то неторопливо опуская книзу...

Интерьер зала был выдержан в стиле «Прованс»: теплота и уют деревенского домика в предместьях Парижа. Вся мебель, украшающая его интерьер – стол, стулья, два больших буфета и комод – была белого цвета. Дверцы буфетов и их выдвигаемые ящики, а также выдвигаемые ящики комода украшали пейзажи французских деревень, утопающих в виноградниках и оливковых рощах. Пейзажи были выполнены художником в ярких терракотовых, лавандовых, бирюзовых

и желтых тонах.

По стенам обеденного зала были развешаны картины в белых рамах, ландшафты которых пестрели очарованием французских заливных лугов с пасущимися на них стадами тучных пестрых коров... А еще... пейзажами пшеничных полей, сплошь усеянными ярко-алыми головками трепетных маков, романтических васильков, а также отражали жизнь и быт французского крестьянства. В простенках между окон стояли белые кадки с растущими в них пальмами.

В центре помещения располагался длинный, овальной формы стол с множеством стульев вокруг него. Пухлые сиденья и спинки стульев были обтянуты белым льном. На середине стола стоял розовый фарфоровый кувшин, наполненный цветами садовой ромашки.

– Твой обеденный зал?.. – расплылся в улыбке Михаил.

– Да, братишка! Трапезная моя... Будем с тобой тут пищу вкушать и пить чай с вареньем из твоих любимых ранеток. Кстати, Михаська, тебя дожидается варенье из нового урожая. И не только из ранеток, а также из малины, земляники, черники. Всё, как ты любишь...

– Спасибо, Станек!.. – смутила вдруг Михаила забота Станислава, и он отвёл от него глаза в сторону. – В таком очаровательном обеденном зале, братишка, даже самая скромная пища покажется царским угощением. А уж варенье из ранеток, земляники, черники... О!.. Об этом только мечтать можно, – взглянул-таки он на своего друга всё с тем же сму-

щением...

Однако.... внимание Михаила вновь привлекла мебель, которой был обставлен обеденный зал. Он ходил вокруг стульев и с увлечением ощупывал их спинки... Подходил к буфетам и выдвигал их ящики, открывал дверцы, со знанием дела осматривая всевозможные крепления... С наслаждением гладил рукой поверхность стола, на ощупь напоминающую полотно атласной ткани, при этом ничего не говоря, а только довольно покачивая и покачивая головой.

– Да-а-а... Такой интерьер, Станек, такая прекрасная мебель – всё это очень располагает к длительным застольям и душевным беседам, – наконец-то, в приятной задумчивости вымолвил он. – А еще, братишка, я обратил внимание на то, до чего же качественно выполнена эта мебель! Несомненно, талантливый мастер ее сладил!.. – уже больше самому себе, нежели Станиславу, сказал он. – Мой отец Селивестр Богдан очень славился мастерством краснодеревщика, когда работал в имении барона Ордоновского, и мне, своему сыну, кое-какие секреты своего ремесла сумел передать. Так что, Станек, как человек, хорошо разбирающийся в плотницком деле, я с полной ответственностью заверяю тебя в том, что мебель твоего обеденного зала изготовлена безупречно!.. Просто безупречно! – ещё раз с великим наслаждением провел Михаил ладонью по атласной, на ощупь, поверхности стола.

Что же касается Станислава, так ему были отвратны откровения Михаила о его пристрастиях к плотницкому реме-

слу. Станислава это вынудило вспомнить о том, о чем ему больше всего не хотелось вспоминать... Например, о том, что друг его Михаил Богдан принадлежит к другому, чуждому ему сословию. А если это так, то что же они делают вместе?..

Стоя в глубине комнаты, он с ледяным отчуждением наблюдал за той эйфорией, в которую ввела Михаила работа какого-то там «талантливого краснодеревщика». И только благодаря горничной Кристине, которая неожиданно появилась в дверях обеденного зала, Михаил не заметил того неприятия, с которым смотрел на него его друг Станислав Войцеховский.

Кристина держала в руках большой серебряный поднос, нагруженный стопками белых накрахмаленных салфеток. Увидев в помещении хозяина и его гостя, она засмушалась, а встретившись взглядом с Михаилом, и вовсе вспыхнула пунцовым румянцем...

Михаил безразличным взглядом окинул Кристину, которая, застыв в дверях обеденного зала, с нескрываемым вождением ощупывала его глазами. Низкорослая, с объемными формами тела молодая девушка. Узколицая, тонкогубая, с небольшими глазами цвета темного пива, близко посаженными к тонкому, длинному носу и с пышной копной ярко рыжих волос...

– Кристи-и-на-а-а, – процедил сквозь зубы Станислав, – тебе не показалось, что тебя сегодня слишком много в наших

с паном Богданом жизнях?!

Вздвогнув, Кристина взглянула на хозяина, сверлившего ее исподлобья недружелюбным взглядом... Станислав же, понимая, что ни внешний образ горничной, ни внутреннее ее содержание не помогут ему относиться к ней, как к достойной его внимания личности, молча ее ненавидел...

– Простите меня, пан Войцеховский! – поникла Кристина. – Я не знала, что вы со своим гостем здесь, в обеденном зале, – принялась она потерянно топтаться на месте...

– Ой, ли!.. – прямо-таки всплеснул руками сражённый ее враньём Станислав. – От вашего, сударыня, бесхитростного лукавства меня прямо-таки затошнило сейчас! Ты что, за дураков тут нас держишь?! – сдвинул он к переносице брови.

– Я принесла салфетки от прачки, – не зная, что ему ответить, сказала Кристина. – Вот они, – указала она глазами на поднос с салфетками. – Мне их нужно переложить в ящик буфета.

– Так ступай же! Перекладывай! – в состоянии крайнего недовольства выкрикнул Станислав. – Чего же ты все топчешься и топчешься на месте, при всём при этом уже успев раз десять догола раздеть моего друга глазами?!

Щеки Кристины сделались еще более пунцовыми. Часто-часто моргая, она продолжала растерянно топтаться на месте.

– Так ступай же рысью и перекладывай, наконец-то, свои салфетки! – приказал ей вконец обозлённый Станислав. –

Чего же ты всё топчешься и топчешься на месте, словно застоявшаяся кобыла в стойле?!

Кристина, сжавшись в комочек, сорвалась с места и проскользнула мимо Станислава в сторону комода. Едва справляясь с волнением, она стала укладывать в его ящик накрахмаленные салфетки.

– Ну что, братишка, не желаешь рассмотреть негласное предложение барышни воспользоваться ее услугами? – поглаживая пальцем свои усики, с бесстыдством посмотрел на Михаила Станислав...

Его вопрос ввел Михаила в конфуз... Он прямо-таки отпрянул от него...

– А что?.. Барышня сама себя предлагает! Чего же теряться-то?..

– Нет! Не хотел бы! – показал ему кулак Михаил...

– Ну и дурак!.. – рассмеялся Станислав...

Кристина же, наконец-то справившись со своими делами, подобно перепуганной птахе, пойманной сильными руками человека и неожиданно заполучившей свободу, тут же выпорхнула из столовой...

– Всё!.. Сорвалась девка с крючка!.. – сделав горестное лицо, констатировал Станислав. – Ладно! Черт с ней! – махнул он рукой и стал доставать из кармашка своего белого жилета карманные часы. – Ого!!! – озадаченно воскликнул он, – времени-то уже сколько! Пойдем, Михаська, скорее, провожу тебя в твою комнату...

Михаил и Станислав покинули помещение обеденного зала и направились по коридору дома в сторону комнаты, которая уже давно дожидалась приезда своего гостя.

– Не помнишь, братишка, о чём мы с тобой разговаривали, пока эта сумасбродная не нарушила нашу идиллию? – спросил Михаила Станислав, когда они шли по коридору.

– О бароне Ордоновском мы с тобой говорили, Станек, – обреченно вздохнул Михаил. Ему уже изрядно поднадоела тема, касаемая его Ясно Вельможного папаши.

– Точно!.. – вмиг расцвел Станислав. – Именно о нём мы с тобой и говорили... Так говоришь, братишка, Ясно Вельможный пан в последнее время все путешествует?

– Да! Путешествует! – со скучающим лицом подтвердил свои слова Михаил. – А что ему ещё делать? Денег старику на десять жизней хватит. Надо же успеть их до смерти размотать. С собой-то в могилу не заберёшь. А оставлять кому попало жалко будет...

– А я, Михаська, вот о чем думаю, – призадумавшись, погладил свои усики Станислав, – вот бы старик тебе дом купил. Не всю же жизнь тебе у пани Стахи угол снимать. Тем более, ни жён, ни законных детей Ясно Вельможный пан за всю свою жизнь так и не нажил. Наследников, как мы знаем, у него тоже нет.

– Не такой он дурак, Станек, кому попало дома покупать!

– Что значит, кому попало?! Сыну своему, Михаська, сыну, а не кому попало...

– Станек, – посмотрел на него с укором Михаил, – ты прекрасно знаешь, что я никогда не стану просить у отца денег на дом, а сам он мне их никогда не предложит... Тогда зачем же впустую воду в ступе толочь?..

– А знаешь, Михаська, я сам попрошу барона об этом!

– О чем?!

– О том, чтобы он тебе денег на дом дал! Как только найду возможность состыковаться с ним, так и поговорю об этом...

– Даже не вздумай! Даже не вздумай этого сделать!!! – всполошился Михаил и на нервном взводе прибавил шаг...

– Почему нет? Почему?! – успел ухватить его за руку Станислав и приостановить...

– Потому, что ты этим моё достоинство унизишь! – оттолкнул его от себя Михаил. – Если бы отец пожелал, уже давно бы сам этот вопрос решил. Думаешь, он не знает, что я на квартире у пани Стахи живу? Естественно, знает! Захотел бы, и дом давным-давно мне купил, и фамилию свою дал. Но, как видишь, воз и ныне там. Зачем лезть в душу человека, которая от тебя на тысячу засовов закрыта? Тем более, положи руку на сердце, я на него не в обиде! Деньги на жизнь даёт, и на том спасибо. Пусть немного, но даёт. Я и за это ему благодарен...

– Да-а-а... Ну и гад же он, твой папаша! Если бы ты только знал, Михаська, какое у него состояние! О-о-о... Мрак!.. Да ему купить тебе особняк или даже два особняка – все равно, что нищему на паперти копейку подать. Да он гарем жен в

состоянии содержать, не то что единственного сына!..

– Гарем жен, говоришь?.. – разулыбался Михаил. – Насмешил ты меня, Станек! Да ему и одна-то жена в тягость. Человек привык жить в своё удовольствие, в своё наслаждение, в бесконечном познании новых партнёров, которым уготовано судьбой услаждать его в постели и развлекать в нескончаемых любовных играх. Это всегда стимулировало его жизненный тонус, тешило его мужское самолюбие, давало пищу его уму, его душе и плоти.

– О, да! В этом и есть преимущество холостой жизни!.. – с пониманием дела воскликнул Станислав. – Живи, гуляй в свое удовольствие, не страшась семейных драм и разборок. Никаких тебе обязательств перед кем-то. А ведь всё это так тяготит и раздражает, – поморщил он свой нос.

– А я смотрю, братишка, тебе жизненная позиция барона по душе... Я прав?

– Почему нет?.. В этом есть своя прелесть... Да ладно, Михаська, что это мы всё о нем да о нем! Соскучился я по тебе, дружище! Очень соскучился! – приобнял он Михаила за плечи.

– Я тоже, Станек, по тебе очень скучал. Ощущение, что лет десять тебя не видел!

Тем временем друзья вошли в небольшую комнату с одним распахнутым во двор окном, обставленную маленькими уютными диванчиками. Из этой небольшой комнатки, которой, скорее всего, была отведена роль небольшой прихожей,

высокая двухстворчатая дверь с позолоченными ручками в виде головок льва вела в какие-то ещё другие апартаменты дома...

– Пришли!.. – просиял Станислав. – Твоя обитель, бра-тишка, – распахнул он перед ним двери...

– О!.. Это моя комната?! – приятно удивился Михаил, увидев просторное светлое помещение.

– Тебе нравится?

– Очень нравится!.. Очень!.. – начал осматриваться Михаил...

Напротив входа – два больших окна, распахнутых в сад. В простенке между окнами – камин, облицовочная рама которого выполнена из мореного дуба. В левом переднем углу комнаты – большое напольное зеркало в раме из того же мореного дуба. В правом переднем углу комнаты – деревянный столик на тонких ножках, покрытый белой вязаной скатеркой. На столике – фигурки Девы Марии и Иисуса Христа. Рядом с камином два больших, вольготных кресла, обтянутые зеленым гобеленом, и два приставных к ним пуфика для ног. Справа от входа – диван-атаманка под бежевым пледом. На диване множество всевозможных подушечек в пёстрых наволочках. Слева от входа, торцом к стене – большая деревянная кровать с высокими спинками, застланная бежевым покрывалом с кистями. Вдоль изголовья кровати – старательно взбитые руками горничной подушки всех размеров, облачённые в белоснежные наволочки. По бокам кровати – мас-

сивные тумбочки со стоящими на них настольными лампами под стеклянными зелеными абажурами. Над кроватью – огромная картина в деревянной коричневой раме. Чуть ниже – распятие Христа. Слева и справа от входа – по большому двухстворчатому шкафу, так же, как и вся мебель в комнате, из мореного дуба. В центре комнаты – круглый дубовый стол с четырьмя мягкими стульями, сидения и спинки которых обтянуты зеленым гобеленом. В центре стола, на белой вязаной салфетке – высокий керамический кувшин с цветами белых садовых ромашек.

– Прекрасно!.. Просто прекрасно!.. – пройдясь по комнате, снова воскликнул Михаил и направился к окну, распахнутому в сад.

– Я рад, что тебе понравились твои покои, – довольно улыбнулся Станислав. – Долго думал, какую из комнат в доме тебе выделить, и остановил свой выбор на этой.

– Какой очаровательный вид из окна! – огляделся по сторонам с высоты второго этажа Михаил.

– Сколько зелени вокруг!.. Фруктовые деревья просто усыпаны плодами! А яблоч-то сколько! Сколько груш! – все не переставал восторгаться он. Постояв еще немного у окна, он направился к своей кровати.

– О!.. А какая вольготная кровать у меня! А какая она мягкая!.. – помяв ее руками, приятно удивился он. – Какие воздушные подушки! Так бы и зарылся прямо сейчас же в них с головой! Уютно... Очень уютно. А тихо-то здесь

как!.. – прислушавшись, улыбнулся он.

– Да, здесь очень тихо!.. – подтвердил его слова Станислав. – Окна комнаты выходят в сад. Поэтому тут всегда будет спокойно, и ты будешь спать, как младенец. А еще, Михаська, в этой комнате очень приятно пахнет яблоками из сада. В этом 1915 году неслыханный урожай яблок уродился в садах Могилева. А ведь я, братишка, прекрасно помню, насколько ты любишь запах яблок.

– Спасибо, Станек, что ты об этом помнишь! – положив на его плечо руку, благодарно улыбнулся ему Михаил. – Спасибо!..

– Да ладно тебе! – засмутился Станислав и, скинув его руку со своего плеча, отошел от него в сторону...

Между тем, внимание Михаила привлекла картина, висящая в изголовье его кровати. На ней были изображены три молодые девушки в прозрачных одеждах, через которые просвечивали их тоненькие, изящные тела и стройные, длинные ножки. За их спинами просматривались едва заметные серебристые крылья. Златокурые девушки с большими синими глазами, взявшись за руки, порхали в облаках, подсвеченных заходящими лучами солнца. Головки девочек были украшены цветами неземной красоты.

– О, какие прекрасные нимфы!.. – с упоением воскликнул Михаил. – Или это грации? – стал он внимательно присматриваться к девушкам на картине.

– Это три грации, Михаська, – пояснил Станислав. – Три

красавицы, олицетворяющие Красоту, Любовь и Удовольствие.

– Это не те ли, что из свиты Венеры? – всё не сводил с красавиц своих восхищенных глаз Михаил.

– Они самые, братишка...

– А почему у этих граций крылья за спиной?

– А это для того, Михаська, чтобы в одну из ночей, как только проснутся ночные цветы, они, посредством этих крылышек, явились сюда, к тебе, в твое просторное ложе, и подарили тебе ночь красоты, любви и удовольствия.

Услышанное ввело Михаила в замешательство, щеки его зарумянились, как у молоденькой гимназистки. Станислав заметил его смущение...

– А что, Михаська, разве у тебя никогда не было в постели сразу трех девушек?

– Нет! Никогда! – искренне признался Михаил. – А у тебя, Станек?.. У тебя были?..

– Были!..

– Сразу три?!!

– Вот это да!!! Да ты что, брат, с луны свалился?!! Не думал, что ты такой целомудренный!

– Эти?!! – указал пальцем в сторону картины всполошившийся Михаил.

– О-о-ох.... если бы эти! – задержал на красавицах свой ласковый взгляд Станислав. – На этих бы я уже давно женился... Причем, сразу на всех трёх...

– Ну-у-у, пан Войцеховский, ты даёшь!..

– Ну, во-первых, не я даю, а мне дают!.. А во-вторых, нет в этом ничего необычного. Старо, как весь наш пошлый мир...

– Ты меня смущаешь, Станек...

– Ладно... Займусь я твоим воспитанием, Михаська. Вернешься ты в свою Варшаву сексуально подкованным.

– Ох, Станек, по-моему, мы с тобой окончательно развратились, – попытался Михаил согнать шаловливую улыбку со своего лица. – Что делать-то будем, когда всё-таки надумаем жениться? Смогут ли наши жены заменить нам всех тех наших подружек, которые дарят нам сейчас, во времена нашей холостяцкой жизни, столько радостных мгновений?

– О, cholera!.. Да они, эти жены, сразу же нам и надоедят! В первую же брачную ночь надоедят! Никакая девица из благонаправленного семейства, получившая пуританское воспитание, не подарит тех прекрасных мгновений в постели, которые под силу только опытным, раскрепощённым женщинам. Ведь им, этим глупышкам, с детства прививают, что главное украшение женщины – это скромность!.. Нет, брат Михаська, – подошел Станислав к зеркалу и внимательно присмотрелся к своему отражению, – не хочу я жениться! – поправил он свой галстук-бабочку. – Я – парень хоть куда! Мне только подавай да подавай! Зачем мне жена, половое воспитание которой сводится только к одному – лежи и терпи... Я не прав? – посмотрел он вопросительно на Михаила. – Тебе, Михаська, нужна жена, которая лежит, как бревно, в посте-

ли, не внимая твоим ласкам?

– Трудно так сразу сказать, Станек, – повел плечом Михаил и направился к окну. – Возможно, если я полюблю ее до безумия, то-о-о...

– Ой! Успокойся! Полюбит он! – поморщился Станислав. – Любовь, Михаська, это чувство проходящее... Как завалишься со своей любовью в кровать, а она от страха, что ты принялся ее раздевать, убежит от тебя, вся в слезах, к своим родителям, сразу же и поймешь, насколько это хлопотное дело – женитьба! Ай!.. К чёрту всю эту любовь и всех этих жён, вместе взятых!

– Я даже слышал, Станек, что существует этикет, который, хоть и предписывает женам допускать мужа до своего тела, но получать удовольствие – боже упаси!..

– Ну вот, видишь! И нужна тебе, Михаська, такая жена, которая тебя просто терпит?! – подойдя к окну, рядом с которым стоял Михаил, Станислав присел на его подоконник. – А ведь бытует и другое мнение, братишка: муж, который использует жену только ради секса, без намерения зачать ребенка, превращает ее в шлюху. Дикие нравы, брат!!! Дикие нравы...

– Да-а-а... До чего же всё непросто в нашем мире, Станек, – в раздумье почесал затылок Михаил и, отойдя от окна, стал ходить по комнате. – Но лично мне, братишка, было бы неприятно обманывать любимую женщину. О, Jezus Maria! Потом угрызения совести замучают...

– Никаких угрызений совести! – сказал, как отрезал, Станислав. – Какие могут быть угрызения совести, если жена бревном оказалась?! Не хочет допускать до тела – ну, и не будем её помогать. А раз природа своего требует, а с ней, с природой, не поспоришь, значит, будем искать выход из этой ситуации. И дамочки полусвета – наилучший вариант! Нет, Михаська, – снова подошел к зеркалу Станислав и возбужденно одернул полы своего фрака, – не хочу я жениться! Зачем мне это ярмо на шею? Правильно поступил барон Ордоновский, что не женился. Спал со всеми теми женщинами, что ему по нраву были, а как надоедали, выпроваживал их с Богом на все четыре стороны. Поэтому и не познал, что такое семейная жизнь, где жены своими истериками, типа: где ты был... ты что, мне изменяешь... ты что, разлюбил меня... – завтра же доконают тебя и сведут в могилу...

– А вот интересно, Станек, ты какой-нибудь из своих сексуальных партнерш отдаёшь предпочтение? Или все они тебе на одно лицо?

– Ой, Михаська... ко всем одинаково потребительски отношусь. Потребительски – и больше никак! Раз они продают себя, значит, это товар... Вот и весь сказ!.. Однако, пожалуй, есть одна подружка, к которой я сильно привязался. Которую, хоть и отчасти, но все-таки выделяю из числа остальных...

– Чем же она не такая, как все?

– О, братишка! Это не женщина!.. Это огонь!.. Её, совсем

ещё молоденькой, еще девственницей, совратил один старый господин. Кстати сказать, очень уважаемый в Могилеве человек. Известный чиновник, отец почтенного семейства, в дом которого и была она принята на службу гувернанткой. Он-то, старый развратник, и лишил её девственности... Причем, в самой изощренной форме. Как ни странно, но её это не испугало, и за хорошее вознаграждение с его стороны она стала отдаваться ему так, как он того пожелает. А уж он-то извращался, как только мог! Но для неё ничего не жалел! И в шампанском ее купал, и в Париж возил, где по последней моде наряжал. Дом неплохой ей купил. И вот теперь.... она моя девочка...

– Ты так же с ней щедр, как и тот господин? – улыбнулся Михаил.

– А как же!.. Женщины, братишка, они ведь для услад и растрат созданы!.. Такова жизнь! Нет, нет, уверяю тебя, я на самом деле не скуплюсь для нее. А она, соответственно, ублажает меня по полной программе. Много у меня было их разных, но этой равных нет. Малгожатой ее зовут. Нельзя сказать, что красива, но с шармом! Есть у меня еще две актеры из варьете. А еще... жена важного в городе Могилеве сановника. Кстати, сановник тот... друг моего дядьки. Старше меня эта мадам более чем на 20 лет. Не поверишь... голову так вскружить может, что не вспомнишь, как и зовут-то тебя! Жгучая брюнетка, а тело – как белый мрамор. Но Малгожата у меня неповторима!

– Не ревнуешь свою Малгожату к другим мужчинам? – снова подошел Михаил к окну и присел на его подоконник.

– Нужна она мне, ревновать её. Могу и тебе её предложить. Не пожалеешь...

Михаил в ответ на это долго молчал, но было видно, что в душе его идет борьба нравственности с безнравственностью. Однако... по его большим синим глазам, наполненным тайной страсти, можно было догадаться, что победит все-таки безнравственность!..

– Подумаю над твоим предложением, Станек, – опустив очи долу, вымолвил он. – Прямо-таки интересно попробовать на вкус твою хвалёную Малгожату...

– И думать тут нечего! Завтра же едем с тобой в клуб или игорный дом. Как раз там они, эти ночные мотыльки, и порхают...

– Станек, а не боишься ты, что завтра твоя Малгожата придет к тебе и скажет: я беременна от вас, пан Войцеховский...

– Что-о-о?! – направляясь к креслу, стоящему рядом с камином, бросил в сторону Михаила насмешливый свой взгляд Станислав. – Развеселил ты меня, братишка... Беременеть не в интересах этих женщин. Вот ответь мне, ради чего им терять на беременность девять месяцев своей хорошо оплачиваемой жизни?.. – уселся он в кресло и закинул ногу на ногу. – Ради того, чтобы лишить себя всех прелестей жизни: внимания мужчин, развлечений, денег, а потом не знать,

куда девать свое чадо и на что его содержать?.. Они-то прекрасно знают, что никто на них не женится. Да и доказать любой из них, от кого у неё ребенок никогда не удастся. Глупо в их положении беременеть, Михаська!.. Тем более, еще никто не отменял «штучки для уикенда». Ты сам-то, Михаська, пользуешься презервативами? – пошленько усмехнулся Станислав.

– Ещё бы я ими не пользовался!.. – хмыкнул Михаил. – Презерватив – друг джентльмена и его надежный щит! Мы в Варшаве пользуемся презервативами из Германии. А как тут у вас с этим дела обстоят?..

– Я тоже их использую, – улыбнулся Станислав. – Ладно!.. Черт с ними, с этими шлюхами! – вдруг недовольно поморщился он. – Ты мне лучше, Михаська, вот что скажи: почему же ты не приехал ко мне в начале августа, как мы условились с тобой в переписке? Я, правда, тебя уже об этом спрашивал, но ты этот разговор почему-то замаял. Думаешь, я не понял?..

– Станек, не поверишь, – сделал виноватое лицо Михаил, – да ведь я к тебе не из Варшавы приехал. В деревне я все это время был, в Каленевцах...

– Как так, в Каленевцах?! – подпрыгнул с кресла Станислав и подошел к окну, где по-прежнему стоял Михаил. – Так, значит, из Варшавы ты не ко мне поехал, а поехал в свою деревню?! А почему не сразу из Варшавы ко мне? – послышалась в голосе Станислава обида. – Ведь мы же с тобой договаривались о встрече в начале августа. Я так ждал

тебя... А переволновался-то как! Где мой Михаська? Что с ним?! Какие только ужасы в голову мне не лезли. Страшно вспомнить!..

– Прости, Станек, так уж сложилось, – виновато развел руками Михаил. – Получил письмо от родителей, еще в мае получил. Из письма узнал, что снова матушка моя приболела. Ну... я туда сразу и поехал...

– Да что ты!.. – всполошился Станислав. – Ну? И как теперь дела у твоей матушки? – в глазах его появилась неподдельная тревога. – Я-то знаю, что сердце у неё пошаливает...

– Да... сердце... Но теперь всё позади, – перекрестился Михаил. – Думал, побуду у них немного и к тебе поеду. Но пришлось подольше пожить. Ведь я очень долго у них не был. Помог отцу сено заготовить, крышу подлатали с ним, забор подняли. Да и от матушки не так-то легко было оторваться. От мысли, что скоро уеду, у нее сразу же глаза на мокром месте делались. Руки трясутся, жмётся ко мне и всё крестит меня, крестит. Всё за судьбу мою беспокоится. Тяжело об этом говорить, братишка, очень тяжело. Так и стоит она у меня перед глазами – усталая... заплаканная...

– Матери, они все одинаковые! – углубился в себя Станислав. – Моя тоже считает, что меня за каждым углом опасность поджидает. Доля их такая, за детей своих тревожиться. Ну, а дядька Селивестр, отец твой, как он поживает? Что у него нового?

– У отца все в порядке... Работает у местного пана в име-

нии плотником, а иногда по найму работает. В основном, плотницкие работы выполняет – крыши людям перекрывает, оконные рамы меняет. А сейчас заготовкой сена к зиме занимается. Ведь у них скотина, гуси, да еще огород... Работы страсть сколько. Постарел очень... Да и мама вся седая стала.

– Да-а-а... – протяжно вздохнул Станислав, – жизнь неумолимо летит вперед, дети взрослеют, родители стареют... Проза жизни, братишка!

– Мало того, Станек, немцы все большие и большие территории наших земель все это время захватывали. Многие жители деревень и городов Гродненской губернии, в том числе и нашей волости, в страхе перед ними побросали свои дома, побросали огороды с урожаем. Вглубь России подались...

– А твои что же? Остались? Не боятся немцев?

– Новый пан, что купил у барона Ордоновского его имение, в добрых отношениях с немецкими властями. Он теперь wojt, староста, должностное лицо местной администрации, а мой отец у него работает. Поэтому под его защитой находится. Я оттуда тоже не просто так уехал. Мне ausweis, благодаря нашему пану, немецкие власти выписали. Это чтобы меня, пока я буду продвигаться в сторону Могилев по захваченным немцами территориям, на контрольно-пропускных постах и в дороге не тронули. Одним словом, все очень непросто. Не хочется вспоминать... А тут еще новость на наши

головой свалилась... Сестра моя, Нюта, с солдатом из немецкой армии загуляла. Он по национальности австриец. Зовут его – Йохан Нога. Правда, его все тут же Иваном называть стали. Очень хороший парень. Среднего роста светлолицый блондин с голубыми глазами. До того в нашу Нюту этот Йохан влюбился, что даже женился на ней. Так что у нас свадьба небольшая была. Теперь наша Нюта уже не Богдан, теперь наша Нюта – Анна Селивестровна Нога. Йохан сказал, что после войны в Австрию свою не вернётся, в Каленевцах жить останется. Понравилось ему у нас. Да и родни у него в Австрии нет. Сирота он... Призвали парня на войну без его на то воли, вот и пошёл он. А куда ему деваться... Зато, благодаря войне, свою любовь нашел.

– Ладно!.. Совет им да любовь! – отмахнулся от всех этих не нужных ему новостей Станислав. – А ты знаешь, Михаська, я на сегодняшний вечер приглашен... В дом генерала Медведского на бал еду.

– Вижу, вижу, Станек, что ты при полном параде, – остановил на нём свой взгляд Михаил...

Станислав, одетый в черный фракный костюм, белый жилет и белоснежную сорочку с белой бабочкой под её воротничком, смотрелся очень торжественно и респектабельно. Михаил снова залюбовался им. Тот же, видя, с каким искренним восхищением на него смотрит его друг, еще больше воодушевился и тут же, выпрямив спину, одернул полы своего фрака.

– Красив ты, Станек! Слов нет, как красив!..

– Кто бы сомневался!.. – улыбнувшись, направился Станислав к столику, стоящему обок большого, обтянутого зеленым гобеленом кресла. На нем лежала коробка с сигарями. – Ты-то, братишка, как себя чувствуешь? – спросил он у Михаила, разминая в руках толстую сигару. – С дороги сильно устал? А то бы могли вместе в дом господ Медведских на бал поехать. Тем более, как я посмотрю, ты и фракный костюм не забыл с собой прихватить, судя по круглой картонной коробке в твоём багаже. Ведь в ней, в этой коробке, не иначе, как цилиндр притаился. Я прав?.. – улыбнулся он...

Михаил в ответ только загадочно улыбнулся и с ловкостью циркача достал из круглой коробки новенький черный цилиндр. «Ну, пан Войцеховский, как я вам в новом цилиндре?» – водрузив его на голову, принял он торжественную позу.

– О! Пан Богдан! Вы неотразимы!.. – прикуривая сигару, заверил его Станислав. – Причём, как всегда...

– И это главное! – воскликнул Михаил. – А теперь, пан Войцеховский, поясните мне следующее: у вас в приглашении на сегодняшней бал какое требование к одежде? Уж не «White tie», случайно? Молчите, молчите, пан Войцеховский! Я и сам всё понял, судя по тому, как вы одеты. Несомненно, так и есть – «White tie»!

– Вы наблюдательны, пан Богдан! Именно «White tie»! – прохаживаясь по комнате и выпуская изо рта клубы дыма

раскуриваемой им сигары, подтвердил его предположение Станислав.

– В таком случае, пан Войцеховский, вот в этом чемодане, – указал Михаил на кожаный, изрядно потертый чемодан, перетянутый толстыми ремнями, – находится мой новый фракный костюм с белым жилетом и белым галстуком-бабочкой. Одним словом, здесь всё то, на чём настаивает «White tie» в вашем приглашении на бал. Поэтому сию же минуту отдайте указание прислуге, чтобы мне его отутюжили, а я пока пойду приму душ с дороги.

– Вот и отлично, пан Богдан! – потягивая сигару, одобрил его намерения Станислав. – Ступайте... Примите душ, да пошевеливайтесь! Начало бала в восемь вечера! А опаздывать, сами знаете, знак плохого тона.

– Долго не задержусь, пан Войцеховский! – расстегивая ремни и замки чемодана, сказал Михаил.

– Ой!.. Долго он не задержится!.. – ядовито усмехнулся Станислав. – Знаю я тебя, копушу! Не усомнюсь, что потом еще часа два со своими локонами провозишься, а потом часа два своим отражением в зеркале любоваться станешь.

– О, Jezus Maria! Кто бы говорил, – добродушно рассмеялся Михаил. – Самого часами от зеркала не оттянешь, – расстегнул он наконец-то все замки чемодана и откинул его крышку, где сверху лежал аккуратно сложенный фракный костюм.

Станислав, между тем, взял со столика колокольчик и по-

звонил прислуге. В дверях комнаты появилась все та же рыжеволосая горничная Кристина.

Только на мгновение вскинула она глаза на друга своего хозяина, пана Богдана, и тут же, направив взгляд в пол, принялась смущённо топтаться на месте, при этом призывно раскачивая бедрами и все взбивая и взбивая руками копну своих рыжих волос. Грудь ее при этом всё сильнее и сильнее выпячивалась вперед, а щеки просто-таки обещали сгореть дотла от обжигающего их ярко-красного румянца.

Совершенно очевидно, что при виде Михаила с ней происходили ошеломляющие метаморфозы, совладать с которыми ей было не под силу. Это обстоятельство, очевидно же, не ускользнуло от внимания Станислава, и он помрачнел...

– О, cholera!.. – с отвращением на лице процедил он сквозь зубы. – Что сегодня с тобой творится, сумасбродная?! Да в своем ли ты уме?! Слюни подбери! Не по Еремке кафтан примеряешь! Поняла, о чем я толкую?!

Ничего не ответила ему на это пристыженная Кристина, только резко осеклась и, опустив глаза к полу, сделала три пружинистых реверанса.

– Вот и славненько! – всё с той же гримасой отвращения на лице произнес Станислав. – А теперь быстро сопроводи барина в ванную комнату, а потом отутюжь его фракный костюм. Да сделай всё так, чтобы без нареканий было! Поняла меня?!

Горничная Кристина, сделав еще три пружинистых реве-

ранса, тут же собрала в охапку фрачный костюм Михаила и, взглянув на своего хозяина, спросила его: «Я могу идти, господин Войцеховский?»»

Но Станислав, продолжая сверлить ее ненавистным взглядом, молчал...

– Станек, – попытался Михаил отвлечь его внимание от горничной на себя, – всё!.. Успокойся, брат!.. – смотрел он в его глаза призывно и с укором. Когда же тот, наконец, посмотрел на него, улыбнулся ему и сказал: «Я в ванную комнату, братишка. Скоро вернусь», – и, подтолкнув Кристину в спину, выпроводил ее из комнаты и сам направился вслед за ней...

Станислав же подошел к креслу, стоящему рядом с камином, и, погрузившись в него, закинул ноги на маленький стоящий рядом с ним пуфик. Наконец-то расслабившись, затянулся сигарой и тут же, выпустив изо рта очередной клуб сигарного дыма, пробурчал себе под нос: «Нет, ты только посмотри, что эта блаженная вытворяет... На барина позарилась! Ну, я еще займусь тобой!..»

По прошествии небольшого времени Михаил, свежий и румяный, обернутый по пояс белой простыней, вернулся из ванной комнаты.

– А что, брат Станек, стоящие барышни на балу господ Медведских будут? – спросил он, просушивая полотенцем свои волосы.

– Ой... да там их – на любой вкус и лад, – с равнодушием

ответил ему Станислав, по-прежнему восседающий в своем кресле. – Это очень знатное семейство, и балы в их доме – практически, лучшие в городе. Уж поверь мне на слово...

– Знаю, Станек, знаю, что порой в провинциях балы бывают на порядок выше, нежели в знатных домах самого Питера.

– Вот и я о том же...

– Сам-то едешь на бал, чтобы развлечься? Или, может, всё-таки присмотреть себе барышню для серьезных отношений? – спросил Михаил и принялся расчесывать у зеркала свои длинные, мокрые волосы, пряди которых тут же закручивались в легкие спирали...

– Первое, брат, первое! – закинув руки за голову, лениво потянулся Станислав...

– А если повстречается на балу какая-нибудь барышня, достойная твоего внимания в плане брака, рассмотришь вариант?

– Ну уж, уволь меня от этого!.. – тут же скинул ноги с пуфика Станислав и нервозно закинул их одна на другую. – Говорил же тебе, что хронический холостяк я! Удивительно, что ты об этом забыл!

– Почему забыл?.. Помню!.. Конечно же, помню! – немного отстранённо заверил его Михаил, обозревая в этот самый момент свое отражение в зеркале.

– Тогда какого черта чепуху несёшь?! – выжидательно смотрел на него Станислав.

Ничего ему не ответил на это Михаил... Он уже о нём забыл... В этот самый момент он с великим удовольствием рассматривал свое отражение в зеркале... Поворачивал голову то вправо, рассматривая свой левый профиль, то влево, рассматривая свой правый профиль. То... выпячивал вперед подбородок и бережно, кончиками пальцев, приглаживал волоски на своей маленькой, аккуратно оформленной бородке... То... с нежностью поглаживал тоненькие усики над верхней губой.

Затем... увлёкся волосами... Накрутил на палец небольшую прядь волос и, резко вынув палец из образовавшейся на нём трубочки, высвободил на свободу сформировавшийся локон. Закончив с одной прядью волос, он принимался за вторую прядь... потом за третью... а вот уже и за четвертую, пятую... При этом спиралевидные пряди его волос образовывали на своих кончиках живописные локоны.

– Ох, и любите же вы себя, пан Богдан!.. – с ехидцей усмехнулся себе под нос наблюдающий за ним Станислав. – От зеркала не оттянешь...

– А вы, пан Войцеховский, себя не любите? У зеркала часами не простаиваете? – наконец-то взглянул на него Михаил.

– Поторопитесь, пан Богдан! По-моему, мы с вами на бал едем, а ради нас его начало переносить никто не станет! – не зная, чем парировать, кинул в его сторону Станислав. – А нам ещё, брат, километров тридцать пути...

– Всё, Станек! Всё! Не беспокойся! Не заставлю себя долго ждать, – метнулся Михаил в сторону своего второго чемодана, стоящего на полу комнаты. Присев около него на корточки, он освободил его от ремней, откинул крышку и тут же наткнулся на небольшую фотографию в красивой деревянной рамке.

На фото были запечатлены два мальчика в возрасте лет десяти: один златокудрый и кареглазый, второй синеглазый, с кудрями черных волос. Это были два друга, Станек и Михаська. В белых матросках и белых шортах, в белых бескозырках на головах, они, положив руки на плечи друг другу, стояли плечом к плечу и широко улыбались своему фотографу и своему завтрашнему дню.

– Наш с тобой портрет, Станек, – тепло улыбнулся Михаил. – Везде его с собой вожу, – поставил он рамку с фото на стол...

– Я тоже это наше фото везде с собой вожу, – ответил ему Станислав.

– Помнишь, братишка, где нас сфотографировали?

– Конечно, помню! – улыбнулся Станислав. – Это мы в Питере около пароходной пристани сфотографированы. Как раз перед тем, как мой дедушка собрался нас с тобой на пароходе по Неве катать.

– Правильно говоришь...

– Хорошее было время, – приуныл Станислав. – Еще дедушка был жив...

А Михаил тем временем, снова присев около своего раскрытого чемодана, начал что-то старательно в нём выискивать, при этом всё о чём-то сосредоточенно раздумывая. Наконец, недоумённо пожав плечами, обратил свой взор в сторону Станислава, сидящего в кресле с сигарой в зубах...

– Станек, неужели ты и в правду ни разу не задумывался о женитьбе? – спросил он его. – Неужели так и останешься на всю свою жизнь в холостяках? Только серьезно...

– Не знаю, что и сказать, Михаська. Беда моя в том, братишка, что чувство притяжения к женщине я испытываю только до тех пор, пока завоевываю её. А как завоюю, она мне уже неинтересна. Хотя-я-я... что в этом сложного... Только помани любую из них, и она уже у твоих ног. А дальше... Дальше всё так предсказуемо!.. Скука адская...

– А какая бы барышня тебя устроила для серьезных отношений? – спросил его Михаил.

Станислав призадумался... Потом, пожав плечами, тихо вымолвил: «Откуда я знаю... Пойди тут, угадай...»

– Ну, все-таки...

Не зная, что ответить, Станислав погрузился в раздумья... Нащупывая в глубине души верное направление в сторону образа той, единственной, которая устроила бы его на все сто процентов, он то капризно морщился, то вдруг, как бы с кем-то не соглашаясь, отрицательно качал головой, то... недвусмысленно улыбался, а то... очень заинтересованно к кому-то внутри себя прислушивался... Наконец.... удовле-

творённый поиском образа своей единственной, воскликнул: «О, да!.. Именно такая панночка меня бы вполне устроила!..»

– И какая же она, братишка? – всё продолжая что-то отыскивать в своем чемодане, с улыбкой на устах поинтересовался Михаил. – Познакомь меня поскорее с ней...

– Ну-у-у... прежде всего, она должна быть с чувством собственного достоинства, но не гонористая, – затаившись сигарой, принялся размышлять Станислав...

– Это как?

– Должна знать себе цену, при этом оставаясь уважительной к людям.

– Понятно! – качнул головой Михаил.

– Слушай дальше и не перебивай! – кинул в его сторону недовольный взгляд Станислав...

– Молчу...

– Итак, дальше... Должна быть наделена от природы разносторонними талантами.

– О, нет... Не думаю, что так бывает, Станек...

– Почему?..

– Потому, что где много талантов, там нет ни одного настоящего!.. Разносторонней бывает только бездарность. Известная для всех истина, брат!..

– Неужели?.. – сдвинув к переносице брови, призадумался Станислав.

– Именно так, братишка...

– Хорошо! Пусть будет наделена только несколькими талантами, однако склонна развивать в себе и множество других, до поры до времени таящихся в ней.

– Принято!.. – продолжая перебирать какие-то свои вещи в чемодане, улыбался Михаил.

– А ещё... – продолжил Станислав, – хотел бы обрести в ее лице приятного собеседника, с которым можно было бы о чём-то поговорить, поспорить, пофилософствовать, наконец!.. Для этого она должна быть эрудирована и красноречива.

– О, да... пофилософствовать ты любишь!..

– Дальше слушай и не перебивай!.. – выпустил в потолок струю сигарного дыма Станислав.

– Всё!.. Молчу!..

– Итак... – продолжил он, – дама моей мечты должна на всё иметь свою точку зрения и не бояться высказывать её даже тогда, когда она, её точка зрения, в корне отличается от мнения большинства. Для этого, конечно же, она должна быть искренна, логична и непременно объективна. Должна быть непредсказуема, чтобы быть разной, не то быстро наскучит мне... Должна быть изысканна в красоте и манерах, чтобы ей всегда хотелось любоваться. Умела бы красиво кушать, чтобы не вызывать к себе отвращения в этот момент. А ещё, должна иметь чувство юмора, что её в корне бы отличало от других женщин, как правило, не наделённых этим даром. Должна быть опрятна во всем! Я очень брезглив... А

еще должна быть целомудренна, при этом пробуждая в мужчине огромную силу сексуального влечения к себе.

– О, Станек, из всего перечисленного тобой следует, что тебе предстоит очень сложный путь в поисках той, которая своей внешней красотой и привлекательностью, великим умом и изящными манерами сразит тебя наповал и заразит хворобой страсти нежной. Я правильно тебя понял? – тихо рассмеялся Михаил...

– Несомненно!!! – выпустил в потолок очередную порцию сигарного дыма Станислав.

– Не знаю, что и сказать-то тебе на это, – вдруг призадумался Михаил. – Знаю только одно: что на таких ярких, редкостных по своей сути женщин с предубеждением смотрит церковь.

– С чего это?..

– Как это, с чего?! Потому, что видит в них зло и дьявольское наваждение...

– Ай!.. Предрассудки все это!.. – отмахнулся от его слов Станислав. – Лично мне только такую барышню и подавай! Такую, и только такую!.. И все тут!..

– Ну, хорошо... допустим, заполучишь ты от своей судьбы такую уникальную во всех отношениях женщину. В таком случае, не боишься ли стать предметом огромной зависти со стороны других мужчин? А ведь зависть, братишка, это страшная штука! Очень страшная... Разрушительная вещь, скажу тебе...

– Нет! Не боюсь! На мой взгляд, лучше быть предметом зависти, выбрав для себя уникальную женщину, нежели предметом сострадания, выбрав для себя никчемную дуру!.. Да, кстати, – потя гивая сигару, продолжал размышлять о своем женском идеале Станислав, – есть еще один немаловажный аспект, который мог бы простимулировать мой интерес к подобной даме. Это великая сложность в её завоевании. О-о-очень великая, братишка! Очень!!!

– Что?.. Что ты сейчас сказал?! – крутя в руках какие-то носки, вытянутые им из недр чемодана, ошарашенно посмотрел на него Михаил. – Великая сложность в её завоевании? Я правильно тебя понял?..

– Мало сказать, великая! Очень великая! – добавил Станислав...

– Опомнись, Станек! Да неужели существуют в природе такие панночки, которых тебе придется завоевывать с великим трудом?! – отшвырнул-таки он от себя в сторону эти носки, поняв, что это вовсе не то, что он так старательно выискивал в чемодане...

– Вот в том-то и беда, Михаська, что для нас с тобой таких панночек не существует!.. А ведь только такая панночка, сложно доступная, как гора Эверест, смогла бы пробудить во мне война-завоевателя.

– С ума ты сошел, братишка! Не желаю тебе встретить на пути женщину-голгофу, женщину-убийцу, как гора Эверест.

– Не страшусь! – вдруг решительно воскликнул Стани-

слав. – Ради такой женщины не побоялся бы потерять самое дорогое, что у меня есть – голову и рассудок! Хотел бы бороться за неё, а затем, как самый дорогой в жизни трофей, притащить в зубах в свое брачное ложе и уже там от души насладиться им, своим завоеванием. Ведь нет, Михаська, ничего дороже того, что дается нам, людям, с большим трудом!..

– Да неужели?! – прямо-таки ахнул Михаил и, перестав копаться в чемодане, озадаченно уставился на Станислава. – А я и не знал, Станек, что ты знаком с трудностями, которые приходится преодолевать большими усилиями.

– С тобой не поспоришь, пан Богдан!.. – продолжая потягивать сигару, согласился с его мнением Станислав. – Мне повезло в жизни... Моя судьба никогда не отказывала мне ни в чём, чего бы я ни пожелал. Может, поэтому-то я и не научился ценить любовь женщин, ведь их любовь даётся мне без всяких усилий. Но я мечтаю о панночке, которая принудила бы меня добиваться и завоевывать ее с великим трудом, с великими страданиями...

– Ой, Станек.... не смей ты меня!.. – проворчал себе под нос Михаил, прилагая при этом все усилия к тому, чтобы расстегнуть неожиданно заевший замок своего третьего чемодана. – Ты, братишка, обречён брать женщин голыми руками. Обречён их брать bez problemu i zbędnych emocji. Другими словами, без суеты и лишних эмоций. Даже не сомневайся!..

– Скорее всего, ты снова прав, Михаська. Но, знаешь, я

часто сожалею о том, что мне так легко удается завоевывать женщин. Очень сожалею... Никакой в этом, брат, поэзии нет...

– Ох, Станек, всем бы твои трудности! – с облегчением выдохнул Михаил, наконец-то справившись с замком своего третьего дорожного чемодана. – Хотя... не смогу с тобой не согласиться, братишка. Неплохо было бы повстречать на своем жизненном пути такую панночку, какую ты только что описал выше, да еще, что немаловажно, с хорошим приданым. Я угадал? – тихо рассмеялся он себе под нос.

– И не просто с хорошим, Михаська, а с очень хорошим приданым! – довольный его пониманием, добавил Станислав. – Ох... такая бы панночка меня точно заинтересовала. Пожалуй, женился бы на ней, не раздумывая! – расплылся он в мечтательной улыбке.

– А как же любовь, Станек? Ведь нет гарантии того, что, несмотря на все выше перечисленные выдающиеся качества той барышни, ты смог бы полюбить ее всем своим сердцем... А без любви-то, какая это жизнь...

– О какой любви ты все толкуешь, брат?! Заладил – любовь,, любовь... Наслушался вздора, глупец! – с возмущением смотрел на него из кресла Станислав, где по-прежнему возлегал с сигарой в зубах. – Верить в любовь, Михаська – это удел ещё юных, розовощеких глупышек с веснушками на вздернутых носах да романтичных гимназистов, которые ещё не поняли, что им по жизни уготованы шуры-муры не

с одной женщиной, а с множеством разных. Любви нет – и никогда её не было, пан Богдан! Есть временная влюбленность, которую ветром сдувает, как только начинаются серые семейные будни.

– О, нет, Станек, тут я с тобой не соглашусь... Любовь была, есть и будет! Вот только не каждому свою честь оказать спешит, – принялся Михаил натягивать себе на ноги те самые чёрные носки, которые наконец-то отыскал среди множества вещей в своем чемодане.

Неожиданно... в дверях комнаты появилась горничная Кристина. В высоко поднятой вверх руке она держала двое плечиков, на которых был аккуратно развешан безупречно отутюженный фрачный костюм Михаила. Встретившись взглядом со Станиславом, она затравленно засуетилась... Когда же поймала на себе взгляд Михаила, сделала реверанс в его сторону и робко сказала: «Ваш костюм, пан Богдан».

– Большое спасибо, Кристина! – любезно поблагодарил ее Михаил. – Пожалуйста, повесь его на открытую дверцу шкафа.

Сделав всё, как ей приказали, Кристина быстро направилась прочь из комнаты. Но... обходя раскрытые чемоданы Михаила, которые лежали на полу и практически полностью перекрывали собой путь к входной двери, она, неожиданно зацепившись ногой за ремень одного из этих чемоданов, споткнулась, а не упасть ей помог Михаил, вовремя подхвативший ее под локоть. Кристина сильно стушевалась, ее лицо

сделалось пунцовым: «Простите меня, ради Бога, пан Богдан!» – схватилась она за сердце...

– Ты ни в чем не виновата, Кристина. Это я виноват, что завалил весь проход, от шкафа до дверей, своим багажом. Так что ты меня прости, пожалуйста...

Ничего ему не ответила на это перепуганная горничная, только ухватилась руками за пунцовые щеки и выбежала прочь из комнаты...

– Слуг не благодарят, Богдан!!! И уж тем более... не просят у них прощения!!! – мрачно глядя исподлобья на Михаила, проговорил из кресла сквозь зубы Станислав. – Иначе они уважать своего хозяина не станут! – затушил он нервозно в пепельнице свою сигару...

– Станек, – сконфузился Михаил, – я ду- мал.....

– Пора бы уже знать, а не думать!!! – подскочив с кресла, рывкнул Станислав...

– Ничего не поделаешь, пан Войцеховский, я с прислугой не жил... Сам из семьи прислуги...

– Всё!!! Не молоти вздор!!! – заложив руки в карманы брюк, принялся хаотично расхаживать по комнате сильно нахмуренный Станислав. – Я знаю, Богдан, кто твой кровный отец, и мне этого достаточно! А кто твоя мать... от этой информации мой мозг научился защищать мою психику. Научился все чёрное, что касается твоего происхождения, переработать в белое, направляя эмоции в сторону добра. Так

что не дразни мой характер, а лучше войди в моё положение...

– В какое такое твоё положение я должен войти, Станек? – боясь еще больше встревожить спесивого своего друга, осторожно уточнил у него Михаил.

– Wszystko!!! Idź do diabła! К чёрту!.. К чёрту!..

Михаил не решился больше затрагивать Станислава. Он почувствовал, что в нём что-то сломалось и между ними пролегла полоса отчуждения. Скорее всего, ему следовало бы сейчас побыть наедине с самим собой и хорошо разобраться в своих чувствах... Впрочем, как и Михаилу...

На время в их комнате повисло молчание... Михаил бессмысленно перекладывал вещи из своего чемодана на полки шкафа, Станислав же, прохаживаясь по комнате, с холодным отчуждением поглядывал на него со стороны.

Они оба понимали, что в их отношениях сложилось что-то не так, но оба не знали, что теперь с этим надлежит делать. Не знали, как теперь выйти из неприятно сложившейся ситуации. Михаил с еще большим усердием стал перекладывать свои вещи из чемодана в шкаф, а Станислав отошел к окну и стал вглядываться куда-то вдаль...

Из распахнутых в сад окон подул легкий ветерок, подняв высоко-высоко вверх белые воздушные занавески. С деревьев тихонько осыпались листья. Успев потерять былое буйство зеленых оттенков, кружили они в воздухе и тихонько ложились на вычищенные работниками сада дорожки.

Неожиданно налетевший поток ветра подхватил их с земли, поднял в воздух, закружил и понёс прочь из сада, далеко-далеко от родных деревьев, на которых они родились, выросли и прожили целое лето...

С печалью в глазах взглянул Михаил в сторону Станислава, одиноко стоящего у раскрытого настежь окна в сад. Величественный, красивый, одинокий и неприступный. Ветер слегка колыхал волнистые пряди его волос, внося в его до мелочей продуманную прическу некий хаос. Но он не обращал на это ровным счетом никакого внимания. Он полностью ушёл в себя...

Еще со времен гимназии Михаил прекрасно знал заносчивый характер своего друга Станислава Войцеховского. Прекрасно помнил, что тот всегда делил людей на два сорта – на тех, которых подпускал к себе и умел быть с ними терпимым, и на всех остальных, которым никогда бы не даровал своего доброго расположения. Сейчас Михаил ощущал себя в числе вторых...

А еще Михаил прекрасно знал, что Станислав любит его, своего друга Михаила Богдана. Любит!.. И любит искренне, как дорогого своего брата. За время их дружбы Станислав научился признавать свои ошибки, научился просить у Михаила прощения. А ведь признание ошибок – это и есть тот важный шаг, который помогает вносить поправки в отношения людей, направляя их в сторону добра. И Михаил никогда не забывал об этом, поэтому, не раздумывая, подошел к

Станиславу сзади и положил ему на плечо свою руку...

Станислав какое-то время стоял недвижимо, потом повернулся к нему лицом и напряжённо посмотрел в его глаза. Они стояли, смотрели друг на друга и молчали... Наконец, в холодном взгляде Станислава что-то дрогнуло... Он легонько прикоснулся рукой к руке Михаила, лежащей на его плече, и тихо сказал: «Собирайся, Михаська... Мы опаздываем...».

Михаил повернулся, чтобы отойти, но Станислав придержал его за локоть: «Прости меня, братишка! Прости!.. Не хотел тебя обидеть... На самом деле, не хотел...».

Едва заметно улыбнувшись, Михаил легонько ткнул Станислава кулаком в плечо и отошёл от него. Все свое внимание он перенес на фрачный костюм, который горничная Кристина повесила на раскрытую дверцу шкафа. Снял с плечиков белоснежную сорочку и надел ее. Затем, застегнув все её пуговики и вставив в манжеты запонки, натянул на себя черные брюки, отделанные по внешним швам черными атласными лампасами... Затем надел белый пикейный жилет и старательно застегнул все три его пуговики.

Станислав с интересом наблюдал за Михаилом, который с головой ушёл в очень ответственный процесс – сборы на бал. Вяло улыбнувшись, он спросил его: «Ох, и не простое же это дело сборы на бал, не так ли, Михаська?» Однако для чего спросил, и сам не до конца понял. Ну, уж точно не для того, чтобы получить ответ на вопрос, заведомо ему известный.

Тогда для чего?.. Скорее всего, для того, чтобы суметь вновь приспособиться к нему, к своему другу Михаське, вновь уловить ту дружескую волну, которую только что упустил в отношениях с ним...

– И не говори, братишка... – отрешённо ответил ему на это Михаил, ни на секунду не отвлекаясь от сборов.

– А вот интересно было бы узнать у вас, пан Богдан: сами-то вы едете на бал, чтобы развлечься, или на этой, так называемой ярмарке невест присмотреть себе спутницу жизни?

Однако Михаил ему не ответил. Всё его внимание было сосредоточено на непокорном галстук-бабочке... Ну никак у него не получалось завязать его красиво!..

Наблюдая за муками друга, Станислав в тот же миг понял, что от него требуется, и без промедления направился к нему на помощь: «Давай, братишка, я тебе помогу».

– Не надо, Станек, – уклонился тот от его помощи, – эту деталь гардероба надлежит надевать самому. На этом настаивают традиции...

– О, cholera! Да не следуй ты уж так буквально всем предписаниям традиций! И уж, тем более, не забывай о том, что друзья всегда и во всем должны помогать друг другу!.. Поэтому давай, помогу тебе... У меня это получается лучше...

– Станек, не надо!.. – снова уклоняясь от него, уже не совсем уверенно вымолвил Михаил. – Сам справлюсь...

– Не спорь, Михаська! – расплылся в обворожительной

улыбке Станислав. – Мне будет приятно поухаживать за тобой...

Михаил смущенно улыбнулся и подставил ему свою шею... И..... о, чудо!.. Всего несколько ловких манипуляций, проделанных изящными пальцами Станислава – и шею Михаила увенчала белоснежная бабочка.

– Ну надо же, как это ловко у тебя получилось!.. – приятно удивился Михаил и со счастливой улыбкой на лице стал рассматривать в отражении зеркала свой галстук-бабочку.

– Ежедневная практика, только и всего, – осматривая плоды своего труда, сказал Станислав. И тут он поймал себя на мысли, что залюбовался своим другом Михаськой... Уж очень к лицу ему были белоснежные цвета его одежды: рубашки, манишки, жилета, галстука-бабочки. Белый цвет прекрасно сочетался с бледной кожей его лица и подчеркивал аристократичность, а черные кудри волос, густые брови и ресницы выгодно оттеняли синие, наполненные радостного блеска глаза.

– Ох, и красив же ты, Михаська!.. – невольно вырвалось у Станислава.

– Спасибо, Станек! – смущённо взглянул на него Михаил.

– Сам-то не подумываешь присмотреть себе на балу невесту?

– Ай! Выкинь из головы эти глупости, Станек! Пока университет не закончу, даже и думать о женитьбе не стану...

– А вдруг.... пресловутая любовь надумает тебе свою честь оказать... Тогда как? – поглаживая свои усики, тихо рассмеялся Станислав.

Но Михаил или не услышал его, или сделал вид, что не услышал. Он в этот момент надевал на себя фрак, а потом в отражении зеркала стал придирчиво оценивать все нюансы своего убранства... Поправил белоснежный воротничок сорочки и белую бабочку.... одёрнул полы белого пикейного жилета и полы фрака... Затем, отступив на пару шагов от зеркала, стал рассматривать себя со стороны. После чего подошёл снова к зеркалу и присмотрелся к своему правому профилю.... потом к левому... Взял гребень и зачесал назад волосы. И опять отошёл на несколько шагов от зеркала, и еще раз осмотрел себя с отдаления...

Станислав с великим любопытством наблюдал за самолюбованием своего друга Михаськи... на губах его трепетала едва заметная добродушная улыбка...

Между тем Михаил, налюбовавшись на свое отражение в зеркале, направился к одному из своих чемоданов, из которого достал черные лаковые туфли. Увидев его туфли, Станислав сначала посмотрел на них с удивлением, а потом громко рассмеялся...

Михаил стоял посередине комнаты с туфлями в руках и с непониманием смотрел на него...

– Ну, Михаська, ты меня убил наповал! – не в силах уже успокоиться, смеялся все сильнее и сильнее Станислав. –

Это что, твои туфли?..

– Что-то не так?.. – принялся обеспокоенно рассматривать свои новые туфли Михаил. – В Варшаве перед самым отъездом купил их. Знал бы ты, сколько я за них отвалил!..

– Да не в этом дело, брат Михаська, – всё смеялся Станислав...

– Тогда почему смеешься?..

Станислав и рад был бы пояснить обеспокоенному другу причину своего смеха, но у него из этого ровным счетом ничего не получалось... Не получалось, и всё тут...

Наконец, едва совладав с собой, спросил: «Ты мне лучше скажи... Ой... подожди, – снова стал он смеяться, – какой размер обуви у тебя?» – всё-таки выдавил из себя с трудом...

– Сорок шестой... – по-детски доверительно признался ему Михаил. – А то ты, Станек, сам не знаешь, какой у меня размер обуви!.. – вдруг психанув, со злостью посмотрел Михаил на заливающегося хохотом своего друга...

– Да знаю, знаю, что сорок шестой размер ноги у тебя... Но смотрятся они гораздо больше, братишка, – все смеялся Станислав. – Ой!.. Уже и не помню, когда так смеялся... Ну ты и насмешил меня, брат...

Михаил снова оценивающим взглядом окинул свои туфли, потом... туфли, которые были на ногах Станислава: «Да у тебя и у самого-то, брат, лапища – о-го-го, какая! Кто бы смеялся...»

– Да в том-то и дело, что тоже большая. Сорок пятый раз-

мер у меня, – продолжал смеяться Станислав. – Такие лапы, как у нас с тобой, Михаська, редко где найдешь... Да уж... вымахали мы с тобой, брат, – подошёл он к Михаилу, взял его под локоть и подвел к зеркалу.

Они стояли плечом к плечу у зеркала и внимательно рассматривали самих себя и друг друга в его отражении. Оба высокие, статные. Один златокудрый, другой – брюнет с роскошными кудрями... Светлые лица... Высокие лбы... Идеально очерченный изгиб красивых густых бровей... Точечной формы носы, только у Станислава, в отличие от Михаила – с небольшой горбинкой. Большие, выразительные глаза: у Станислава карие, у Михаила синие. Движения их неторопливые, вальяжные. Внешнее и внутреннее их содержание красноречиво отражает в мир благородство их происхождения...

– А знаешь, Михаська, – вдруг прервал молчание Станислав, – я вот о чем всё хотел с тобой поговорить. Тебе никогда не приходило в голову, что мы с тобой и в самом деле братья? Никогда об этом не задумывался?

– В каком смысле – братья? В духовном?..

– Нет, Михаська, в прямом смысле этого слова... Вспомни Ясно Вельможного пана Ордоновского. Вспомни этого Дон Жуана. Сколько женщин перебивало в его постели! Сколько он судьбы испортил из-за безответной любви! И ведь с твоей матушкой, простой крестьянкой, тоже успел переспать. Ведь это он – твой настоящий отец, а не Селивестр

Богдан!..

– Только и всего?! – разочаровался в сказанном им Михаил. – Я-то подумал, что ты мне что-то новенькое расскажешь. О том, что я внебрачный сын барона Ордоновского, двадцать восемь лет ни для кого не является секретом.

– Тогда, Михаська, давай с тобой немного поразмыслим. Итак... всем известно, что по Ясно Вельможному пану Стефану Ордоновскому сохли все, без исключения все женщины. Не так ли?!

– Еще бы! – усмехнулся Михаил. – Это не просто мужчины, это сам Зевс! Зевс во плоти! Мой папаша, он еще то-о-от самец!..

– В том-то и дело! – согласился с ним Станислав. – И ты знаешь, брат, участь сохнуть по Ясно Вельможному пану не обошла и мою матушку. Ведь и она побывала в постели этого знойного самца, этого Зевса во плоти...

– Что-о-о?! – опешил Михаил. Нет, не опешил... Он просто-таки врос ногами в пол. – Откуда ты об этом знаешь, Станек?..

– Знаю, Михаська! Знаю!.. Дело в том, что не так давно был я свидетелем разговора своей матушки с моим отцом и впоследствии много размышлял об услышанном, много анализировал и сравнивал... Так вот... Как-то мой отец, Адам Войцеховский, вернулся домой только под утро... Вернулся подшофе... Очевидно, у кого-то из господ в преферанс всю ночь играл. Матушка упрекнула его в неверности, и тогда он

в сердцах выкрикнул: «Сама шлюхой была хорошей, и Станислав – верное тому подтверждение!!! Господа мне уже открыто об этом в лицо говорят...»

– О чём?.. – скрыто улыбнулась моя матушка.

– О том, что Станислав не мой сын...

– И чей же он сын? – вкрадчиво поинтересовалась у него моя матушка.

– Ах, да-а-а... ты же не знаешь, чей он сын! Хорошо!.. Открою тебе тайну. Соседа нашего Стефана Ордоновского он сын!..

– Ах, вот как?! – прямо-таки вспыхнула мать. – В таком случае пусть эти господа не за чужими, а за своими женами присматривают! А то ведь я быстро разочарую всех твоих наушников в их же женах, которые, в отличие от меня, и в самом деле им изменяют! Причём, самым наглым образом. Даже знаю, где, и знаю, с кем! А что касается моей связи с бароном, так это еще доказать надо! А у кого эти доказательства есть? Ни у кого их нет и никогда не будет! Так что всё это – пустые, ничем не обоснованные домыслы!

– Ах, вот оно, в чём дело!.. – побледнел от злости мой папаша. – Надеешься на то, что ни у кого нет доказательств, которые бы подтверждали твои шашни с бароном?! Ну, знаешь!.. – принялся он метаться по комнате. – Ты, очевидно, и впрямь меня за дурака держишь, коль уж думаешь, что я не замечаю, какими ты глазами на Ясно Вельможного пана поглядываешь... А я все вижу! Не слепой!!!

– Это какими же глазами я на него поглядываю?.. – невозмутимо спросила его моя мать. – Интересно было бы узнать...

– Какими?.. Глазами изголодавшейся самки, вот какими!.. – задрожали губы и щеки моего отца от негодования... – Да, да! Глазами изголодавшейся самки ты всегда на него смотришь! Самки, ещё и ещё желающей любви от этого мощного кобеля. Надо быть слепоглухонемым, чтобы не понять, что между вами уже что-то было!.. Было!!! И было не раз!!! Но тебе все мало... Мало... Тебе ещё и ещё подавай сладеньких утех с этим пошлым развратником! Да и зачем далеко ходить, если главное доказательство твоих изменений каждый день перед моими глазами слоняется. Может, ответишь мне, в кого это Станислав под два метра ростом вымахал, точь-в-точь, как наш сосед, Ясно Вельможный пан Ордоновский? Может, в меня? Ха-ха-ха! Тогда, наверное, в тебя? Тоже – ха-ха-ха! Да в твоей и моей родне все – чуть более полутора метров в росте! А внешние данные!.. Что-то, моя любимая супруга, я ничего своего в Станиславе не нахожу! Зато вот от барона Ордоновского у него – всё!.. И глаза... причем, заметь, карие глаза, как у самого Ясно Вельможного! А у нас с тобой, между прочим, глаза голубые. Не так ли?! И роскошные выющиеся волосы Станислава – тоже точь-в-точь такие же, как у Стефана Ордоновского, в отличие от моей плюгавой лысины и твоих жиденьких белобрысых волосенок, прикрытых дюжиной накладных паричков. А сколько

в характере Станислава надменности, капризности, заносчивости! Не поймёшь, с кем общаешься – или с собственным сыном, или с их сиятельством бароном Ордоновским!..

Услышанное застало Михаила врасплох... Он озадаченно развел руками... потом в размышлениях стал пожимать плечами... потом вдруг глупо улыбнулся и наконец-то растерянно спросил: «Станек!.. Почему же ты мне раньше ничего об этом не рассказывал?.. Ведь это потрясающее известие!»

– Ach, cholera!.. Сам об этом только этим летом узнал, когда с родителями в Питере встречался... Они туда из Варшавы на время войны переехали.

– Так вот оно в чём дело?.. – всё поглаживая свою маленькую бородку, раздумывал Михаил. – Так, может, потому-то с самого раннего детства мы и были с тобой неразлучны? Не иначе, как зов крови, братишка! О, Jezus Maria! Да ты, скорее всего, и вправду мой брат! – вдруг он на радостях саданул Станислава в плечо, да так саданул, что тот на несколько шагов отскочил от него в сторону и, инстинктивно ухватившись за место удара, болезненно поморщился...

– Вот это новость, Станек?! – продолжал изумляться Михаил. – Нет! Ты посмотри, что творится! А что, если ты и в самом деле мой брат?! Ну, братишка, ты даешь!..

– Не я, Михаська, даю, – потирая место удара, направился Станислав к своему креслу, – матушка моя даёт! – погрузившись в него, с усмешкой сказал он. – И не кому-нибудь даёт, а самому барону Ордоновскому!.. Самому Зевсу во плоти!..

– Да-а-а... вот так расклад событий! – все изумлялся Михаил, надевая на ноги свои новые туфли. – И ведь это говорит только о том, что мы с тобой, Станек, и в самом деле братья! Ну что ж... я этому безмерно рад! Рад и благодарен Ясно Вельможному пану за то, что, благодаря его любвеобильности, в этом мире есть мы с тобой, – довольно улыбаясь, принялся он шнуровать свои туфли...

– А знаешь, Михаська, я вот о чём сейчас неожиданно подумал, – начал было говорить Станислав, но, не договорив, снова рассмеялся... Он смеялся и смеялся, не в силах что-то произнести. Михаил же стоял в новых туфлях с прикованным к нему взглядом и мучительно выжидал, когда же его Станек наконец-то насмеётся и продолжит недосказанную им фразу. Но тот все смеялся и смеялся... Наконец, справившись со смехом, продолжил: «Слава Богу, братишка, что мы с тобой уехали из тех краев! О, Wielkie Nieba!.. Слава Богу!..» – смахнул он с глаз слезы...

– Почему? – все еще не понимал причину его смеха Михаил.

– Да потому, что рано или поздно в наших с тобой постелях уж точно бы побывали родные сестры. Не удивлюсь, если у барона, помимо нас с тобой, где-то ещё есть внебрачные дети...

Тут молодые люди рассмеялись разом, а затем принялись вспоминать всех панночек, некогда встречавшихся на их пути в их родных краях, внешние данные которых были чем-

то схожими с их внешними данными либо с внешними данными Ясно Вельможного пана Ордоновского.

Но тут.... Станислав неожиданно помрачнел и сменил тему разговора...

– Плохо только то, Михаська, что твой Ясно Вельможный папенька скопидомом по отношению к тебе оказался...

– Неправда, Станек!.. Вот уж неправда!.. – принялся Михаил с запалом страстей отстаивать своего отца. – Разве он не дал мне денег на учебу в университете?.. Дал!.. Неужели этого мало? А в детстве... Если бы не он, разве смог бы я учиться в гимназии?.. Ведь какая там высокая плата за обучение была! Не видать бы мне, сыну батраков, учёбы в гимназии!

– Где мы с тобой и сдружились – правда, братишка? – подхватил его мысль Станислав.

– Да, Станек... Именно там, в гимназии, мы с тобой и сдружились.

– Хорошая была гимназия, – сладко зевнув, сказал Станислав. – Самые лучшие педагоги в ней работали – передовые, опытные! Вот стоимость обучения и была высока. А помнишь, Михаська, как мы с тобой к учителю танцев на занятия ходили? – вдруг оживился Станислав...

– Это тот, который с усердием каждое «*па*» отработывал с нами? А еще – балетные позиции, антраша, сложные фигуры бальных танцев, походку, поворот головы, поклоны...

– Да, он!.. Француз по кличке «Плѣха».

– Конечно же, я прекрасно его помню, Станек! Из балетных он был. Гибкий... Грациозный... Спина ровная, как струна натянутая. Еще бы я его не помнил!..

– Да... Актёром балета был наш «Плѣха»... Правда, уже отставным...

– А помнишь, Станек, сколько мы над ним подшучивали?..

– Помню, Михаська!.. Всѣ пытались научить его русское слово «Плохо» выговаривать. Но... безуспешно!.. – улыбнулся Станислав.

– Да... Безуспешно... – согласился с ним Михаил. – Так и не научился наш «Плѣха» выговаривать русское слово «Плохо», хотя использовал его бесконечно. Сколько ни выписывали мы с еврейским старанием всевозможные кренделя ногами, разучивая мазурку ли, польку, вальс или котильон, ему всё «Плѣха» да «Плѣха»!

– Да уж... даже при этом краснел весь и трясся от злости, особенно во время разучивания котильона..

– О, котильон!.. Только не напоминай мне об этом танце, Станек, – поправляя свои волосы у зеркала, взмолился Михаил. – Сложно он мне давался... Пойди тут сразу запомни, в какую сторону следует в определенный момент повернуться или бежать и какой из дам прежде поклониться.

– Конечно же, сложный танец!.. – согласился Станислав. – Более ста фигур отрабатывал с нами в котильоне «Плѣха».

– Зато не безуспешно, правда, Станек?! Теперь котильон

у нас с тобой прекрасно получается.

– О да, Михаська, по части танцев мы с тобой уж точно – хоть куда!.. Мазурка, котильон, вальс, полонез... О!.. Нам ли всё это не по плечу?! Успех на паркете нам гарантирован! Да только ли по части танцев мы с тобой хоть куда? – с плутовской улыбкой на устах погладил свои усики Станислав. – Мы с тобой и по части женщин – тоже, хоть куда... Не так ли, брат?.. – посмотрел он на Михаила с игривым блеском в глазах.

Михаил скользнул взглядом по лицу Станислава и, смутившись, отвел от него глаза в сторону...

– А помнишь, Михаська, гимназиста Антона Яковлева, однокашника нашего?

– Который вместе с нами уроки танцев посещал?

– Да!

– Помню его, Станек! Хорошо помню. Ох, и увальнем же он был. Страшно вспомнить.

– А помнишь его мокрые руки, как у мокрицы? А круглую его физиономию и широкий нос в веснушках помнишь?..

– Помню, Станек. И что?..

– Вспомни, как он до белого каления доводил нашего «Плёху».

– Ещё бы он не доводил до белого каления эстетичного во всех отношениях «Плёху», – усмехнулся Михаил. – Ведь Антон толстым и неповоротливым, как бегемот, был. Ему только баржи по Волге таскать, а не балетные «па» ногами выпип-

сывать да антраша выполнять.

– Да-а-а... Страшно даже вспомнить нашего Антона, пытающегося совершить прыжок и, зависнув в воздухе, несколько раз скрестить вытянутые в струны ноги. У меня всегда было ощущение, что, если ему даже и удастся поднять в воздух свое тело, то, приземлившись, он уж точно под собой пол проломит.

– А вспомни, Станек, как тяжело ему балетные позиции давались. Ведь там требуется сильный выворот ног от бедра, выворот ступней. Освирепевший «Плѣха» даже в деревянный станок с выдолбленными в нем подошвами для ног его ступни заковывал. Помнишь, братишка, ноги нашего Антона по часу закованными в деревянный станок?

– Конечно, помню, Михаська... «Плѣха» всё этим пытался желаемого выворота его ног и стоп добиться. Но где там... Так и остался наш Антон дубовым...

– Да-а-а... смешная была затея, требовать от Антона гибкости тела, если оно у него дубовое было. А сколько он падал при выполнении «па». И всё потому, что не мог сохранять равновесия тела из-за неумения выворачивать ноги.

– А помнишь, Михаська, как Антон завидовал нам с тобой, что Господь от рождения наделил нас и балетной походкой, и гибкими ступнями ног? Хоть вправо их выворачивай, хоть влево, хоть вовнутрь... Даже плакал от обиды, что не родился таким же гибким. Его отец с завидным постоянством напоминал ему, что если он не добьется умения легко

и красиво танцевать на балах, то и карьеры по службе ему хорошей не сделать. Зато мы с тобой, Михаська, в отличие от подобных Антонов, самим Творцом призваны по паркету порхать. Не так ли? – развеселился Станислав.

– Да! Это так, братишка! – не раздумывая, согласился с ним Михаил.

Но тут в дверях комнаты появилась всё та же... горничная Кристина... Собираясь с духом, она робко топталась на месте и, наконец, поймав на себе взгляд своего хозяина, доложила ему о цели своего визита...

– Я, пан Войцеховский, уложила в ваш экипаж шерстяной плед, – сказала она. – Укроетесь, когда будете возвращаться с бала домой. Под утро на улице очень холодно...

Станислав не сразу сообразил, что от него нужно его горничной... Какое-то время он держал ее под прицелом своего недоброжелательного взгляда, потом, с ехидцей усмехнувшись, спросил: «Мадемуазель Кристина!.. Откуда в вас столько трепетного участия к моей судьбе? Я вас об этом просил?..».

Кристина опустила глаза к полу...

– Уж, не влюбились ли вы в меня, мадемуазель Кристина? Или, может.... – перевел он свой взгляд на Михаила, – вы беспокоитесь о моём друге? Может, ваше сердечко к нему воспылало любовью?..

Лицо Кристины залилось румянцем... С опущенными в пол глазами она топталась на месте и молчала...

– Stanek! Przestań! Nie złość się na nią!.. Она только chciała pokazać swoją troskę o Tobie! I to wszystko! Uspokój się!.. Отпусти ты ее с Богом! – поморщился Михаил. Он почувствовал себя очень неловко перед горничной...

– Idź do diabła!.. I żebym Cię widział.. Иди иди!! – указал Станислав горничной рукой на дверь.

Девушка сорвалась с места и скрылась из виду...

Станислав же стал присматриваться к Михаилу, который прохаживался по комнате в своих новых туфлях, желая к ним привыкнуть...

– Чего ты на меня пялишься? – спросил его Михаил.

– Ты хоть соображаешь, брат, что с пол-оборота лишаешь женщин рассудка?.. Она же влюбилась в тебя...

– Кто?

– Горничная...

– И что?

– Ничего... Просто интересно, как это ловко у тебя получается – отнимать у женщин разум, ничего для этого не делая. Ну, брат, ты, прямо-таки, сладкий Демон девичьих грез...

Михаил никак не отреагировал на слова друга... Ему это было не интересно, поскольку его мысли вновь были заняты разговором, который был прерван по причине неожиданного появления горничной на пороге его комнаты.

– А помнишь, Станек, как мы с тобой ходили к Герде Карловне на занятия по этикету? – воспламенился он прежними

воспоминаниями. – Её твой дедушка для нас нанял.

– Помню, Михаська. Она гувернанткой в соседнем имении была, – улыбнулся Станислав.

– Как сейчас, помню её, эту старую, занудливую немку Герду Карловну. Такая маленькая была, тощенькая, на крыску похожая... Волосенки у нее жиденькие были и зализанные назад, а на затылке в маленькую «дулю» собранные. Фу... Не любил я её, – поморщился Михаил.

– И черепок у неё, как дыня, был, – зловредно добавил Станислав. – Помимо всего прочего, она ведь ещё и старой девой была, в свои-то лет сорок... Наверное, по этой причине и злая вечно ходила...

– Вот-вот! – с ехидством подтвердил его слова Михаил. – Неудовлетворенная женщина – это катастрофа, братишка!

– Да-а-а... страшно подумать, Михаська, что нашу Герду Карловну за всю её жизнь так и не совратил ни один мужчина. Может, потому что она и на женщину-то сроду не была похожа?

– Скорее всего, так и есть, Станек... Нам-то, мужчинам, панночек нежных, ласковых, ухоженных подавай. А что такое – Герда Карловна? Так... чёрствый сухарь, о который только зубы ломать. Да и гонору в ней было много, да вдобавок необоснованного. Ходила-то всегда, как скала, неприступная. Спина прямая, как кол проглотила. Через пенсне на всех сверху вниз смотрела. По крайней мере, так казалось, несмотря на ее маленький рост...

И тут лицо Михаила осветила улыбка. «Вспомнился мне сейчас, Станек, один пикантный момент с тех времен, – сказал он. – Однажды видел я, как с Гердой Карловной твой учитель по фехтованию заигрывал».

– Генрих Оттович? – рассеялся Станислав.

– Да! Он! Не давал ей из дверей дома выйти... Она шаг вправо – он перекрывает ей дорогу... Она шаг влево – он снова перекрывает ей дорогу... На её бы месте, другая расцвела бы от счастья, пококетничала бы с кавалером, но где там... Пенсне у нашей Герды Карловны раскалилось от бешенства, лицо посерело от злости. Как врезала своей любимой указкой, с которой никогда не расставалась, по плечу горе-ухажера, да как возопила: «Schäme Sie sich, Heinrich Ottowitsch!.. Weg, weg von mir!..».

– Ой... вот глупая-то! Нашла, кого к стыду призывать! – сделал глумливую гримасу Станислав. – Это нашего-то Генриха Оттовича! О, cholera!.. Да он, словно любвеобильный пастух Селадон, ни одной юбки не пропускал! Да и собой был неплох!.. Высокий, стройный, симпатичный... На ее бы месте судьбу благодарить, в коем-то веке мужского внимания была удостоена...

– А может, Станек, наша Герда Карловна позиционировала себя вершиной целомудрия... Может, ей попросту хотелось дожидаться своего единственного скалолаза, которому она и пожелала бы покориться, – продолжал злорадствовать Михаил.

– Интересно было бы взглянуть на того скалолаза, Михаська, который возжелал бы взобраться на эту вершину целомудрия и лишит её девственности... Не ошибусь, если скажу, что такого скалолаза и по сей день не нашлось. На мой взгляд, Герда Карловна не та женщина – пардон, девица – которая могла бы пробудить в мужчине страсть. Как думаешь, Михаська, наша Герда Карловна и по сей день первородным грехом не запятнана? Все так же невинна?..

– Фу!.. – брезгливо поморщился Михаил. – В Герде Карловне напрочь отсутствует женское начало, потому-то и в голову не придут рассуждения о ней в контексте невинности – или чего-то того, что её хоть как-то отождествляло с прекрасным полом. Она попросту робот в женском облике, и не более... А вот невинность, Станек – это понятие, касающееся особ юных... особ, от которых исходят флюиды нежности, женственности, высокой девичьей нравственности... Понимаешь, о чем я?..

– Нет... не понимаю тебя! – с недовольством смотрел на него Станислав. – Ты что, Богдан, с дороги переутомился?! Ты еще на колени встань да вознеси к небесам руки, прославляя чистоту девичьих намерений. О каких флюидах высокой нравственности ты здесь говоришь?! Да в любой панночке греховных зачатков больше, нежели нюхательного табака в табакерке!..

– Тебя послушаешь, Станек, и жить страшно делается! – устало отмахнулся от него Михаил. – Разве, не существу-

ет среди женщин тех, которые преданы своему мужчине?.. Только одному ему, только своему единственному!..

– Пан Богдан... или ты окончательно рассудка лишился, или меня разыгрываешь! Куда пропало то единомыслие, которое всегда укрепляло нашу с тобой дружбу?!

– Я, пан Войцеховский, верю в чистоту отношений между мужчиной и женщиной!.. По крайней мере.... очень бы хотелось в это верить...

– Ты веришь в небылицы, пан Богдан! Заруби себе на носу, братишка, любая женщина нравственна только до тех пор, пока не востребована ни одним из мужчин. Не существует в природе нравственных женщин!.. Существуют только не востребованные мужчинами женщины, потому-то и сохранившие свою невинность. Вот и вся теория, переходящая в практику! Ой... тебе ли, Богдан, это втолковывать...

– Не знаю тогда, что и сказать!.. – мрачно вздохнул Михаил. – Но мне бы очень хотелось верить в большое и светлое чувство между мужчиной и женщиной.

– Читай сказки, малыш, – ядовито кинул Станислав. – А что касается Герды Карловны, так это образец того, какой ни в коем случае не должна быть женщина. Ведь в ней сроду ничего женственного не было. Ну, что такое Герда Карловна?.. Так... тщедушное тельце без всяких женских форм... Крысиное личико и маленькая, как дыня, головка, заполненная до отказа всякого рода сентенциями..

– Помню, помню все её нравоучения, Станек, – подхватил

его мысль Михаил...

– А я, Михаська, как сейчас помню её, деловито расхаживающую по комнате... Туда-сюда... Туда-сюда... От окна к двери... От двери к окну... – посмеивался Станислав, при этом поглаживая свои усики. – Руки заложены за спину... в руках указка. Она мне всегда птицу-секретаря в такие минуты напоминала или арестанта в камере предварительного заключения. А помнишь, Михаська, как она при этом нудно вдалбливала в наши головы: «На балу важно не только красиво танцевать, но и также грациозно ходить и стоять. Не следует прислоняться к стенам и колоннам. Дамам рекомендуется делать комплименты», – продолжал и продолжал изгаляться Станислав над своей учительницей по этикету и цитировать ее нравоучения. – Помнишь, Михаська?..

– Помню, Станек, помню! – улыбался Михаил. – А еще помнишь: «Не вздумайте пригласить одну и ту же барышню на танец более двух или трех раз кряду. Это скомпрометирует ее перед обществом»?

– Ой... я умру сейчас со смеху, – развеселился Станислав. – Да для нас, кавалеров, самое страшное не то, что это скомпрометирует барышню перед обществом, а то, что её родители завтра же заставят тебя на ней жениться!

– Это точно, Станек! – согласился с ним Михаил. – А помнишь, Станек, еще одну неотъемлемую часть этикета: «Кто хочет сделаться любимцем общества, тот должен всей душой предаться удовольствию и танцевать без исключения с каж-

дой дамой».

– Вот-вот, Михаська!.. Предлагаю тебе сегодня обратить внимание на этот важный аспект в этикете... Непременно воспользуйся сегодня им на балу у господ Медведских и сделайся любимцем общества, приглашая танцевать всех барышень кряду, а особенно тех, которые давным-давно засиделись в девках. А их-то та-а-ам... премно-о-го... Вот уж родители этих старых дев боготворить тебя на протяжении всего бала будут!.. Да пригласи какую-нибудь из них раза три или четыре кряду, вот тут-то её маменька с папенькой и захомутают тебя... Скомпрометировал?! Женись!!!

– Ну уж нет, братишка! Зачем нам барышни, засидевшиеся в девках!.. Боже упаси!!! – перекрестился Михаил. – Нам молоденьких куколок подавай... свеженьких, как утренняя роса на цветочке... звенящих, как апрельская капля... сладеньких, как мёд, только что собранный пчелками с полевых трав...

– Это точно, Михаська! – лениво потянулся в кресле Станислав. – Девки должны быть под стать нам!.. Будем сегодня с тобой всю ночь напролёт с цветка на цветок перелетать, как этаких... два шмеля... Вот уж где цветочной пылью носы припудрим!.. От души в меду накупаемся!.. А потом... оставим в сердцах покинутых нами барышень приятные о себе воспоминания, и были таковы... А завтра, Михаська, введу тебя в круг моих новых приятелей. Военных!.. Из Ставки!.. Очень, скажу я тебе, небезынтересное общество! Вот

где блаженства вкусим! И девицы будут, и цыгане будут... А как офицеры на гитарах играют! А уж какие романсы исполняют!.. О!.. Заслушаешься!..

– Там-то и будем с тобой дуэты под гитару петь?.. – улыбнулся Михаил...

– Не только дуэты будем петь... а и ещё кое-что будем делать! Хорошо развлечёмся, братишка! Уедешь ты в свою Варшаву сексуально подкованным и без иллюзий о женской нравственности в голове...

– Ну и отлично!.. – довольно улыбнулся Михаил, продолжая прохаживаться по комнате в своих новых туфлях. – Я как раз три новых костюма с собой прихватил... Один из них с паней Стахой в Варшаве покупал, а два других, вместе с этим фрачным костюмом, что на мне, портному отдавал шить, – одёрнул он полы своего нового фрака и направился к зеркалу, где снова принялся рассматривать себя в его отражении.

– Судя по твоему фрачному костюму, у тебя хороший портной, – подметил Станислав...

– Да! У нас в Варшаве есть очень знаменитый портной, старый еврей. Берёт дорого, но шьёт безупречно. А еще, братишка, видел бы ты, какие я себе красивые туфли к новому костюму купил! – вдруг разулыбался Михаил, вспомнив о своих новых туфлях. – Сейчас покажу, – устремился он к своему багажу...

– Сорок шестого размера? – лениво кинул ему вдогонку

Станислав.

– Даже не сомневайся, братишка, именно сорок шестого размера! – подтвердил Михаил, доставая из чемодана туфли. – Вот посмотри, какая прелесть, – подошёл он к креслу, где сидел Станислав, и показал ему свои новые, коричневого цвета туфли. – Обрати внимание, Станек, какая выделка кожи. Туфли мягкие, удобные на ноге. В них километров сто можно пройти без усталости. А посмотри, какой высокий каблук... По последней моде... Посмотри, какие тонкие деликатные шнурки.

Станислав взял туфли Михаила в руки и внимательно осмотрел их со всех сторон: «Да!.. Знатные туфли, братишка! – постучав пальцем по кожаной их подошве, со знанием дела подтвердил он. – Добротные и очень элегантные».

– Так вот, Станек, я это всё к тому клоню, что напрасно ты моего Ясно Вельможного папеньку скопидомом называешь.

– Ты снова принялся защищать своего отца? – состряпал скептическую мину на лице Станислав.

– Почему нет?.. Ведь всё, буквально всё, что у меня есть в жизни, получил я благодаря ему, своему отцу. О!.. Кстати!.. – неожиданно осенила его какая-то новая мысль, и он метнулся к шифоньеру, в котором на плечиках висела его дорожная одежда – полосатые брюки, визитка и жилет. Из верхнего, прорезного кармашка жилета он достал карманные часы с прикрепленной к ним длинной цепочкой: «Вот, посмотри, Станек, какие мне часы подарил мой папенька», –

не без гордости протянул он Станиславу часы...

Станислав с большой заинтересованностью принял из рук Михаила его карманные часы и тут же с восторгом воскликнул: «О, Михаська! Мне уже доводилось видеть такие часы, но в руках я их держу впервые. Это прекрасные часы!.. В золотом корпусе, трехкрышечные! Просто прекрасные! – одобрительно покачал он головой. – За этой створкой, очевидно, находится их механизм?..» – предположил он, открывая одну из створок часов... И взору его открылись какие-то маятники, шестеренки, пружинки, с полной ответственностью выполняющие возложенные на них задачи.

Осмотрев с интересом механизм часов, Станислав открыл следующую их створку, где было выгравировано название этих часов и их описание. «*REINHILDE 16 RUBINSTEINE*», – прочитал он вслух выгравированную на створке надпись... – Бесподобные часы, Михаська! – снова восхитился он, – 16 рубинов, сделаны мастером в 1896 году... Здорово! Просто здорово!.. – воскликнул он, открывая третью створку часов, прикрывающую их циферблат. – Прекрасные часы! – все продолжал хвалить часы Станислав. – Корпус из прекрасного червонного золота... Белый эмалевый циферблат в оригинальном исполнении... Просто великолепный подарок сделал тебе барон Ордоновский! Поздравляю тебя, братишка!.. Стоящая вещь!.. – вернул он обратно часы Михаилу.

Михаил с трепетом принял часы из рук Станислава и вложил их в прорезной кармашек надетого на нём белого жиле-

та.

Между тем, Станислав уже доставал из прорезного карманка белого жилета свои карманные часы. Достав, не без гордости протянул их Михаилу, стоящему рядом с ним. – Вот.... взгляни и ты на мои часы, Михаська. Это «*GUSTAV BECKER!*» с клеймом в виде якоря и двумя буквами-инициалами «*GB*». «Видишь? – торжествуя глядел он на него. – Это клеймо является залогом настоящего качества и безупречности хода! Подарок моего деда!» – продолжал он важно смотреть на Михаила, который, приняв из его рук часы, внимательно их рассматривал со всех сторон...

– Станек, а я знаю эти твои часы, – без всякого восхищения вернул Михаил обратно Станиславу его часы. – «*GUSTAV BECKER*» у тебя уже давно... Ведь ты еще с ними в Варшаву ко мне приезжал...

– Разве?.. – принял уязвлённый Станислав из рук Михаила свои часы.

– Неужели забыл?! – усмехнулся Михаил. – Полтора года назад ты приезжал ко мне в Варшаву с этими часами. Вспоминай...

Весь в сомнениях, Станислав нахмурился: «А ведь ты прав!.. – без особого энтузиазма согласился он с Михаилом. – Совершенно забыл о том, что они у меня уже давно. С тех пор, как не стало моего деда», – вложил он свои часы обратно в карман жилета.

– Вот-вот!.. – добродушно похлопал его по плечу Миха-

ил и стал вновь прохаживаться по комнате. Он всё пытался привыкнуть к своим новым туфлям.

«Вот это да-а-а... Словно собаку за ухо потрепал, – пронеслось в голове заносчивого Станислава. – Не-е-ет... прав был старина Шекспир, вложив в уста Гамлета святые слова. *«С людьми будь прост, но не запанибрата»*», – метнул он в сторону Михаила недоброжелательный взгляд.

– Что-то не так, Станек? – заметив на лице друга произошедшие метаморфозы и далеко не в лучшую сторону, обеспокоился Михаил...

– Да вот, пан Богдан... смотрю я на тебя и диву даюсь...

– Не понял тебя, – насторожился Михаил.

– Да я все об отце твоём... о бароне Ордоновском...

– Хм-м... Опять о нём?.. Вот он тебе сегодня дался, этот барон Ордоновский, – пожал плечами Михаил и опять стал мерить шагами комнату.

– По правде сказать, пан Богдан, не столько в нём сейчас дело, сколько в тебе самом...

– Во мне?..

– В тебе, брат, в тебе...

– В чём же, если не секрет?! – устало вздохнул Михаил.

– Какой тут, к чёрту, секрет... Не нравится мне в тебе одна черта, пан Богдан! Неприхотливый ты человек...

Сконфуженный Михаил снова пожал плечами...

– Не понимаешь, о чём я? – злорадно усмехнулся Станислав...

– Нет!.. Не понимаю...

– Тогда поясню! – принялся Станислав раскуривать очередную сигару. – Так сказать.... на пальцах донесу суть дела в доступной для твоего разумения форме. Так вот.... папенька твой, барон Ордоновский, человек богатый... Не так ли?..

– Ну и?.. – всё еще не понимал его Михаил...

– Мало сказать о бароне, что он богатый, – выпустил Станислав в потолок клуб сигарного дыма, – баснословно богатый!.. Условно скажем, всё его богатство – это огромный каравай хлеба. Во-о-от такой, – широко развёл он в разные стороны руки. – Барон отрезает для себя от этого каравая бо-о-ольшущие куски, большущие-пребольшущие, и живёт, ни в чём себе не отказывая... Тебе же, сыну его единокровному, достаются крохи от этого каравая, словно..... какому-то нищему с панского стола. Я не прав? – с долей презрения окинул он взглядом Михаила, приостановившегося около него. – И ведь это ужасно, брат! А все потому ужасно, что ты этому обстоятельству несказанно рад. Да, да! Несказанно рад... Словно тот голубь, на венецианской площади Сан-Марко, клюющий из ладони человека крошки хлеба. Купили ему башмаки сорок седьмого размера, рад...

– Сорок шестого!.. – хмуро поправил его Михаил...

– Ладно... Пусть сорок шестого, – зыркнул на него недобро Станислав. – Тут самое ужасное заключается в том, что ты всякой мелочёвке, получаемой от своего отца, несказанно

но рад. Дали ему на хлеб – рад!.. Оплатили угол в доме пани Стахи – рад!.. Дали грош на карманные расходы – рад!..
Всему рад...

– Подожди, подожди, – встрепенулся Михаил, пожелав ему возразить, но тот пресек его побуждение вступить с ним в полемику и продолжил: «Вот я и хочу, пан Богдан, задать вам вопрос следующего порядка... Вы уважать себя когда-нибудь научитесь? Где ваше чувство собственного достоинства, которое никогда бы не позволило вам довольствоваться крошками с панского стола? Или вам, пан Богдан, это чувство не знакомо в силу плебейских примесей в ваших генах, доставшихся вам в наследство по материнской линии?..»

Михаил вдруг почувствовал себя невыразимо усталым... Сказывались не только долгие часы, проведенные им в дороге, но и почувствовал он вдруг, что общение со Станиславом вытянуло из него много жизненных ресурсов. Он неосмысленно метнулся в один угол комнаты.... потом в другой.... потом шлепнулся на стул и, закинув руки за голову, о чем-то нервозно принялся размышлять. Глаза его наполнились влагой...

Станислав же, полулежащий в кресле, продолжал курить сигару и только украдкой поглядывал в его сторону. В комнате снова повисла зловещая тишина... Тишину первым прервал Станислав...

– Обиделся?.. – ухмыльнулся он. – Напрасно!.. Обидчи-

вость – удел слабых!..

– О, да!.. Ты-то у нас никогда и ни на кого не обижаешься...

– Что касается меня, пан Богдан, тут дело не в обиде... Просто хочу напомнить тебе, что в общении со мной не стоит выходить за рамки дозволенного! Не стоит!!! Не стоит!!! И старайся всегда об этом помнить!!! Всегда!!! Понял меня?.. – смотрел он на него недобро из-под своих сильно нахмуренных бровей...

– Не знаю, какого чёрта тебе от меня надо!!! – подпрыгнул со стула Михаил и снова принялся бессмысленно ходить из угла в угол по комнате. – Честно сказать, я уже жалею, что к тебе приехал... Ох, как жалею!!! Пожалуй... сейчас же и уеду!!! – метнулся он в сторону своих раскрытых чемоданов.

Но Станислав, резко встав с кресла, преградил ему дорогу корпусом своего тела: «Успокойся!!! Быстро собирайся на бал и не рыпайся!..» – прошипел он ему в лицо...

– Уйди от меня прочь!!! – попытался оттолкнуть его Михаил. Но у него из этого ничего не получилось – Станислав, как скала, стоял на его пути.

– Не пойму, Войцеховский, что тебе от меня надо? Не пойму!!! – совсем уже поник Михаил. – Не пойму, за какие такие рамки дозволенного я выхожу? Не пойму, какого чёрта ты к моему отцу прицепился? Что не так? Может, тебе не понравилось, что я хотел переубедить тебя в том, что не такой уж он, мой отец, конченный скряга, как ты изволил за-

явить перед этим?..

– Переубедил?.. – наконец-то отошёл от него Станислав и направился в сторону покинутого им кресла. – Ну?.. Что молчишь? – коротко взглянул он на него, усаживаясь обратно на свое место...

– До тебя, Войцеховский, достучаться сложно...

– А ты попробуй. Попробуй до меня достучаться...

– Хорошо, попробую... И скажу тебе следующее. Дело тут вовсе не в хлебе насущном, который барон Ордоновский мне, как венецианскому голубю, крошит в ладони, и не в туфлях сорок шестого размера, которые я купил себе за его деньги. Дело тут в более глобальных вещах. Ответь мне, учился бы я в престижной гимназии, если бы не материальная поддержка моего отца, барона Ордоновского?!!

Станислав на это только криво усмехнулся и выпустил в потолок большой клуб сигарного дыма.

– Ну?.. Чего молчишь?!

– Задаюсь вопросом...

– И каковы успехи?..

– Склоняюсь к тому, пан Богдан, что если бы не барон Ордоновский... крутил бы ты свиньям хвосты в своей деревне Каленевцы, нежели бы учился в престижной гимназии...

– Вот именно!.. Можешь даже и не сомневаться в этом! А уж об университете... О!.. Тут и мечтать глупо!.. Столярное и плотницкое ремесло стало бы моим уделом по жизни. Или работа по найму... В деревне Каленевцы, откуда я родом,

все мужики всю свою жизнь только тем и занимаются, что батрачат. Батрачили, батрачат и будут батрачить. Другой-то работы там нет. Одним словом, и я бы батрачил. От зари до зари... От зари до зари... Серо, уныло, убого...

– Да-а-а... Мрак и ужас!.. – вымолвил всё так же полулежащий в кресле Станислав. – Не дай Бог родиться батраком, – лениво затянулся он сигарой. – Хотя... что тут поделаешь... На все воля Божья! Только Господь решает, кому батраком родиться, а кому шляхтичем... Все это Его, Господа нашего, промысел!..

– О, да... ты-то, шляхтич голубых кровей, грязью бытия своих рук и подошв не осквернял!.. – наблюдая за развалившимся в кресле своим другом, с горечью констатировал Михаил. – Тебе ли понять тех, на чью судьбу выпал жребий батраками родиться...

– Ну, что ж... с тобой не поспоришь, пан Богдан, – смерив его оценивающим взглядом, вдруг тихо рассмеялся Станислав. – А знаешь, Богдан, я сейчас попытался представить тебя в одежде батрака. Так вот, спешу тебя заверить.....неплохо ты в рублище смотришься... Неплохо...

– Ты находишь?..

– Поверь на слово!.. Ничуть не хуже, чем в этом фра-а-а-ке... Ничуть не хуже!.. Нет...

– Ну, что ж.... красоту ничем не испортишь. Даже одеждой батрака!.. Золото, оно ведь и в дерьме блестит!.. Не так ли, пан Войцеховский?..

– Подожди, подожди, Богдан, что-то я не понял... Мы сейчас о ком говорим?.. О тебе?.. Или о золоте?..

– Обо мне, Войцеховский! Обо мне! Но подразумевая золото!!!

– Ну хорошо, хорошо!.. Ты золото, пусть будет так... Только не обижайся на меня! Я-то уже понял, правду в глаза ты не уважаешь...

– Правда в глаза, братишка, не страшна, когда у неё, у правды, цензура присутствует. И это не что иное, как корректность! Да, да! Именно корректность! Как раз то, чем ты меня сегодня обделил. Да ладно! Чёрт с тобой Войцеховский! – отмахнулся от него Михаил и стал снова прохаживаться по комнате в своих новых, оказавшихся ему тесноватых туфлях. – Знаю я тебя, братишка... Знаю, как облупленного... Знаю твой нрав... Знаю все твои заморочки в характере... Знаю, что тебя не надо трогать в момент, когда тебе необходимо побеситься... *Krótko mówiąc, idź do diabła!*

– Вот за что и люблю тебя!!! – ухмыльнулся Станислав. – Легко мне с тобой, Михаська!..

– Потому-то и легко, что в наших с тобой отношениях я всегда терпим, в отличие от тебя самого. Ладно!.. Черт с тобой!.. Зато, пока ты меня распекал, я уже и туфли успел разносить. Правый сначала немного поджимал, теперь все отлично... Будто бы лет сто в этих туфлях проходил.

– А ты покупай себе правый туфель сорок седьмого размера, а левый сорок шестого, – съязвил Станислав.

– Купил бы! Но кто же мне продаст один туфель сорок шестого размера, а второй сорок седьмого?!

– В таком случае, покупай сразу две пары туфель – одну пару сорок шестого размера, вторую – сорок седьмого. По одному не нужному туфлю из каждой пары выкинешь к чертовой матери, вот и будет тебе пара подходящей обуви.

– Вот видишь, Станек, одна голова хорошо, а с мозгами лучше. Спасибо! Воспользуюсь твоим советом...

– Только учти, в этом есть свой неприятный нюанс, – ехидно ухмыляясь, погладил свои усики Станислав. – Придется тебе у своего папеньки-скряги просить денег не на одну пару туфель, а уже на две. О, cholera!.. Вот тут-то старый хрыч и удавится!.. А вот скажи, какое ежемесячное содержание определил тебе твой Ясно Вельможный папочка?

– Ну-у-у, как тебе сказать... Одним словом... на плаву держусь...

– Вот видишь, прав я оказался! Скряга наш Ясно Вельможный пан! Скряга во всю спину!

– Не знаю, что уже и сказать-то, чтобы оправдать отца, – призадумался Михаил. – Хорошо!.. Вот тебе ещё один пример, Станек. Перед поездкой в Каленевцы встречался я со своим отцом в его роскошном варшавском доме. О, Станек... до сих пор не перестаю удивляться, в какой же роскоши живут люди!..

– Да, особняк барона Ордоновского прекрасен! – согласился с ним Станислав. – Но и дом моих родителей, что неда-

леко от дома барона, тоже ничуть не хуже...

– С тобой не поспоришь, Станек, – улыбнулся Михаил. – Ваш варшавский дом действительно восхитителен... Так вот, возвращаясь к разговору о деньгах, получаемых от Ясно Вельможного пана... После встречи с ним в его варшавском доме смотрю, а на мой банковский счет деньги поступили. Вот я и пошел к портному, где заказал этот фракный костюм, в котором сейчас перед тобой стою. Заранее знал, что ты меня на какой-нибудь светский раут с собой возьмешь или на бал.

– Знатный костюм! – резюмировал Станислав, не найдя к идеально сшитому фракному костюму Михаила нареканий. – Захочешь придраться, не получится... Жаль только, что эпоха этих костюмов заканчивается... Я ведь, братишка, вырос среди изящных фраков и смокингов. Это моя стихия!.. А теперь, Михаська... Ах... Теперь их надевают крайне редко... Только по торжественным случаям. А скоро они и вовсе канут в Лету, вместе с балами и привычной для нас жизнью... А ведь я ретроград, Михаська. Люблю старый, привычный для меня уклад жизни. Все новое меня страшит...

– Да... Это так, Станек!.. – с той же печалью в голосе согласился с ним Михаил. – Жаль, очень жаль расставаться с фраками!.. Но что же нам остается делать, кроме того, как привыкать к новому укладу жизни, к новой моде... Вот и я, помимо этого фракного костюма, заказал портному еще два

костюма по последней, сегодняшней моде. К каждому из них подобрал разноцветные жилеты. Все мои костюмы из самого дорогого сукна пошиты.

– Все костюмы у того же портного шил? – вяло уточнил Станислав.

– Да, Станек!.. Только у него теперь и шью, у старого еврея – пана Зильбера. До невозможности старательный человек... Маленький такой, пузатенький. Со мной у него проблема, – улыбнулся Михаил, – на скамеечку вынужден вставать, когда примерку мне делает. Смешной такой... Седые волосы в разные стороны дыбом торчат. Похоже, ему и причесаться-то нет время, всегда заказов у него много. Уставшие глаза из-под пенсне на тебя глядят. Жена его, пани Роза, ему помогает. И еще две его дочери, Бася и Зося. Шьет пан Зильбер безукоризненно! Но и берет этот портной-еврей, что обшивает всю варшавскую знать, баснословно дорого. Сам барон Ордоновский у него шьет. Кстати сказать, он меня с ним и свел. А теперь ответь мне, Станек, если бы не мой Ясно Вельможный папенька, смог бы я шить себе дорогие костюмы у дорого портного? Конечно, нет! Да и деньги на дорогу у меня появились благодаря ему. Родителям немного подкинул. Они-то у меня, как всегда, еле-еле концы с концами сводят. Как видишь, не забывает меня мой папочка.

Станислав не перебивал Михаила, но слушал его с откровенным неприятием, при этом нервно поглаживая свои усики... Когда его друг Михаил начинал напоминать ему, Ста-

ниславу Войцеховскому, о своем происхождении, о преследующей его семью нищете, его это унижало... Унижало, что он, особа, принадлежащая к родовитой знати, в приятельских отношениях с человеком из самых низших слоев общества...

Ну что ж... ничего с этим не поделаешь... Как отвратно смирение для гордого, так и отвратен для богатого бедный... Настроение Станислава ухудшилось, и он снова словно взбесился...

– Не убедишь ты меня, Богдан, в том, что барон Ордоновский не скряга. Скряга! И безответственный человек! – с запалом страстей выкрикнул он.

Михаил в растерянности застыл на месте. Его ввела в замешательство экспрессия друга. В больших его синих глазах застыл знак вопроса.

– Что ты на меня уставился!.. Что тут непонятного?!

Ничего не ответил ему Михаил, только как-то мгновенно сник...

– Не обижайся на меня, братишка! Никогда не обижайся! – видя, что друг его Михаська снова стоит, как потерянный, попытался взять себя в руки Станислав. – Не костюмами и туфлями должен от тебя отделяваться барон, а дом обязан тебе купить! Понял меня?! Долг у него перед тобой! Долг!!! Капитал солидный обязан оформить на твое имя в банке, а не отделяться карманными деньгами. И это тоже его долг! Свою фамилию обязан тебе дать. Давно обязан! И

это тоже его долг, коль уж он перед лицом общественности тебя за сына своего единокровного признал. А раз признал, то должен о твоём престиже позаботиться. Ты уже давно бы мог быть Ясно Вельможным паном Михаилом Ордоновским. А так, кто ты?! Да никто!.. Просто Михаил Богдан. Сын батрака Селивестра Богдана. А почему?.. Да потому, что ты сам по себе непритязательный человек. Дали кроху – спасибо! Не дали – спасибо! Не твой это удел, братишка, довольствоваться тем, что с панского стола упало!.. Ты достоин лучшей доли!.. Да и мне было бы морально комфортнее, если бы ты, мой друг, не просто каким-то там Михаилом Богданом был, а был бы бароном Михаилом Ордоновским. Тогда бы я не без гордости представлял тебя, как своего друга, высшему обществу...

Услышанное ввергло Михаила в безысходность: «Тебе что, Станек, меня снова обидеть захотелось?..».

– Не обидеть мне тебя, пан Богдан, захотелось! А захотелось довести до твоего сведения, что у меня на душе накопело...

– Да я смотрю, Войцеховский, ты не столько обо мне, сколько о себе самом печешься!.. Тебе надо, чтобы твой друг не просто другом был, а был титулованным другом?..

– А почему бы и нет?! – с возмущением смотрел на него Станислав. – Я что, не достоин того, чтобы мой друг был титулованным?

– Достоин! Конечно, достоин! – отходя к окну, потерян-

но сказал Михаил. – Но тебе не повезло с другом, Станек! Не барон я! И даже.... если бы барон Ордоновский захотел записать меня на свое имя, ему бы все равно не позволили этого сделать. Сам прекрасно знаешь, что он с моей ма-тушкой, Ганкой Богдан, не венчан. А раз родители не венчаны, то я, сын своего титулованного отца, по закону не имею права носить его фамилию, не имею права претендовать на его дворянский титул и на все привилегии, предоставляемые по закону дворянству. Вот и останусь я теперь на всю свою жизнь просто Михаилом Богданом... Вследствие чего принимай меня таким, какой я есть, или пошли меня ко всем чертям... А себе в друзья подыщи друга-барона. Тебе это труда не составит. Только пожелай...

– Ach, cholera! Опять ты своему папаше оправдания находишь!.. – вскипел Станислав. – Сам прекрасно знаешь, что при желании любые препоны можно обойти, и уж тем более ему, твоему отцу! С его-то деньжищами, связями и авторитетом ему ничего не стоит выбить для тебя дворянство «по Высочайшему соизволению». Было бы только его желание на это...

– Значит, у него нет такого желания! – болезненно поморщился Михаил. -

Нет и никогда не было! Что тут непонятного?

Увидев печаль в глазах своего друга, Станислав забеспокоился... Почувствовал, что саданул Михаську по больному его месту.

Неожиданно... он припомнил неприятный инцидент из детства, когда в гимназии его дружка Михаську один из одноклассников обозвал быдлом. А парнишка-то оказался сыночком очень влиятельного чиновника. Вспомнил, как отчаянно бил тогда Михаська бедолагу до первой крови, пока педагоги с трудом не растянули их в разные стороны. Вспомнил так же, что, несмотря на то, что Михаська всего-навсего защищал свою честь, виновным все равно сделали его. Скандал был великим... Еще бы!.. В образцовой гимназии мальчик из низших слоев общества обидел барчонка. И только вмешательство в ситуацию барона Ордоновского утрясло тогда непростое дело. Оставили гимназиста Богдана в учебном заведении...

– «Вот когда барон должен был сделать все от него зависящее, чтобы официально усыновить Михаську и даровать ему соответствующий статус в обществе», – подумал Станислав, направляясь к другу, уныло стоящему у окна...

– Да не обидеть мне тебя захотелось, братишка! – погладил он по плечу раненного в самое сердце своего друга Михаську, да не просто друга, а друга с большой буквы!.. – Просто обидно за тебя! Обидно, что ты – человек со скромными запросами в жизни, – все гладил он его по плечу, желая хоть как-то успокоить. – И виной тому... твой Ясно Вельможный папаша, который не пожелал приподнять планку твоей самооценки на достойную тебя высоту. Принудил тебя довольствоваться малым и быть этому чрезмерно благодарным. А

ведь у тебя есть право требовать от него лучшей для себя доли!.. Потому что ты его сын! Его часть! Его продолжение! Я помню, как непросто тебе было выживать в нашей гимназии. Помню, как приходилось бороться за свое место под солнцем, убеждая всех, что ты человек не десятого сорта. А дал бы тебе отец вовремя свою фамилию, твой бы статус уже в гимназии поменялся. Поменялось бы и твое мировоззрение... Тебе бы это облегчило жизнь. Да и денег он дает тебе мало. А ведь это долг его, поставить тебя на ноги и сделать все, чтобы ты в этой жизни ни в чем не нуждался. Поверь, Михаська, не стоит этот скряга твоих благодарностей!..

– Не надо так, Станек, – осторожно отстранив его от себя, отошел от окна Михаил.

– Чего там, не надо!.. – принялся дальше распалиться Станислав. – Я считаю так: призвал человека к жизни – будь ласков позаботиться о нём! Сделай всё, чтобы твой отпрыск был счастливым. Тем более, – окинул он оценивающим взглядом Михаила, – поразительную копию самого себя, барона Ордоновского, которая сейчас стоит передо мной!!! Глаз не оторвать от тебя, братишка! Днем и ночью твоей красотой любоваться хочется!

– Ладно, Станек, – прервал его Михаил, – могло бы быть и хуже. Слава Богу, хоть так...

– О чем ты?..

– О том, что барон мог бы и вовсе не признать во мне своего сына. И никто бы его ни принудил меня опекать. А он не

стал отрицать, что я его сын, и помогать мне взялся. Гимназию мне оплатил... Теперь вот, благодаря ему, я в университете учусь. Так что, Станек, уж лучше без статуса, да в дорогостоящем учебном заведении, нежели без того же статуса и всю жизнь по колено в навозе.

– У-у-ужас! – подавленно покачал головой Станислав. – С такой-то неземной красотой, с явно выраженной породистостью, да всю жизнь по колено в навозе?! – и.....голова его окончательно упала на грудь.

– Может, Станек, сменим тему разговора? Устал я...

– Ну, что ж... давай сменим, – покорно согласился Станислав и снова направился к своему креслу.

– Давай наконец-то отвлечёмся с тобой от барона Ордоновского и поговорим о чем-нибудь другом... Например... сидит у меня в голове занозой разговор твоей матушки с твоим отцом, о котором ты мне поведал. Да ведь из рассказанного тобой явствует, что отец твой напрямую уличил твою матушку в измене, а та, как ни странно, сильно-то и отпираться не стала. Удивительно просто...

– Поверь мне на слово, братишка, даже и не потрудилась отпираться! – расправляя фалды фрака, снова усаживался в кресло Станислав.

– Нет!.. Для меня это просто загадка! – воскликнул Михаил. – Как мужьям наших матерей удалось сродниться с изменами своих жен?! Парадокс какой-то! Не представляю себе, как можно жить с мыслью, что твоя женщина, твоя люби-

мая жена тебе изменила! Мало того, что изменила, так еще и родила от другого. О, Jezus Maria!.. Не дай Боже испытать такое в жизни!

– Ой, загадку нашел!.. А куда мужьям наших матерей деваться-то было! Да благодаря моей матушке так называемый мой отец, Адам Войцеховский, еще тот кутила и бабник, поднял свое благосостояние. Ой, как поднял!.. Его-то род был на грани разорения, а моя матушка была завидной невестой. Приданое, которое приготовил для неё её отец, барон Ландсбергис, простило бы ей любую ее безнравственность. Да и Селивестр Богдан, твой приемный отец, тоже не в накладе остался. Ну? Кем он был, так называемый твой отец Селивестр Богдан?! Усадебным мебельщиком? А кем еще? Все! Никем и ничем он не был! А что за душой у него было, помимо троих детей и нищеты? Ничего!.. А Ясно Вельможный пан Ордоновский за любовную историю с его женой щедро отблагодарил его... За понимание, так сказать... Нарезал ему в дар удел земли... выделил ему делянку в своем лесу для заготовки бревен на строительство дома... мерина подарил... несколько коров даровал... стадо гусей с панского двора в его двор пригнали... И стал дядька Селивестр не просто крестьянином, а зажиточным крестьянином!.. Стал себе на работу батраков нанимать. А значит... из класса эксплуатируемых в класс эксплуататоров перешел...

– Ой... ну, уж ты и сказанул!.. – от души рассмеялся Михаил. – Эксплуататора он в лице Селивестра Богдана нашел!

Ну-у-у, нанимал отец себе в помощь батраков из числа своих же деревенских жителей, когда лес на выделенной ему паном делянке пилил, когда хату новую ставил, когда траву косили... Бывали такие моменты. Но эксплуататором его с большой натяжкой можно назвать! Видел бы ты, как этот эксплуататор сам работал. Да он работал больше, нежели те нанятые им батраки! А уж как потом угощал их всех, помимо того, что заплатил им за их труд!.. Нет, братишка, ты не прав! С Селивестра Богдана эксплуататор – все равно, что с меня белошвейка, – всё смеялся Михаил, направляясь в сторону зеркала...

В отражении зеркала он снова с великим интересом принялся изучать свой образ... Очень внимательно присмотрелся к тому, уж не присела ли на его черный фрак либо брюки с лампасами какая-либо пылинка... Ещё раз осмотрел со всех сторон свои черные, лаковые туфли. В десятый раз поправил белоснежную бабочку. Провел рукою по кудрям своих длинных черных волос. Надел на голову черный атласный цилиндр. Неспешно натянул на руки белые перчатки и перекинул через шею белый шелковый шарф. Потом отошёл подальше от зеркала и еще раз осмотрел себя со всех сторон. Подошёл к шкафу, снял с плечиков своё тщательно отутюженное горничной Кристиной черное элегантное пальто, перекинул его через левую руку, взял под мышку трость и снова отошёл подальше от зеркала, и снова стал изучать свой образ со стороны...

Утомлённый его ожиданием Станислав достал из кармана жилета часы, взглянул на них и решительно встал с кресла: «Ну, всё, брат!.. Нет уже никакой мочи тебя дожидаться! Перед нами дальняя дорога, а опаздывать на бал – правило плохого тона! Сам этикетки изучал. Поехали, наконец! – направился он к выходу из комнаты. – Ach, cholera!.. Опаздываем! Не иначе, опаздываем! Через полтора часа начало бала!.. Хоть бы к концу поспеть! – продолжал он ворчать, быстро идя рядом со своим другом Михаськой по длинному коридору дома. – А ведь я перед поездкой на сегодняшний бал хотел еще на пару часиков в банк заскочить. Одно важное дельце меня там дожидается. Потому-то и из дома пораньше выехать намеревался. Но теперь-то уж куда деваться... подождут дела! Иначе совсем опоздаем. А у Медведских приглашение с пометкой – «S.t.»! Без опоздания!.. А мы с тобой уже на грани этого опоздания. Ох... и любишь ты себя, пан Богдан, вылизывать, как тот кот кое-что на завалинке!» – посмотрел он на него с негодованием.

– Ой!.. Ты-то у нас не любишь себя вылизывать!.. – ткнул его локтем в бок Михаил...

– Люблю!.. Но не так долго!.. – рассмеялся Станислав.

Со смехом и шутками друзья наконец-то спустились по ступенькам лестницы в холл, где Станислав тут же направился к зеркалу...

– Одеваться! – кинул он своему дворецкому Семену. – O, Matko Boska i wszyscy Święci! Вот так провозились мы с то-

бой, Михаська! – всё возмутился Станислав, надевая на голову цилиндр и натягивая на руки белоснежные лайковые перчатки, поданные ему Семеном. – Точно опоздаем! Вне всякого сомнения, опоздаем, – всё причитал он, накидывая на шею свой белый шарф и беря из рук дворецкого пальто и трость.

Наконец, друзья вышли из дома и направились к экипажу – двухместной, лакированной коляске на мягких рессорах, с поднимающимся верхом и на «шинах-дутиках». Экипаж уже около двух часов дожидался их около крыльца, обок с большой красочной клумбой, засаженной всевозможными цветами и пышными кустами роз.

Станислав приостановился у клумбы с цветами и, взглянув на розы, всплеснул руками: «Братишка! Ты случайно не забыл в лацкан фрака бутоньерку вколоть?!»

Михаил инстинктивно провел рукой по лацкану фрака и тут же растерянно воскликнул: «Ой, забыл!!! Забыл!!! Но у меня есть бутоньерка! Есть! Там... В чемодане!.. В маленькой коробочке лежит!» – метнулся он обратно в сторону дома...

– Стой!.. Не суетись!.. – удержал его за руку Станислав. – У меня для тебя сюрприз есть. Вот он!.. – достал он из кармана пальто маленькую, бархатную коробочку бордового цвета, тайно припасённую им для Михаила, и извлёк из нее бутоньерку.

Это была миниатюрная композиция, выполненная в виде

цветка белоснежной розы. Лепестки этой розы, а так же зеленые ажурные веточки рипсалиса, составляющие деликатную композицию этой бутоньерки, были настолько подлинно выполнены из тончайшего шелка, что едва отличались от живых роз, украшающих цветочную клумбу Станислава.

– Эту бутоньерку, впрочем, как и ту, что в лацкане моего фрака, привез мой дед, барон Ландсбергис, в конце прошлого столетия из Лондона. Удивительно тонкая работа. Согласись, Михаська, – протянул он ему бутоньерку...

Михаил взял в руки бутоньерку и, залюбовавшись ею, произнес: «Невообразимая работа, братишка! Не отличишь от цветов живых роз, что тут, у тебя на клумбе, растут...».

– Дарю ее тебе, – улыбнулся Станислав. – Будет тебе память о моем деде. Я уверен, что он был бы рад этому...

– Спасибо, Станек, за такой царский подарок! – засмутился Михаил.

– Ладно, давай ее сюда... Сам приколю её к лацкану твоего фрака...

Когда Станислав укреплял бутоньерку к лацкану фрака Михаила, тот его с усмешкой спросил: «Ты хоть помнишь, Станек, каков символ белой розы?»

– Известно, каков... Символ невинности...

– Вот, вот, Станек, невинности! Мы-то с тобой как раз и являемся яркими представителями той самой невинности... Не так ли?!

– Именно так!.. – без смеха в глазах улыбнулся Стани-

слав. – А еще... эти бутоньерки сыграют сегодня роль оберегов для нас с тобой, – со знанием дела добавил он.

– Надеешься, отгонят от нас злых духов?

– Надеюсь, да! Не глупцами же были греки, коль уж спасались этим способом от их происков.

– Думаешь, могут повстречаться на нашем пути?

– Несомненно, братишка, повстречаются, несомненно...

– Даже не могу себе представить, где... Уж не в лесу ли?.. – сделал испуганные глаза Михаил... – Или, может... на балу? – хитро усмехнулся он.

– Скорее на балу, братишка, нежели в лесу...

– Занятно... И в чьём же обличии?

– Ну, например, в обличии наших конкурентов в борьбе за женские сердца...

– Издеваешься?! – измерил изумлённым взглядом своего друга Михаил. – Вот уж небывалый случай, чтобы у нас с тобой, да конкуренты!..

– Ну, хорошо... пусть не конкуренты, а желающие показать, что тоже не лыком шиты... Однако там, на сегодняшнем балу, – прищурил глаза Станислав, явно удерживая кого-то в мыслях на точечном прицеле, – я буду преследовать свой определённый интерес...

– Хотелось бы полюбопытствовать, Станек, какой такой свой определённый интерес ты намереваешься преследовать на сегодняшнем балу?

– В первую очередь, конечно же, намереваюсь развлечь-

ся... Но!.. Развлекься не с *той*, которая этим вечером пришла бы мне по душе, а с *той*, которая уже давненько пришла по душе одному важному господину. Есть такой поручик, князь Серж Карелин. Да-а-авненько вьёт против меня интриги. Вот спеси-то я ему и поубавлю...

– Что за особа этот князь? – заинтересовался Михаил.

– Спрашиваешь, что за особа?.. Как бы тебе лучше пояснить?.. – призадумавшись, принялся разглаживать свои усики Станислав... – А знаешь... отведу тебе на этот вопрос эпиграммой Пушкина, и сразу всё поймешь...

– *«Я не видал такой негодной смеси; Составлен он из подлости и спеси... Но подлости побольше спеси в нем... В сраженьи трус, в трактире он бурлак, в передней он подлец, в гостиной он дурак...»*. И этим все о нём сказано, братишка! Как всем известно, Пушкин эту эпиграмму адресовал какому-то князю, имя которого не захотел озвучивать... Но я-то точно знаю, кого он имел в виду... Конечно же, моего злопыхателя, князя Сержа Карелина...

– Помню, помню я эту эпиграмму Пушкина, – рассмеялся Михаил. – Только тот князь, которому Пушкин её адресовал, давным-давно помер.

– Зато двойник его, князь Карелин, до сих пор живёт и здравствует...

– Понятно, – всё смеялся Михаил, – решил поизмываться над бедолагой?..

– Называй это, как хочешь, но я бы для более точного

определения своих намерений подобрал бы такое понятие, как месть!

– Вот как?! – наострил уши Михаил. – Игра стоит свеч?!

– Стоит, Михаська, стоит! Поставлю сегодня этого князя на место, чтобы у него никогда больше не появлялось желание самоутвердиться за мой счет в обществе.

– И как ты это себе представляешь?..

– Подставлю сегодня этому Сержу, хаму и великосветскому кутиле, подножку... Сделаю его пешкой в своей игре, а даму его, которой отведу на сегодняшнем балу роль ферзя, уведу прямо из-под его носа. Он-то небезуспешно обхаживает её все последнее время.

– Ах.... вот оно что... Разыгрываешь комбинацию – «*Cherchez la femme!*»

– Именно так, братишка! Именно так! «Ищите женщину!»

– Да-а-а. Мечь вещь нешуточная, – посерьёзnel Михаил.

– Не просто мечь, братишка! А очень болезненная мечь.

Тут прямо по живому... Женщина на кону стоит...

– Премиленькая?.. – сделал слащавенькое лицо Михаил.

– Кто?.. – схватился за сердце Станислав, – барышня та?!!

Ну, ей-богу, братишка! Ей до премиленькой, как мне, с моими смертными грехами – до Небесного Иерусалима...

– Что же она собой представляет? – уже с полной ответственностью заинтересовался Михаил, видя, сколько негативной окраски в мимику своего лица вложил Станислав, да-

вая оценку незнакомой ему барышне.

– Ой... О чем тут говорить!.. – скривил лицо Станислав. – Внешне – самая что ни на есть беспородная деваха, с лицом в полнолуние! Маленького росточка, тощенькая. Вздернутый носик на этой её круглой мордашке. Да еще два огромных, распахнутых миру глаза, в которых ни на что, кроме как на пустоту, не наткнёшься. Мало того, добродушна и доверчива до самозабвения. Да еще ухитряется всех любить, – хмыкнул Станислав. – Как говорится, с такими дурехами что ни делай, они всё ласкаются... Как ни старайся, ни духа вражды, ни мщения в них не возбудишь... Скука... Словом, глупа эта панночка! Глупа, как и её матушка, с которой они на одно лицо и неразлучны вовек... Им бы родиться маленькими собачонками – например, болонками – да провести всю свою жизнь на коленях престарелой барыни. Погладили по шерстке – лижутся. Пнули в бок – лижутся. Большого толку от них не сыщешь!..

– Ох..... несчастная панночка, – посочувствовал Михаил.

– Что-о-о?! – подернулся негодованием взор Станислава. – Она – несчастная?.. Напротив!.. Самая что ни на есть счастливая! Счастливая оттого, что по природной своей глупости даже и не подозревает, насколько несчастна...

– Что же в ней их сиятельство князь Карелин нашёл?! Или он и в самом деле – дурак во всю спину?

– Ну, уж нет!.. Тут он нос по ветру держит. Барышня-то с очень достойным приданым. Дед генерал, отец генерал. А

род Сержа, хотя и знатный, но почти разорился. Из поколения в поколение кутят и развлекаются, а несметные богатства, они-то ведь не бездонны... Вот он и ищет выгоду в этой пустышке. Материальные ресурсы семьи за её счет выправлять надумал...

– Ах... вот оно, в чём тут дело!.. Князь Карелин беден!.. Ну что ж... мне ли этого не понять! – уныло вздохнул Михаил...

– О, нет.... Решительно, бедным его не назовешь... Однако лишь только потому, что знаю того, кто победнее его будет, – поглаживая усики, с ехидцей ухмыльнулся Станислав.

– Ты сейчас кого-то конкретного имел в виду? – созерцая на злорадное выражение лица своего друга, насторожился Михаил.

– Да нет!.. Это я так... Объективности ради... – расплылось лицо Станислава в благодушной улыбке...

– А что, князь Карелин один на приданое этой барышни покушается? Или есть еще претенденты? – спросил Михаил...

– На хорошее приданое всегда желающих много! Только вот барышню эту, даже ради денег, не каждый в состоянии вытерпеть. Ему-то, Сержу, в терпении не откажешь. Ты только представь себе, Михаська, что это за мука, всё время смотреть в глаза глупой женщине... Женщине, которая всё время смотрит на тебя с открытым ртом, принимая за истину каждое произнесённое тобой слово. Шуток эта барышня

не понимает вообще... Прежде, чем надумаешь пошутить с ней, стоит её предупредить об этом, иначе всё сказанное тобой за чистую монету примет. Да ладно, если бы только это... А что за ужас прижимать к себе в танце её в три щепочки сложенное тельце, причем без всяких признаков женского начала?! О-о-о... На это, скажу я вам, не каждый отважится! А еще... Фу-у-у-у, братишка... Эти её мокрые, холодные руки, словно у лягушки. Даже перчатки от них не спасают. А ведь мне её сегодня обхаживать придется...

– Ну и барышня!.. – сокрушённо покачал головой Михаил. – Вот уж не позавидуешь князю. А тут еще ты со своим гамбитом надумал подпортить ему настроение...

– Так уж случается, Михаська, что я на каждом балу кому-нибудь настроение порчу. Потому-то моё появление на балах и раздражает потенциальных женихов, особенно тех, с которыми у меня конфронтация. Они-то знают моё несерьезное отношение к серьезным чувствам женщин и знают, что я мастер сбивать барышень с пути истинного, отвлекая их от поклонников с серьезными намерениями. А те, дурёхи, и рады... Летят в мои объятия, как мотыльки на луч света, не соображая, что нужны мне только в качестве орудия мести против их же кавалеров. А ведь потому-то и летят, негодницы, что знают, где можно сладеньким поживиться! Рады, каждая из них, хоть и ненадолго, но в полной мере заполучить все то, что никогда не сможет принадлежать им всегда и по праву...

– Например, тебя?.. – улыбнулся Михаил.

– Например, меня!.. – расправил плечи самовлюблённый Станислав и, горделиво откинув голову назад, одернул полы своего фрака...

Михаил задержал взгляд на друге и снова им залюбовался. Высокий, красиво сложенный элегантный парень. Взгляд больших карих глаз из-под черного цилиндра – немного насмешливый, немного циничный. Белизна белья, перчаток подчёркивает чистоту его происхождения, вызывает страх даже прикоснуться к нему, холеному и изысканному во всех отношениях господину.

– Да-а-а... перед таким парнем, как ты, мало кто устоит!..

– Знаю!.. – самодовольно улыбнулся Станислав и, приобняв Михаила за плечи, увлёк его за собой в сторону ожидающегося их экипажа.

– Однако, братишка, это еще не все перипетии, которые поджидают нас с тобой на сегодняшнем балу. Будем просить помощи у наших с тобой бутоньерок, которые прикреплены к лацканам наших фраков, чтобы защитили нас от происков духов иного рода.

– В лице кого?..

– В лице бдительных матушек и тетушек, приставленных охранять нравственность своих ветреных и жадных до приключений дочерей и подопечных. O, Matko Boska i wszyscy Święci! – простер он к небесам руки, – вот где ярые борцы с чужой безнравственностью! Вот уж, кто может испортить

радость бытия, так эти старые, уже не востребованные мужчинами дамы!..

– Да уж... о своих-то приключениях давным-давно позабывали, – охотно согласился с ним Михаил.

– В том-то и дело, что о своих приключениях эти старухи уже успешно позабывали... Зато успели уверовать в то, что всегда были целомудренными девочками, в отличие от современной молодежи. Вот и направили все свои жизненные ресурсы на порицание чужой порочности. Непонятно только одно, откуда в них столько кокетства и жеманства берётся, когда осыпаешь их комплиментами?! Откуда такая готовность пуститься во все тяжкие, лишь только с деланой страстью помотришь в их помутневшие от старости глаза?..

– Вот это да!.. – изумился Михаил. – На мой взгляд, господин Войцеховский, вы используете запрещённые приемы с престарелыми дамами? Вам так не кажется?

– Хмм... Почему нет?

– Но ведь это не совсем честный прием...

– Ты так считаешь?..

– Да!.. Я склоняюсь к тому, что не стоит обещать женщинам того, чего не сможешь им дать. Ты их тем самым обманываешь...

– Сам-то не обманываешь женщин?..

– Со мной, Станек, они обманываются сами...

– А со мной, по-всякому... Но в любом случае – обманываются...

– Нет, Станек, и все-таки я склоняюсь к тому, что так играть с пожилыми дамами не следует, – гнул свою линию Михаил. – Неучтиво это с твоей стороны, братишка...

– Это им неучтиво, в их возрасте строить иллюзии на мой счет...

– Но ведь ты сам подталкиваешь их к этому, когда смотришь призывно в их глаза, когда смотришь на них с обожанием. Вот они и теряют бдительность и самообладание...

– А раз теряют самообладание, значит, не так уж морально устойчивы... Следовательно... нет у них права порицать чужую порочность. А с другой стороны, ещё и благодарны должны быть мне!..

– Это за что же им тебя благодарить, Станек?..

– Я даю им то, о чем они и мечтать-то давным-давно позабыли... Напоминаю, что они женщины и ими еще могут заинтересоваться даже молодые мужчины... Не в этом ли счастье, Михаська, когда понимаешь, что не всё еще в твоей жизни потеряно?..

– Станек.... и всё-таки это нечестно с твоей стороны, – улыбнулся Михаил. – Одумайся, брат!.. Будут старушки тайно мечтать о тебе, а значит, жить иллюзиями. Ты склоняешь их к греху мысленного блуда. Не жалко тебе их?

– Вот и пусть живут мысленным блудом! Это лучше, нежели бесконечно опекать чужую нравственность. Когда же поймут, что тоже небезгрешны, глядишь, и пересмотрят этические нормы относительно своих дочерей. Станут более ло-

ьяльными к ним. Неужели нам это не на руку? Как думаешь, братишка?..

– Кто знает, Станек, кто знает... – рассмеялся Михаил.

– Вот и отлично! Рад, что между нами снова единомыслие. А теперь, Михаська, достаточно всех этих разговоров! Впереди нас ждут другие, более интересные дела.

Друзья, один за другим, запрыгнули в коляску ожидающего их экипажа и удобно уселись на кожаном диване, вдоль спинки которого были разложены мягкие подушки и валики, облаченные в кожаные наволочки.

– Вперед, Аркашка, да с ветерком!.. – бодрым голосом отдал Станислав распоряжение своему кучеру, рослому, крепко сложенному парню, который, словно на боевом посту рекрут, стоял по стойке смирно рядом с их коляской. – Едем на бал! На бал по случаю помолвки панны Эллены! Гони скорее, Аркашка, своих лошадей! Ведь в доме господ Медведских *«...полна уже народу зала, музыка уж греметь устала...»* – принялся он ликуяще цитировать стихи Пушкина...

– *«Толпа мазуркой занята. Кругом и шум и теснота»*, – подхватил стихи Михаил, подключившийся к разудалой волне друга...

– *«Бренчат кавалергарда шпоры. Мелькают ножки милых дам»*, – продолжил Станислав и в порыве душевного подъема обнял Михаила за плечи...

– *«По их пленительным следам летают пламенные взоры»*, – закончил цитировать стихи Михаил и, поцеловав сло-

женные в щепотку пальцы обеих своих рук, пустил воздушные поцелуи во все стороны света...

– Трогай, Аркашка! Трогай!.. – снова отдал Станислав приказ своему кучеру. – Не то опоздаем! – поудобней уселся Станислав на диванчике коляски и настроился получать удовольствие в мягких его подушках.

Однако Аркашка не спешил выполнять команду своего хозяина. Вместо этого он принялся топтаться на месте и нещадно тереть рукой свою мощную, покрытую от волнения багровыми пятнами шею. Может... собирался с мыслями и решимостью о чём-то спросить своего барина?.. Кто ж его знает...

Станислав неплохо знал своего кучера Аркашку, знал его, как исполнительного работника и добросовестного конюха. Ухаживая за лошадьми, он с полной отдачей предавался своему любимому делу, к которому призван был не иначе как самим Господом. Аркашка никогда не был замечен в пьянстве... Прекрасно знал географию города Могилева и его окрестностей... Был опрятен... Для выезда с баринком у него имелась специальная форма – серая косоворотка из льна, серый жилет, добротный чёрный пиджак, широкие чёрного цвета портки и почти новые, всегда начищенные до блеска сапоги. Рыжую густую шевелюру Аркашки непременно прикрывал картуз с чёрным лакированным козырьком. Одежду Аркашка держал в идеальной чистоте, строго выполняя наказ своего хозяина. Хранил он свой костюм у себя в комна-

тушке, выделенной ему, как и всей остальной прислуге, в цокольном этаже дома.

Аркашка несказанно гордился тем, что находится в услужении самому банкиру, господину Войцеховскому, которого очень уважали все господа и дамы Могилева. Когда он вез своего хозяина по улицам города, его до предела распирали эмоции значимости от причастности к важному делу. На большой скорости, а только так любил Аркашка управлять экипажем, окрикивал он своим мощным басом всех кряду зазевавшихся на пути его следования прохожих.

Несомненно, в умелом управлении экипажем и добросовестном отношении к лошадям, всегда накормленным, намытым и начищенным, отказать Аркашке было бы несправедливо. В этом ему не было равных. Но по части красноречия... да что там, красноречия... в элементарном умении вступать в разговор с людьми – тут уж Господь, несомненно, обделил парня. Словарный запас Аркашки был небольшой... Скажем... совсем маленький. А если из него, из этого словарного запаса Аркашки, выкинуть ещё и все матерные слова, на которые он не скупился – скорее всего, для пущей важности – то от сказанного им осталась бы пара-тройка неказистых слов, несколько междометий и множество долгих пауз, используемых им для вдумчивого раздумья. Но люди, вступающие в контакт с кучером Аркашкой, понимали его и без слов, настолько многоговорящими были его мимика, эмоции и жесты.

Между тем... Аркадий по-прежнему безмолвно топтался на месте...

– Итак, дружище, как я понял, ты желаешь меня ознакомить с какими-то своими глубокомысленными размышлениями? Пожалуйста! Я готов тебя выслушать! – доставая из прорезного кармашка своего белоснежного жилета часы, великодушно позволил ему Станислав. – Да побыстрей, прошу тебя! Видишь же, опаздываем мы!.. Боже! Как стремительно летит время! – сокрушённо покачал он головой, взглянув на циферблат часов...

Аркадий, который все это время информацию о действиях и перемещениях в пространстве своего хозяина и незнакомого ему барина получал только благодаря функции бокового зрения, встрепенулся, с усердием почесал затылок, и... снова принялся переминаясь с ноги на ногу. Мозг Аркадия по-прежнему не желал включаться в работу.

– Аркадий, – по-отечески спокойно обратился к нему Станислав, – я весь во внимании... Ну-у-у?.. Что у тебя там нагорело?..

И тут... лицо Аркадия просветлело, а взгляд его оживился, вследствие чего можно было предположить, что он уже готов озвучить мысль, завязшую в его мозгу. Этот факт не ускользнул от внимания чуткого Станислава и он, чтобы поскорее столкнуть застопорившийся процесс мышления своего кучера с мертвой точки, ненавязчиво посоветовал ему: «Аркадий! Когда в твою светлую голову приходит какая-ли-

бо мысль, ты не тяни kota за хвост, а старайся поскорее за неё ухватиться и тут же, пока не забыл, озвучить ее. Самое главное – не упусти момент!.. Кто знает, Аркадий, может, она, эта пришедшая в твою голову мысль, по своей сути гениальна, а ты – единственный на свете, кому пришла она в голову...».

Однако Аркадий, дослушав до конца долгий и ёмкий для его разума монолог хозяина, вообще перестал сосредотачиваться на мысли, застрявшей в его голове. Он принялся осознавать смысл слов, сказанных хозяином, при этом донельзя сдвинув свои лохматые рыжие брови к широкой, усыпанной рыжими веснушками переносице.

– Эко, брат!.. Эдак, cholera, мы с тобой и до утра не управимся! – разочарованно вымолвил Станислав. – Ну-у-у! Будь краток и излагай уже, что у тебя там на душе накипело...

– Э-э-э-э... Як яго... – вдруг вымолвил-таки Аркашка...

– Что-что?! – поморщился Станислав...

– Ты же сам попросил его быть кратким, – съехидничал

Михаил.

От напряженных размышлений, а еще оттого, что лицо его барина недовольно сморщилось, а барин-гость посмотрел на него как-то уж больно не так, Аркашка покрылся еще более, нежели прежде, бурыми пятнами и... окончательно ушёл в себя.

– Ach, cholera!.. – занервничал Станислав, – такими темпами он и до второго пришествия Христа не разродится! Как

думаешь, братишка, он ещё долго будет испытывать мое долготерпение?! – посмотрел он вопросительно на Михаила.

Михаил тяжело вздохнул и... принципиально отвернулся в сторону.

– Дружище, – снова глянул на Аркашку Станислав, – я полагаю, это и всё, о чем ты хотел мне сегодня поведать? Можем ехать?

Кучер отрицательно покачал головой...

– Понятно!.. Ехать мы ещё не можем. Тогда излагай!.. Я весь во внимании...

Однако Аркадий по-прежнему только молчал и переминался с ноги на ногу.

– А-а-а-а... – вдруг осенило-таки Станислава, – ты насчет прибавки к жалованию. Я правильно тебя понял?

Аркадий снова отрицательно покачал головой и наконец-то вымолвил: «Гэтый, як яго...».

– Кого его?! Говори уже, чего хотел! – повысил голос Станислав.

– Я, пан, гэтага....

– Которого?! – выжидательно уставился на него Станислав.

Несчастный Аркашка снова, как среди двух берез, запутался в своих мыслях и умолк.

– Уж не тебя ли он стесняется?.. – устремив взгляд на Михаила, призадумался Станислав. – Сроду до такой степени не мычал... Просто-таки небывалый случай...

– Может, мне пока за коляску спрятаться?! – недовольно пробурчал Михаил. – Поясни ему, наконец, что мне до него нет дела, да поехали уже. Глядишь, по дороге вспомнит, о чем хотел спросить. Более тридцати вёрст в его распоряжении. А вообще, господин Войцеховский, тупого вы себе ку-чера на службу взяли...

– Не суди его строго, Михаська!.. Парень приехал на заработки в город из глухой деревни Дашковки, что в двадцати километрах от Могилева... Ничего в жизни хорошего не видел и не знал. Да и что он мог там видеть? Кругом хаты с крохотными оконцами, покрытые соломой, нищета беспросветная... Замученные работой мужики да бабы... Кучи грязных детей, копающихся в пыли да вонючих лужах. Единственное украшение Дашковки – это роскошное имение помещика Жуковского. Аркашка тоже из многодетной семьи. Он самый старший у своих родителей. Мать его родила пятнадцать детей, из них выжило девять. На него, на старшенького, вся надежда у родителей. Отец-то его пьёт беспробудно. С утра до ночи в помраченном сознании. Когда же ненадолго трезвеет и перед его взором образ благоверной проясняется, вот тут-то, скорее всего, плотский его инстинкт и срабатывает. Похоже... это и всё, к чему он приспособлен в жизни, судя по тому, сколько у них в семье детей и какая бедность...

Разговор молодых людей прервал Аркашка, очевидно, дозревший для диалога...

– Пан! – неожиданно бодро обратился он к хозяину...

– Говори, говори, дружище! – оживился Станислав. – Не теряй мысль...

– Гэтый, як яго?.. Ну-у-у... Сашок... Просил Султана даць...

– Какого еще Султана?! – сошел с лица Станислав.

– Як тэта, якога Султана?.. – наполнились гневом глаза Аркашки. – Гэтага!.. – указал он с негодованием рукой с зажатым в ней кнутом на одного из двух мощных жеребцов, запряженных в экипаж. Очевидно, Аркашку до невозможности возмутила несообразительность его хозяина, который взялся уточнять у него, о каком Султানে идет речь...

– Зачем ему мой Султан?..

– Каб ён мог обрюхатить...

– Кого?.. Сашка?!!!!

– Не Сашка обрюхатить!.. А гэтую... Кобылу ихнюю...

– Кто такой Сашок? – начал выходить из равновесия Станислав.

– Конюх...

– Конюх?!!

– Да! Конюх!..

– Чей конюх?..

– Этого... – принялся Аркашка снова чесать свой мощный загривок, – ну-у-у..... як яго... Купца!

– Купца?.. – призадумался Станислав, очевидно, припоминая, о каком купце идет речь...

– Да! Купца! Кого ж яшчэ?! – налились от негодования кровью бледно-карие, больше желтые глаза Аркашки...

– Какого купца, cholera?! – взбеленился уже и Станислав. – Не морочь мне голову, я не знаю никакого купца!..

– Як не ведаеце купца, пан?! 3 яго лавки да вашага столу... як яе... гэтая... ну, як яе?.. Ай!.. Яшчэ толстая такая, як кадушка... вяликую рыбу з рылом, як лопата, возиць...

– Осетров?!

– Якой яшчэ Осетров?! – покрылась еще более бурыми пятнами шея кучера. – Ня Осетров ихняя прозвишча!.. – начал он уже окончательно выходить из равновесия, – а гэтый... Як яго? Н-у-у... Як яго?..

– Ну?! – прикрикнул на него Станислав...

– Калмыков!.. – пробились-таки мысль сквозь тугой мозг Аркашки.

– Станек, – вклинился в разговор Михаил, – пошли его к лешему, и поехали уже. Что тут непонятного... Какой-то купец Калмыков возит тебе осетров – большую рыбу с мордой, как лопата... Так он выразился... Купец этот хочет обрюхатить свою кобылу, ну-у-у, и дальше по тексту... Вот и весь сказ!

– А почему эти вопросы купец Калмыков решает не со мной, а через конюхов? – с недоумением смотрел на Михаила Станислав.

– Спроси у своего кучера!.. – отвернулся от него Михаил. – Чего ты ко мне-то пристал?!

– Быстро отвечай, Аркашка! Почему купец Калмыков этот вопрос решает не сам, не со мной, а через своего кучера и тебя?!

Но быстро у Аркашки ответить снова не получилось... Вопрос хозяина завёл его в очередной тупик, и он, не моргая, уставился на него. Смотрел и всеми силами ожидал, когда же его разум придет ему на помощь. Но... разум не спешил на помощь к Аркашке, и он вынужден был только тупо смотреть на своего барина и молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.